

Изольда Рыбкина

ДВУХКОЛЁСНОЕ
Счастье

Моему взору является молодой Ален Делон, Бред Питт и Адриано Челентано в одном флаконе. Он идёт по коридору студенческой базы отдыха мне навстречу, и я вижу, будто в замедленной съемке, как развеваются его кудрявые черные волосы, когда он на ходу поворачивает голову и приветствует знакомых, как убийственная улыбка, словно вирус, поражает всё вокруг него, как черные ресницы, похожие на опахала, создают ветер, от которого меня просто уносит в какой-то другой мир... Слабо отдавая себе отчет в происходящем, я просто в оцепенении стояла и следила за приближением ко мне незнакомца. Товарищи, это любовь... Любовь с первого взгляда.

— Алло, мам, привет! — выхожу из душевой подсобки, отвечая на звонок. — Алло!?

— Доченька, ты меня слышишь? — доносится откуда-то издали сильно приглушенный голос мамы.

— Да, слышу, только ты как будто кричишь мне с другого конца поля, когда мы картошку окучивали. Ты не дома, что ли, почему связь такая плохая?

— Мы с папой уехали в станицу к тёте Люде, у неё дядя Вова ногу сломал, а корове отелиться приспичило. В общем, Лёня в больницу поехал, а мы с твоей крестной в няньках теперь...

Мама продолжает мне рассказывать о телятах и новоиспеченной мамочке, о том, как дядя Вова умудрился упасть с крыши сарая, когда гонял там соседских голубей, о том, как он развалил кровлю и спровоцировал коровьи роды, чем навлек на себя праведный гнев теть Люды, но я слушаю её в пол-уха. А всё потому, что моему взору является молодой Аллен Делон, Бред Питт и Адриано Челентано в одном флаконе!

Он идёт по коридору студенческой базы отдыха, куда мы приехали пару часов назад, мне навстречу, и я вижу, будто в замедленной съемке, как развеваются его кудрявые черные волосы, когда он на ходу поворачивает голову и приветствует знакомых, как убийственная улыбка, словно вирус, поражает всё вокруг него, как черные ресницы, похожие на опахала, создают ветер, от которого меня просто уносит в какой-то другой мир...

— Мам, я перезвоню... — говорю лишь для того, чтобы отключить все посторонние звуки и сконцентрироваться на прекрасном видении мужчины моей мечты.

Слабо отдавая себе отчет в происходящем, я просто в оцепенении стояла и следила за приближением ко мне незнакомца. Удивительно, что проучившись в универе уже почти месяц, я не знаю, кто он. С моими способностями первой узнавать всё обо всех, и с феноменальной памятью на лица, я никак не могла пропустить такого красавчика.

А он, между тем приближался всё ближе. Поравнявшись со мной, парень бросил быстрый взгляд, словно просканировав меня, и, видимо, удовлетворившись результатом встроеного «рентгена», подмигнул мне и прошел дальше.

Подождите-подождите! Подмигнул! Он мне ПОДМИГНУЛ!

Шел по коридору и только улыбался всем. А мне подмигнул!

Похоже, он какой-то сильный чародей, раз одним только миганием глаза покорила меня. Вот она — любовь с первого взгляда!

Разве могу я теперь вернуться в каморку и заниматься рутинной работой — рисованием однообразных плакатов для каких-то студенческих игр?! Ответ очевиден — у меня есть более важное дело: мне нужно немедленно выяснить, в каком фильме снимается герой моего романа и кто режиссер этого шедевра. Ну, то есть, надо узнать имя, фамилию, отчество, дату рождения, курс, факультет, основные увлечения и самое главное — семейное положение парня. Это минимум сведений, по ходу расследования список, естественно, будет дополнен.

Спустя полчаса я уже в своей комнате — подвожу промежуточный итог своим следственным действиям.

Объект: Марио Гардиани. Отец — итальянец, мать — русская.

Место проживания: г. Измайловск.

Место обучения: Измайловский гуманитарный университет журналистики.

Факультет: международная журналистика.

Курс: пятый.

Основные занятия: басист в студенческой группе «Грибоедoff», игрок студенческой сборной по баскетболу, волейболу и теннису.

Другие увлечения: туризм, велогонки и... девушки.

Девушки — это прям вот ну совсем не клеится в эту характеристику. В нём идеально всё. Кроме последнего слова.

Девушек нужно исключить. Вычеркнуть. И не только из тетрадной страницы, которую я всю измарала перечислением достоинств моего будущего парня, а прямо из его жизни. Я должна доказать ему, что ему нужна только одна девушка, одна конкретная сероглазая шатенка по имени Ася.

Да, конечно же, это я. Меня зовут Ася Василькова, но это только пока. Совсем скоро я буду носить фамилию Гардиани. Помяните моё слово!

Треск веток в костре, теплые мерцающие блики, перебор гитары и лирические песни о несчастной любви. Вечер первого дня на базе отдыха подходил к концу. Для меня это был очень насыщенный эмоционально день. Узнав всю необходимую мне информацию о парне мечты, я, не медля ни минуты, приступила к завоеванию его сердца.

Игры на знакомство, устроенные Анечкой, прошли с положительным для меня результатом. Марио меня заметил и... снова подмигнул! Эх, наступят те дни, когда я перестану считать каждое подмигивание и каждую улыбку, подаренную мне парнем... А сейчас никак нельзя расслабляться — у меня шикарная возможность в виде целых двух дней на то, чтобы очаровать этого горячего итальянца.

— Марио, ты так прекрасно поешь, учился где-то вокалу? — шепчу ему на ухо, как только парень допевает последние строки.

— Я не только пою, — обворожительно улыбается, — у меня масса других талантов, — и подмигивает мне самым двусмысленным образом.

— И каких же? — подыгрываю его интонации, хотя не представляю, что буду делать, если я неверно истолкую его намеки...

— Ну, например, я прекрасно владею итальянским языком, — в глазах появляется какой-то дьявольский блеск, от которого мне вдруг становится не по себе. — Хочешь докажу?

Почему-то первым порывом было отказаться, но я одернула сама себя — может парень тебе стихотворение хочет рассказать на итальянском или песню спеть...

— Конечно, хочу, — после секундной заминки соглашаюсь, чтобы не вызвать сомнений в моей готовности его слушать. — Ты споёшь что-то из Челентано? — на самом деле, это было бы потрясающе, я обожаю этого актера и знаю его песни практически наизусть — по крайней мере, на столько, насколько можно их знать, не владея итальянским от слова совсем.

— Обязательно спою, — усмехается парень. — Пойдём, поможешь гитару настроить.

Не сводя с меня горящих глаз, Марио вручает гитару кому-то за своей спиной и, схватив меня за руку, куда-то уводит. Сердце моё стучит, как взбесившийся дятел, ноги становятся деревянными, как и мозги, которые категорически отказываются понимать, что происходит...

— А куда мы... — закончить фразу я не успеваю, так как парень, едва зайдя за угол здания, скрывшись от глаз сидящих у костра, моментально прижимает меня к стенке и начинает... есть.

Нет, ну в самом деле — он набрасывается на меня с каким-то почти остервенением. В первые секунды мне даже кажется, что он меня не целует, а кусает. Я даже хочу его оттолкнуть, но снова останавливаю себя и буквально заставляю начать отвечать.

Н-даа... Не так я себе представляла свой первый поцелуй...

— Ну, как тебе владение языком? — едва оторвавшись от моего рта, самодовольно спрашивает парень.

И только теперь до меня доходит весь смысл нашего разговора у костра...

Это он, получается, так намекал на поцелуй? Но ведь это же... не совсем романтично? Или я слишком заморачиваюсь?

— Да, хорошо, — мямлю в ответ, до конца не понимая даже, на какой вопрос отвечаю.

— Хм, всего лишь «хорошо»? — приподнимает бровь, показывая недоумение, или правда удивляясь моему ответу, мне трудно уже понимать. — Неужели, теряю квалификацию? Надо чаще тренироваться, — парень снова притягивает меня к себе, но я почему-то спешу предотвратить дальнейшие действия и быстро тараторю.

— Нет, конечно же, не «хорошо»! В смысле хорошо, но не просто хорошо, а отлично! Даже потрясающе! Это лучший поцелуй в моей жизни!

Не знаю, сколько бы еще я несла чушь, но, на мою радость, нас прервали — из корпуса вышли двое студентов и, очевидно, узнав Марио, поспешили в нашу сторону с какими-то шутками и подколами. Не дожидаясь, когда мне придется оказаться в компании малознакомых парней и глупо стоять, кивая или подсмеиваясь неизвестным мне шуткам, я сбегая обратно к костру. Марио меня не держит, а словно так и было задумано, спокойно отпускает руки, которые всего секунду назад крепко обнимали меня за талию, и просто уходит навстречу своим знакомым.

Что это сейчас было? Это та самая искра, которую я весь день пыталась запустить между мной и парнем? Ну а что же еще? Ведь не стал бы он целовать первую встречную? Конечно, я его заинтересовала, вот он и поцеловал меня. А что получилось грубо... ну, в конце концов, герои моих любимых романов тоже страстно упиваются поцелуями с любимой девушкой. Мне просто не с чем сравнить, вот я и не поняла сразу, что произошло.

А произошло волшебство! Самое настоящее. Мой первый поцелуй с самым шикарным парнем всего университета!

При следующей встрече, я уверена, Марио будет нежнее меня целовать. Нужно только дождаться, когда парень вновь ко мне подойдет. А он подойдет, я теперь в этом абсолютно уверена.

— Ась, ты чего зависла? — легко толкает меня в спину Ника. — Мы в столовку-то идем? Или так и будем тут стоять?

На самом деле, я надеялась, что встречу Марио перед завтраком и мы вместе пойдём в столовку, но время уже близится к 10 часам, а парень так и не появился из своей комнаты.

Да, у меня сегодня снова обострение синдрома Коломбо. Я с семи часов караулю его в коридоре. Нет, не напрямую, конечно. Просто ищу поводы как можно чаще выходить из комнаты, чтобы пройти мимо двери, за которой комната музыкантов из группы. Я уже и в туалет трижды наведалась, и дважды сходила к кулеру за водой, и даже наведалась к Анечке-вожатой. К ней, правда, всего раз, ибо эти походы в её каморку всегда заканчиваются новыми поручениями и заданиями.

И вот уже завтрак почти окончен, а я так и не встретила объект, занимающий все мои мысли в последние сутки.

— Иду, Ник, — нехотя плетусь на выход из корпуса, чтобы попасть в соседнее здание, где у меня есть всего 15 минут на подпитание организма, которому сегодня еще неизвестно какие испытания предстоят...

Весь день я отчаянно высматривала Марио среди студенческих групп, которые рассредоточились по территории базы отдыха и занимались своими делами. Мне были откровенно не в радость все мероприятия, которые с нами проводила Анечка. Вообще, несколько раз даже одолевало очень сильное желание пойти и постучать в дверь его комнаты. Или спросить у Чацкого, парня моей подруги Ники, который живет с ним в одной комнате, где прячется сегодня его друг. Из последних сил сдерживала себя. И вот, наконец, перед ужином итальянец всё-таки проснулся и озарил своим появлением сначала столовую, а затем и вышел на площадку, где их группа расставляла инструменты для вечернего концерта.

— Привет, — подойдя к парню, который подключает к своей гитаре какие-то провода, решаю заявить о себе.

— Привет, красавица, — тут же расплывается в улыбке Марио.

— Ты что, весь день сегодня проспал? — вот спросила и тут же пожалела. Выражение лица парня в миг меняется. Ему неприятен мой вопрос. Может, он посчитал, что я спросила слишком личные подробности? — Не видела тебя сегодня ни на завтраке, ни на обеде, — неловко оправдываюсь, внутренне умоляя его хоть что-то ответить мне, чтобы я не сгорела от стыда, вызванного его молчанием.

— Марик, ты гитару подключил? — окликает моего собеседника какой-то рыжий парень, вроде барабанщик их группы. — Давай прогоним Пилота, пока Чацкого нет.

Ребята начинают играть, и мой вопрос остается без ответа. Да уж, неловко получилось... Ну да ладно. После концерта, думаю, Марио сам подойдет ко мне.

Но сколько я ни аплодировала, сколько ни стреляла глазами, после финальной песни, парень так и не подошел. Пропал куда-то. Наверное, гитару понес к себе в комнату.

Можно ли относить гитару пятнадцать минут? Минута — дорога к корпусу. Ну, это если с подъемом на второй этаж и по коридору до комнаты. Пять минут уложить инструмент в чехол. Минута — вернуться к костру. Уже восемь минут он должен сидеть рядом со мной на бревнышке и смотреть на костер...

Может, ему в туалет приспичило? Ладно, накинем ему еще пятнадцать минут.

Полчаса прошли словно под отбивку метронома. Кажется, целую вечность тянулось время. Сидеть на одном месте становится физически невыносимо.

С меня хватит. Я встаю и решительно шагаю в корпус. Как говорится, если гора не идет к Магомеду...

Вот знакомый угол здания, за которым вчера Марио поцеловал меня, сегодня тут тоже занято. Какая-то парочка, видимо, как и мы вчера, облюбовали это местечко, лишенное фонарного света, и предаются тому же занятию, что и мы вчера.

Пробегаю, стараясь не смотреть на ребят, чтобы не мешать им, но только вот в момент, когда парочка уже почти осталась позади, я вдруг слышу чересчур знакомый голос:

— Так целуются только итальянцы, детка. И если у тебя нет знакомого Челентано, то я бы тебе рекомендовал не отвлекаться, а использовать эту потрясающую возможность...

Крепкие жилистые руки с умеренной растительностью напрягаются. Лицо приобретает максимально сконцентрированное выражение. В глазах сверкает азарт и легкая ярость. Всё это происходит за секунду до удара. Мяч получает заданное ему ускорение и летит туда, где его не ждали соперники, и ...

Гол!!!

Марио Гардиани забивает решающий мяч в этом поединке, выгрызая победу у своих противников! Это был потрясающий матч, это была великолепная игра, это был несравненный Марио!

Примерно так я бы прокомментировала то, что увидела на тренировке по волейболу, куда пришла впервые, чтобы увидеть парня своей мечты. Нет, в волейболе я не очень хорошо разбираюсь. А точнее — только сегодня узнала правила этой игры и то, как начисляются в ней баллы. Но зато теперь я готова комментировать каждый матч, где будет играть экспрессивный итальянец по фамилии Гардиани.

Да, после поездки на базу отдыха я пока так и не решилась подойти к парню и заговорить. Но зато я много думала, и пришла к выводу, что упустить Марио я никак не могу. Такие парни на дороге не валяются, и вряд ли мне посчастливится встретить кого-то хоть близко похожего на него. А то, что он целовался с другой на следующий день, говорит лишь о том, что искра всё-таки не проскочила. Ну, или он просто не понял, что это была искра. В общем, надо повторить.

— Ась, мне кажется, или ты слишком эмоционально реагируешь на простую тренировку парней? — толкает меня в бок Ника. — И давай уже, оторвись от созерцания кудряшек Марио, а то от твоего магнетического взгляда они наэлектризуются и он будет похож на одуванчик.

Ника смеется и тянет меня с трибун на поле. Пришла очередь девочек провести первый тренировочный матч. Ребята в это время обычно тусуются на трибунах, делая передышку в своей тренировке.

Мне, если честно, абсолютно всё равно, получится у меня что-либо в игре или нет. Моя цель — не упускать из вида парня и по возможности привлечь его внимание. Для этого я даже специально разучила дома несколько красивых поз, которыми можно подавать, ловить и отбивать мяч. Вот только совершенно не учла маленького нюанса: чтобы красиво подавать, недостаточно красивой позы, а чтобы ловить или отбивать, надо концентрироваться не на трибунах, а на мяче.

Собственно из-за последнего примерно через полторы минуты матча, меня вынесли с поля. Собирались даже в больницу везти, но я уговорила этого не делать и осталась смотреть тренировку в двух рядах от объекта своего внимания.

Конечно, следовало бы пересест поближе, но во-первых, это было бы слишком палевно, а во-вторых, рядом со мной сидел помощник тренера и постоянно спрашивал, не тошнит ли меня, не кружится ли голова и не хочу ли я поехать домой.

— Ась, ты тут подождешь меня или спустишься в раздевалку? — побеждая одышку говорит Ника, которая вместе с женской командой отыграла последнюю игру, и тренер отпустил всех домой.

— Ник, ты прости, я наверное не смогу тебя дождаться, — виновато мнусь, пытаюсь

подобрать слова, чтобы объяснить, почему вынуждена бросить подругу, хотя сама её сюда притащила. — Понимаешь, Марио на машине приехал, а мне после падения лучше не идти пешком...

— Всё понятно с тобой, — немного грустно усмехается Ника. — Ладно, беги, пока в его Ауди еще есть места...

Как бы мне ни было стыдно перед подругой, но она очень сильно сейчас права — минута промедления может стоить мне провала всей сегодняшней многоходовой операции.

Я выскакиваю из дверей главного входа на улицу и быстро верчу головой в поисках голубой Ауди одной из последних моделей. Не обнаружив искомого автомобиля, понимаю, что, вероятно, он на парковке, со двора здания. Это значит, что парень, скорее всего, вышел не через главные двери, а через запасной выход, который открывают специально во время тренировок университетской сборной. Сломая голову мчу на задний двор. Возможно, получится перехватить его на выезде из стоянки...

Добегаю до поворота. И всё. Темнота.

Открываю глаза и вижу перед собой лицо кавказской национальности. На меня смотрит парень лет двадцати пяти — тридцати. Из-за густой растительности на лице опознать точный возраст практически невозможно. И я бы, наверное, должна была испугаться, если бы не тревожный и грустный взгляд огромных черных глаз, которые неотрывно ловят каждое моё движение.

— Девушка, вы в порядке? — спрашивает это дитя гор хоть и на русском, но акцент просто затмевает и без того ужасающее первое впечатление. Хотя, надо признать, голос у него довольно приятный, если не брать во внимание то, что я категорически не терплю кавказцев.

— Д-да... — говорю, безуспешно пытаюсь подавить страх, ну или хотя бы не выдавать его человеку, который в данный момент находится непозволительно близко ко мне.

Кстати, где я вообще?

Поворачиваю голову, чтобы понять, где нахожусь, и вижу только асфальт и абсолютно темную улицу. Мамоchка, где я???

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — очевидно, заметив мою наступающую панику, спешит успокоить парень, — просто я сбил вас на своем велосипеде...

Капец, успокоил!

— Я не ожидал, что встречу вас на велосипедной дорожке, да еще и так неожиданно...

Что я делала на велосипедной дорожке? Может у меня от падения память отшибло? Быстро пытаюсь вспомнить свои фамилию и имя. Вроде амнезии нет.

— Вы появились из-за угла так быстро, что я не успел затормозить. Приношу вам свои извинения и готов компенсировать причиненные вам травмы.

— Как компенсировать? — я вспомнила, куда бежала. Я должна была перехватить Марио, поэтому кинулась ему навстречу и сокращала путь по этой велосипедной дорожке. Из-за глупого стечения обстоятельств я упустила возможность сблизиться с парнем своей мечты. Поэтому компенсировать мои душевные травмы у него уж точно не получится.

— Я могу оплатить ваше лечение или отвезти вас в больницу... — растерянно проговаривает парень и от волнения акцент становится еще заметнее.

— На чём отвезти? — раздраженно парирую, одновременно пытаюсь приподняться, — на этом велосипеде? — показываю взглядом на валяющийся в стороне спортивный велик.

— Нет, на машине. Я тут недалеко припарковался.

Станный какой-то. Приехал на машине, чтобы покататься на велосипеде? Скептически прищуриваю глаз, и прикидываю, как побыстрее от него отвязаться.

— Нет уж, благодарю. Я как-нибудь сама доберусь. Меня вообще парень должен встретить.

Последнюю фразу добавляю, чтобы кавказец даже не думал увязываться за мной. Знаю я, как они относятся к русским девушкам, наслышана от подруг историй встречи с «нерусскими».

Стараясь придать движениям максимально свободный вид, поднимаюсь на ноги. Но, похоже, делаю это слишком быстро. После удара мячом по голове на тренировке и недавнего падения в голове словно всё переворачивается. Я теряю равновесие и...

От встречи с асфальтом меня спасают крепкие и горячие руки. Прикосновения

незнакомца обжигают, создается ощущение, что меня не поймали, а бросили в огонь. А говорят, итальянцы — горячие парни. Может, мне попался еще один итальянец? Поднимаю голову, чтобы рассмотреть лицо парня, но едва только ловлю его выразительный взгляд черных глаз, как с моим организмом происходит что-то необъяснимое. Неожиданно даже для меня самой из меня извергается мой ужин. Хорошо, что он был совсем легкий. Плохо, что весь оказался на моём то ли спасителе, то ли обидчике.

— У вас сотрясение, срочно в больницу, — голос уже не выражает прежней растерянности. Парень уверенно подхватывает меня на руки и куда-то тащит.

Очень надеюсь, что и правда отвезет в больницу, ибо отбиться от него в моем состоянии просто не представляется возможным.

В больнице, куда меня, слава Богу, доставил парень, мне всё-таки диагностировали сотрясение и предложили госпитализацию. Честно говоря, чувствовала себя настолько плохо, что с удовольствием бы согласилась, но была одна проблема. Кавказец притащил меня не в государственную, а в платную клинику. Боюсь представить, сколько тут может стоить один день «проживания», и как же я радовалась, что парень оказался совестливым и, очевидно, пытаюсь искупить свою вину за то, что сбил меня, оплатил этот приём.

— Я отвезу вас домой, — переговорив с врачом, парень снова продолжает роль заботливой курочки-наседки. — Где вы живете?

Вопрос неожиданно повергает меня в ступор. И на то есть две причины. Во-первых, я боюсь сообщать незнакомцу свой адрес. Мы живем с бабушкой вдвоем и в случае чего не хотелось бы отбиваться от толпы кавказцев, которым захочется меня навестить. А во-вторых, старенькая однушка в аварийном доме позапрошлого столетия на окраине города никак не вяжется с тем шикарным автомобилем, на котором меня собирается «подвезти» тот, чьё имя я даже пока не знаю.

— А как вас зовут? — вдруг решаю задать вопрос, хотя понятия не имею, зачем мне эта информация.

— Давид, — улыбается парень, аккуратно везя меня на кресле к выходу из клиники.

Давид, Давид... Кто же он всё-таки по национальности? Никогда не умела их различать. Лишь бы не армянин. Терпеть не могу армян. Сколько раз ни пересекалась с представителями этой национальности, всё время одни беды у меня от них... Но имя вроде бы не армянское. Хотя... кто их знает...

— Знаете, Давид, — стараюсь говорить спокойно и уверенно, — я благодарна вам за помощь, и думаю, что дальше я вполне справлюсь сама.

Стараюсь быть приветливой, и всем своим видом намекаю, что на этом мы с ним прощаемся. Но парень, похоже, не понимает намека и не отпускает ручку коляски, которую я собираюсь покинуть.

— Об этом не может быть и речи, — твердо заявляет, и мне становится очень тревожно. — Я отвезу вас до дома. Говорите адрес.

Черные глаза с огромными ресницами смотрят на меня в упор, и я совершенно растерявшись, вдруг говорю свой адрес. По пути стараюсь помалкивать — ни к чему мне разговаривать с тем, кого вижу первый и, надеюсь, последний раз.

— Ася, — с акцентом моё имя звучит как какое-то блюдо на мангале. — Навигатор ведет меня прямо, но мне кажется, что мы заблудились...

Парень выглядит сосредоточенно и немного обеспокоенно. Немудрено — мы уже проехали частный сектор, дачи и кладбище, а навигатор всё никак не унимается и упорно настаивает на своём.

— Да, всё верно, мы уже подъезжаем, — говорю, смутившись. Этот мажор, наверняка, никогда не бывал в таких районах, как мой, и не представляет, что в том сооружении, что через пару минут предстанет перед его глазами, вообще можно жить.

Подъехав к моему дому, парень припарковал машину и заглушил мотор.

— Спасибо, что подвезли. Дальше я сама, — последнюю фразу говорю не просто серьезно, а даже строго — допустить, чтобы бабушка увидела меня с кавказцем я не могу.

Она всё расскажет моим родителям и тогда мне обеспечен будет тотальный контроль, а вечерние прогулки и мероприятия мне вообще будут запрещены.

— Асья, не пытайтесь от меня отделаться, — настойчиво проговаривает Давид. — Если мои родители узнают о том, что я оставил вас в таком состоянии, от меня отрекутся и назовут позором семьи, — парень явно шутит, и мне становится немного спокойнее. Ладно уж, пусть провожает — авось и не заметит бабуля, с кем я приехала.

Подходим к двери на втором этаже, и я не стуча и не нажимая на кнопку старого, многократно окрашенного звонка, предпринимаю очередную, и надеюсь, последнюю, попытку отделаться от Давида. Для этого я подхожу к двери и открываю её своим ключом. Затем резко разворачиваюсь, чтобы преградить парню проход и тем самым дать понять, что не намерена пускать его дальше порога. Но моя голова снова меня подводит — от резкого разворота я теряю координацию и куда-то улетаю. Благо, падение длится недолго — крепкие руки подхватывают меня, словно пушинку. Давид держит меня и с ужасом всматривается в моё лицо.

Да, парень, лучше поскорее ставь меня на место и беги — я девушка-приключение, в любой момент могу либо упасть, либо снова вывернуть на тебя содержимое своего желудка, либо чего еще поинтересней сотворить.

— Вот видите, а вы еще не хотели, чтобы я вас провожал, — говорит он, толкая любезно открытую мной дверь и смело шагает внутрь.

Мне конец. Сейчас бабушка выйдет в коридор и увидит меня на руках у парня. Незнакомого. Нерусского. Да её откачивать придется!

— Тише, умоляю, — шепчу Давиду, когда мы пересекаем границу квартиры.

— Я понимаю, ваши родители наверняка уже спят, — слышу в ответ такой же шепот, только с акцентом. — Асья, я могу быть уверен, что вы благополучно доберетесь до своей комнаты? — серьезно интересуется парень.

— Давид, хватит уже! — кричу шепотом. — Конечно, я доберусь до комнаты. В этой квартире больше некуда добираться — тут всего одна комната и она перед нами, — указываю парню на старую облупленную дверь из фанеры, которая хоть и закрыта в данный момент, но в любую секунду может открыться. — Я прошу вас — идите уже домой. Еще раз благодарю, что позаботились обо мне.

Во время моей речи парень пытается еще что-то сказать, но пока он находил нужные слова, я всё-таки вытолкала его за дверь и быстро заперла замок и на всякий случай даже «собачку» повесила.

Всё. Можно выдохнуть. От кавказца вроде отделалась. Бабушка нас не засекала. Давида я больше не увижу. Ну, прям одна новость лучше другой!

И чтобы не расстраивать себя на ночь глядя, вспоминая плохие события сегодняшнего дня, я быстро стягиваю с себя одежду и, надев свою любимую пижаму, ныряю под одеяло. Что-то зябко сегодня ночью, а ведь еще пару часов назад вечер был почти по-летнему теплым...

Закрываю глаза и уже привычно вспоминаю перед сном Марио. Вот это да! После моего падения под колесами велосипеда Давида, я впервые вспомнила итальянца. И то, как вспомнила — по привычке. Привыкла перед сном думать о чем-то хорошем, бабушка говорила, что так будут сниться хорошие сны.

Странно, но о Марио сейчас думать совсем не хочется. А о ком тогда? О кавказце, что ли? Ну вот еще! Еле отделалась от него. Лучше буду думать о тортах. Мне их нельзя из-за

диабета, да и если бы было можно, то денег всё равно на них нет. Поэтому хотя бы помечтаю...

Вот так я и засыпаю. Наедине с мыслями о малиновом Наполеоне. А что — дешево и низкокалорийно. Подумал, помечтал... Только во рту всё равно не сладко. Ну и ладно...

Новый день начался для меня в шесть утра и не с кофе. Мне приспичило по-маленькому. Ну, то есть приспичило-то как раз крепко, но по малой нужде. В общем, вы поняли.

Уверенным движением откидываю одеяло и в полусне собираюсь встать с кровати. Не тут-то было! Ногу простреливает резкая боль. Такая, что еще чуть-чуть и можно было бы не идти в туалет. Вскрикиваю, не контролируя свои эмоции и только потом понимаю, что совершила самую огромную ошибку и перечеркнула сегодняшней день красным маркером.

Бабушка моментально подскакивает с кровати и несется ко мне, забыв про свой радикулит и больные колени.

— Внуча, Асюша, что случилось? — на её лице словно проявляются цифры, которые начинают обратный отсчет: если я сейчас же не успокою бабулю, у неё точно случится приступ.

— Ба, всё хорошо. Просто сон плохой приснился, — стараюсь улыбаться как можно шире, демонстрируя бабушке свой нечищенный с вечера оскал. — Ну и нога еще немного болит, — словно между прочим добавляю.

Бабуля, казалось, этого и ждала. Глаза её округляются, в них начинает проявляться вселенский ужас.

— Асюююша! Какая ножка у тебя болит? — эта красивая пожилая женщина с детства мечтала стать актрисой, но что-то не срослось. Её живая мимика осталась без рукоплесканий публики, хотя зрители частенько мысленно аплодировали. Что делаю и я в этот момент.

— Бабуль, ну я тебя прошу, не делай такое лицо, будто я лежу на смертном одре и уже перестала узнавать родственников. У меня всё хорошо, просто вчера неудачно пробежалась в спортзале. Не волнуйся, я уже была у врача, в сумке даже есть рекомендации и рецепт.

Сказала и тут же прикусила своё помело. Это ж надо так спалиться! Сейчас бабуля возьмет бумажку и прочитает там не подвывих стопы, а сотрясение мозга...

— Асюш, я тут ничего не разберу, — ворчит бабушка, поднося сложенный вдвое листок к носу. — Ну кто их только писать учит в этих медах?! Это ж не человеческое письмо, а куриные иероглифы.

— Ба, почему куриные? — мне становится смешно от ее сравнений. Не знаю, что она имела ввиду, но благодарю тех высококлассных каллиграфов, которые учат писать всех будущих докторов! — Говорю же, тут написано, что у меня подвывих левой стопы, показана йодовая сеточка и полный покой. Через неделю всё само пройдет.

— Асенька, конечно, лежи и не вставай! Я сейчас тебе сюда покушать принесу, — бабушка собирается умчаться на кухню, а я планирую побег в туалет.

Медленно, опираясь руками о край кровати, пытаюсь подняться на ноги, но боль снова простреливает ногу. Что ж за невезенье-то такое?! Неужели я и ногу подвернула вчера? Но почему тогда не чувствовала боли?

И тут я вспоминаю, что после встречи с Давидом, я ведь так и не встала на ногу — до машины он меня донес на руках, по больнице я передвигалась на инвалидном кресле, а по приезду домой я поднималась на второй этаж видимо под действием обезболивающего, которое закончилось, судя по всему, еще несколько часов назад.

Превозмогая боль, каким-то чудом добираюсь до туалета — в такие моменты как никогда ценишь крохотность нашей квартиры, — однако исполнить свою утреннюю мечту мне не удастся. Раздается звонок в дверь. И почти сразу же уже знакомый голос из подъезда:
— Ася, это Давид. Я пришел вас навестить.

«Мне конец, — проносится в мозгу. — Ну вот зачем я показала ему, где живу!? Все мои опасения, похоже, подтверждаются»...

Меня охватывает мгновенная паника. Замираю перед дверью, не зная, как поступить. Открыть и спровоцировать бабушкин инфаркт? Или не открывать и подождать, пока на шум из подъезда откроют двери соседи? Когда начнутся выяснения, к кому, зачем и кто вообще такой... Когда бабушка почувствует, что что-то грандиозное вершится в её отсутствие и выбежит узнать... Узнает. Инфаркт.

Получается, выбор не особенно большой у меня. Но разница всё-таки есть. В первом случае у меня будет маленькая возможность как-то «деликатненько» представить моего нового знакомого. Второй вариант мне такой возможности скорее всего не предоставит.

Быстро поворачиваю ключ в замке и слышу приближающиеся шаги бабули... Да что ж такое-то!? Ни секунды на импровизацию уже не остается...

— Здравствуйте, — врываюсь в парня испепеляющим взглядом и сквозь зубы цежу: — Что вы хотели?

Это звучит не очень приветливо... Да что уж там — это звучит даже хуже, чем если бы я его просто послала.

— Доброе утро, Ася, — как назло громко и обстоятельно произносит Давид. — Здравствуйте, я — Давид, — звучит уже куда-то позади меня, отчего я зажмуриваюсь, успев, однако, в последний момент заметить лучезарную улыбку незванного гостя.

— Здравствуйте, а я — Антонина Михална, — вполне доброжелательно, как мне показалось, произносит бабушка. — Вы Асечкин знакомый? Проходите, пожалуйста, — я не верю своим ушам! Открываю зажмуренные глаза и даже оборачиваюсь, чтобы убедиться, что это всё изрекает именно моя бабушка, а не её несуществующая сестра-близнец.

— Благодарю вас, — Давид уже переступает порог тесной прихожей и протягивает свободную руку бабуле, материализовавшейся тут же и оттеснившей меня от парня.

И тут происходит то, чего я не то что не ожидала, но более того — никогда ранее вообще не видела вживую — парень берет бабушкину руку, наклоняется к ней ... и целует! Это выглядит просто ужасно! Ужасно глупо! Неуместно! Глупо! Ах, да, глупо уже было... Но это просто... просто нет слов!

— Ну что вы! — восклицает бабушка, видимо тоже обалдевшая от подобной выходки незнакомца.

— Это вам, — быстро перебивает её Давид и протягивает картонную коробку, которую всё это время держал в левой руке. — Вы простите, что вторгся к вам без приглашения, но я не мог не узнать о самочувствии Асьи.

Ах, да, моё самочувствие! Со всеми событиями, развернувшимися в прихожей, я и забыла, что вообще-то еле ковыляла сегодня.

— Со мной всё хорошо, — предпринимаю последнюю попытку выпроводить парня, но я, похоже, уже никому не интересна — бабушка, подхватив Давида под локоть, удаляется в кухню.

— Я не знаю, сказала вам Ася или нет — вчера она получила травму по моей вине, — начинает без прелюдий, что я даже не успеваю просигнализировать ему, чтобы не говорил бабушке о случившемся.

— А что случилось вчера? — ну всё... Сейчас начнется.

— Ба, да ничего страшного не произошло, ерунда, — говорю, пытаюсь глазами дать понять Давиду, чтобы помалкивал. Но он, похоже, неправильно понимает мои «знаки».

— Асья, сотрясение мозга вы называете ерундой?! — парень вскакивает из-за своего места, демонстрируя горячий кавказский темперамент.

— Сотрясение мозга?.. — бабушка роняет на пол деревянную лопатку, которой только что выкладывала оладьи на большое блюдо.

Мы с Давидом устремляемся к ней, заподозрив, что падением лопатки может не ограничиться. Но не успеваю я сделать и шагу, как больная ступня подворачивается, и я быстрее бабушки планирую на пол.

— Асья, — только и успеваю услышать, спеша навстречу старым крашеным доскам, которые когда-то очень давно именовались паркетом.

В момент, когда почти все части моего несуразного, вечно ищущего приключений тела уже состыковались с полом, и мой совсем недавно сотрясенный мозг был абсолютно готов к ним присоединиться, этого неожиданно не происходит. Теплые ладони словно хрустальную вазу подхватывают мою голову и я оказываюсь прижата к чему-то очень приятному.

Открываю глаза, чтобы понять, что произошло, и вижу себя полусидящей на паркете, полулежащей на Давиде, который держит меня обеими руками, и словно защищая от всего, вдавливая в свою грудь, одетую в мягкий трикотажный свитшот.

Пора выбираться, но тут совершенно не вовремя в нос проникает запах мужского парфюма — древесный, с лёгким цитрусовым оттенком. Это запах взрослого мужчины. Такого запаха нет ни от одного из моих однокурсников. Да что там однокурсников — даже Марио и его окружение предпочитают более легкие ароматы. Я, скорее всего, не ошибусь, если скажу, что в нашем институте такой парфюм можно встретить разве что у преподавателей.

Но в эту секунду я растворилась в этом запахе. Сейчас он вдруг ассоциируется с защитой и безопасностью. То ли оттого, что Давид уже несколько раз спасал меня, но мне сейчас совсем не страшно, как должно было бы ощущаться в такой близости с кавказцем. Больше того — и выбираться из его объятий почему-то совсем не хочется. Может, прикинуться, что мне плохо, и еще так посидеть немного?

— Асенька! — моментально возвращает меня в реальность крик бабушки. — Что с тобой!?

— Бабуль, всё отлично! — максимально растягиваю рот в улыбке, чтобы подтвердить ей сказанное враньё.

Нет, мне совсем не отлично... Во-первых, стопа стала ныть еще сильнее. Во-вторых, вопрос с рассказом бабушке о моем сотрясении так и не закрыт. В-третьих, я только что занюхалась совершенно посторонним нерусским мужиком, который так приятно при этом меня лапал! Ну и в-четвертых, если уж быть совсем откровенной, — мой мочевой пузырь раздулся уже так, что катастрофа может произойти в любой момент, и если «плотину прорвет», то не исключено, что будет еще и «в-пятых», и «в-шестых»...

В общем, решать проблемы придется с последнего пункта.

— Пожалуйста, бабулечка, дай мне пять минут, и я всё тебе расскажу, — пытаюсь подняться, но получается это только с помощью крепких смуглых рук, которые поднимают меня с пола, и, поставив на ноги, однако не отпускают, а обвинив за талию, которая буквально пылает от этих прикосновений, продолжают поддерживать.

— Зачем тебе пять минут? — подозрительно нападает на меня бабушка. — Ася, немедленно расскажи, что с тобой случилось.

— Антонина Михайловна, — неожиданно вклинивается парень, — Асье, вероятно, нужно в уборную, — я перевожу на него изумленные глаза — он как вообще это понял? — Позвольте, я отнесу её? — вопрос, похоже, был чисто риторическим, потому что задавая его, он уже подхватил меня, словно пушинку, отчего я потеряла всякий дар речи.

— Давидушка, спасибо тебе, сынок.

Давидушка??? СЫНОК??? Бабуля, я тебя не узнаю! Это же кавказец! нерусский! Не дай бог — армянин! Нет, это просто помутнение какое-то... Может бабушка тоже успела упасть и удариться головой, когда я прижималась к груди этого ребенка гор?

— Я сама могу прийти! — вырывается из меня тонкий писк, потому что дыхание просто сковало каким-то непонятным волнением. Но парень и не думал меня отпускать. В два шага он добирается до нашего туалета, совмещенного с ванной, носком ноги отодвигает дверь и ставит меня четко на пороге.

— Асья, я не буду стоять под дверью, но только если вы пообещаете, что громко позовете меня, когда закончите, чтобы я мог донести вас до комнаты, — говорит безапелляционно, отчего мне прямо хочется поспорить. Но сделать этого я сейчас не могу физически — нужно сначала исполнить свою утреннюю мечту. И хмыкнув, я отгораживаюсь от Давида фанерной дверью, которая когда-то была белой, а теперь носит гордое наименование «цвета шампань».

Выходить из туалета стараюсь бесшумно. Назло Давиду. Наступить на ногу почти невозможно, поэтому передвигаюсь маленькими прыжками на здоровой ноге. Это получается еще хуже — голова вмиг начинает кружиться. Видимо скакать при сотрясении мозга — не лучшая идея. Хватаюсь за стену в надежде, что он удержит меня, но не тут-то было. Предательская стена никак не хочет меня поддержать и стоит ровно и отстраненно. А вот мне равновесие удержать не получается — меня начинает мутить и я стремительно перемещаюсь чуть дальше к этажерке, стоящей в прихожей. Но и она не выдерживает моего натиска и заваливается первой. Вместе с газетами, которые бабушка хранит в ней на нижних полках, квитанциями за коммунальные услуги, а также моей небольшой коллекцией косметики — бутылочками и баночками, которые с грохотом разлетаются по всему маленькому коридору квартиры.

— Асья! — подлетает ко мне Давид, поднимая с пола в очередной раз.

— Асюша! — вслед за ним рвется испуганная бабушка.

— Почему вы не позвали, как я вас просил? — спрашивает строго, отчего я чувствую себя виноватой.

— Я вызываю скорую! — кричит бабуля.

— Не надо, — пытаюсь возражать, но меня уже никто не слушает.

Бабушка крутит диск домашнего проводного телефонного аппарата, а Давид на руках несет меня в спальню.

Почему-то мне становится неловко находиться с мужчиной в комнате, где есть расправленная кровать. На которую он меня еще и бережно кладет. Укрывает одеялом, словно маленькую девочку. И вместо того, чтобы деликатно уйти, вдруг останавливается напротив кровати неприлично близко ко мне и пристально смотрит в глаза, так что мне хочется спрятаться под одеяло.

— Ася, — укоризненно произносит Давид, не отрывая своих черных глаз с огромными ресницами и хмурыми густыми бровями над ними. — Я думал, что сбил красивую молодую девушку вчера... — он замолкает, а я заливаюсь краской — то ли комплимент так действует, то ли какая-то недосказанность в его словах. — А оказалось, что мне под колеса попал ребенок.

Ну ничего себе! На оскорбления я не подписывалась!

Открываю рот, чтобы возмутиться, но Давид, словно не замечая, продолжает.

— Вы ведете себя безрассудно и глупо. Если ваше собственное здоровье не составляет для вас никакой ценности, то не мешало бы вам подумать о вашей бабушке, — последние слова неожиданно отрезвляют. Парень прав — в своих поступках я руководствовалась чем угодно — от маниакального желания привлечь внимание Марио, до глупой гордости, которую хотела продемонстрировать Давиду, — но только не заботой о самом дорогом человеке...

— Если вы надеетесь, что я сейчас уйду, то зря, — с вызовом, как мне кажется, произносит парень. — Я бы и рад, — в голосе звучит какая-то горькая презрительная усмешка, — Но я обещал своим родителям и вашей бабушке, что исправлю последствия своей оплошности. Я буду контролировать ваше лечение до тех пор, пока не получу от врача справку о том, что вы абсолютно здоровы, — он чеканит слова, а я не успеваю следить за изменением своих чувств, которые врываются в моё сознание одно за другим по мере слов Давида. — И как только я буду уверен, что все последствия нашего столкновения ликвидированы, я покину вас. Навсегда.

Его глубокий баритон повисает в воздухе и словно зрительно ощущается в комнате еще долгое время после ухода из неё Давида.

Он отстанет от меня после моего выздоровления. Значит, мне нужно поскорее поправиться.

Но почему-то грустно...

Как оказалось, Давид не ушел совсем из нашей квартиры. Я слышала его голос при разговоре с бабушкой и доктором, который приезжал меня осмотреть. Но в комнату ко мне парень больше не заходил.

Я слышала обрывки фраз, из которых поняла, что мне выписали большой список лекарств и Давид, не внимая бабушкиному протесту, всё-таки купил их за свой счет.

— Асенька, какой хороший парень этот Давид, — говорила бабушка, когда мы наконец остались с ней вдвоем. — Он всё рассказал мне, — бабушка понимающе смотрит на меня, а я пытаюсь угадать, что она имеет в виду под этим загадочным «всё».

Не зная, как реагировать, чтобы не выдать себя раньше времени, также многозначительно ей киваю.

— Мальчик сказал мне, — хмыкаю от слова «мальчик», вспомнив запах его духов. Ага, мальчик... — что сбил тебя на велосипедной дорожке, а потом отвез в больницу, — бабушка строго смотрит на меня. — Почему ты мне ничего не сказала?

— Бабуль, ну я просто не хотела тебя волновать. Думала, что всё и так пройдет...

— Асюша! — перебивает меня. — Если бы не Давид, я бы так и не узнала, что у моей внученьки сотрясение мозга?!

— Ба, ну прости, — улыбаюсь ей своей фирменной улыбкой, за которую бабуля никогда не может долго злиться на меня.

— Эх, коза, — не удерживается от ответной улыбки. — Знаешь, что люблю тебя и не могу долго злиться.

— Ага, — тяну к ней свои руки для объятий, которые мы так любим. — И пользуюсь этим.

Бабушка щекочет меня, как она всегда это делает. Немного больновато всегда выходит у неё, из-за того, что бабушка у меня очень сильная, но я всегда делаю вид, что мне просто щекотно и она тогда, счастливо улыбаясь, просто целует меня в макушку.

— Но всё равно, — бабушка меняет тон на нарочито строгий. — Ты почему обидела мальчика? Вышел от тебя как в воду опущенный...

— Ба, да я его не обижала, честно. Он сам обиделся, что я его не позвала, когда из туалета выходила, — говорю почти правду, это ведь и была причина его морализаторской лекции перед уходом. — Ну, сама посуди, что я буду его звать в такое место? Может еще над горшком надо было попросить меня подержать!?

— Ну, коза! — снова смеется бабуля. — Ладно, делай как знаешь.

Бабушка гасит свет. В темноте мне видны её очертания, но даже без них я знаю, что она делает — крестится перед иконами, истово крестит меня, а потом вздохнув о чем-то своём, откидывает одеяло и ложится в кровать.

— Ба, — зову её тихонько.

— Да, Асюш, — отзывается бабушка, привставая на кровати. — Тебе что-то принести?

— Нет-нет, лежи, — быстро останавливаю её. — Я просто спросить хотела...

— О чем? — бабушка всё-таки присаживается на кровати, видимо, подозревая, что это может быть что-то важное.

— Давид... — начинаю, не зная, как сформулировать свой вопрос. — Ну... он же... — надеюсь, что бабушка догадается, к чему я веду. — Не русский...

— И что такого? — она и правда не понимает, к чему мой вопрос.

— Ну ты же сама говорила, что нельзя с ними связываться, — точно не помню, что именно говорила бабуля, но смысл вроде был такой.

— Когда это я говорила?

— Ну помнишь, когда армяне нам окно меняли на балконе... И когда мясо ты протухшее у них купила года два назад.

Бабуля раздражается таким смехом, что кажется, ей трудно остановиться.

— Аська, ну ты даёшь! — наконец, успокоившись, бабушка снова крестится, а потом ложась на кровать говорит. — В такие моменты, когда кто-то тебя подводит, со злости всякое скажешь. Ну вот сама посуди — да, окно нам поставили на балконе дорого, зато стоИт ведь как хорошо! Из других вон — дует, индевеют постоянно. Зато дешево, — бабушка иронично усмехается. — А мясо — в первый раз что ли я протухшее купила? Уж бывали случаи разные. Да и люди, моя дорогая, тоже все разные... — бабушка задумывается. — В любой нации есть хорошие, честные, а есть наглые и бессовестные. Давид хороший парень.

— Ба, вот откуда ты знаешь, что хороший? — тут уже я не выдерживаю и сажусь на кровати. — Ты вот его в домпустила, а ведь мы с тобой совершенно ничего о нем не знаем. Может, он выведывал, что у нас тут плохо лежит. Может придет со своими друзьями, когда мы бдительность потеряем, и обчистит квартиру.

— Ой, напугала! — бабуля смеется и машет на меня рукой. — Что у нас тут брать-то?! Ламповый телевизор? Или вон эту тряпку у тебя над кроватью? — бабуля указывает рукой на мой любимый ковер с оленями, которому лет наверное втрое больше, чем мне. Становится обидно, что она назвала его тряпкой... — Да и вообще, — помолчав, добавляет она, — Давид визитку оставил, можно позвонить и проверить, тот он, за кого себя выдает или нет.

Ого! вот тут и я заинтересовалась не на шутку! В визитке же должны быть указаны фамилия, имя и отчество. А значит, можно узнать, какой он национальности.

Подождав, пока бабушка уснет, я медленно встаю с дивана и крадусь на кухню. Бабушка всегда хранит важные документы в серванте.

Медленно, опираясь на бабулин костыль, который мне поставили еще днем, добираюсь до стеклянного шкафа. Квитанции, чеки, тв-программка. Всё не то. Куда же бабушка могла ее положить?

И тут до меня доходит, что визитку Давид мог дать уж перед уходом, и она может быть на этажерке, которая сегодня тоже была пострадавшей от моей самостоятельности. Наклоняюсь — на полке с газетами её нет. Поднимаю голову выше, даже не рассчитывая её тут увидеть, но однако же, сердце замирает, когда вижу в стаканчике с моими карандашами и кистями для макияжа маленькую темно-серую картонку с выгравированными на ней серебристыми буквами:

Юридическое бюро «КАД»

Ведущий юрист Каранетян Давид Ашотович

На следующее утро я проснулась совершенно разбитой. Полночи костерила себя за то, что выскочила на ту роковую велосипедную дорожку, что позволила незнакомцу в эти два дня так глубоко ворваться в мою жизнь, но самое главное — за то, что занюхалась вчера приятным запахом, засмотрелась на красивые руки, и прижималась к теплой груди. И кого?! Армянина!!! Чтоб я, русская девушка... Приличная русская девушка! Связалась с армянином!?

«Никогда они не женятся на русских», — так говорили женщины с маминой работы, когда обсуждали интрижку сотрудников на заводе.

«Армяне наших девчонок не уважают, воспринимают, как развлечение», — поучала староста с третьего курса свою одногруппницу, жених которой оказался вовсе не её женихом, и повел под венец девушку из армянской семьи.

«Ты что, собралась на день рождения к Наринэ? Там же вся местная армянская диаспора соберется, будут свои песни петь на своём, а тебя танцевать заставят. Лезгинку», — говорила подруга в девятом классе, когда новенькая пригласила меня к себе в гости. Я тогда так и не пошла. И только спустя полгода узнала, что армяне вообще-то не танцуют лезгинку. Ну да ладно. В остальном-то она говорила правду...

Всё. Решено. Пора отвадить Карапетяна от нашего дома раз и навсегда. А мне самое время подумать о том, кого я из-за этого ... Давида, уже два дня практически не вспоминала. Как там мой кудрявый итальянец? Может, Нике позвонить, пусть узнает у Чацкого, как у него дела... Нет, пока не буду слишком активничать. Надо сперва встать на ноги. В прямом смысле.

Примерно к одиннадцати часам утра Давид снова заявился. Я решила избрать тактику игнора. Сегодня притворюсь спящей. Благо, бабушка уже с час готовила что-то на кухне и не заходила в комнату, а значит, не могла видеть, что всего за минуту до прихода парня я еще не спала и даже вполне бодренько листала ленту соцсети.

Заслышав звонок в дверь, приготовилась за считанные секунды: сунула телефон под подушку, накрылась одеялом почти до самой макушки и принялась сопеть. Сначала получалось слишком громко — я почему-то волновалась. Ну а вдруг он не поверит, что я сплю и раскусит меня с порога?

Но вот прошло уже десять минут, а Давид всё не заходил ко мне. Может, бабуля никак не отпускает «Давидушку», пока тот хорошенько не прорядит её оладушки, которые, между прочим, она сегодня нажарила для меня! Или это только я так думаю, что для меня? Да ну нет, бабуля же знает, как я их люблю, и наверняка решила меня порадовать.

Но почему тогда уже сорок пять минут нет ни «дорогостоящего гостя», ни оладьев?!

Хотелось уже встать и самой явиться пред ясны очи этого армянского сокола и возмутиться таким поведением! Что это вообще такое значит — приперся проведовать больную, когда его:

1. Никто не звал.

2. Никто не ждал.

3. Ну, если уже приперся, так хотя бы ради приличия в комнату к больной заглянул и увидел, что его тут никто не ждал и не звал.

Продолжая пыхтеть от негодования и исходить слюной по пухленьким друзьям моих

таких же пухленьких щек, я не заметила, как дверь комнаты вдруг резко распахнулась и явила мне... мою бабулю. Нет, я, бесспорно, была очень рада её видеть, тем более что в руках она держала поднос с выпечкой, пиалкой с вареньем и чашкой чая.

— Асюшка, ты не спишь уже? — в смысле «уже»? Бабушка ведь не видела моего одиночного спектакля, с чего она взяла, что я спала?

— Я и не спала, — решаю не врать, потому что в этом уже и так нет никакого смысла — бабушка вошла неожиданно и прикинуться спящей я не успела. — Ты одна? — не хотела спрашивать про него, но как-то само вырвалось, всё-таки хочется знать, к чему готовиться мне в ближайшие минуты. Ощущение того, что Давид может появиться вслед за бабулей в любую секунду меня не покидало.

— Да, — отвечает как ни в чем не бывало. — Давид приходил. Принес тебе яблок, — бабушка устроила поднос на журнальном столике на колесиках и подкатила его к моему дивану. — Красные, как ты любишь. Удивительно проницательный мальчик.

— Мальчик, — хмыкаю себе под нос, когда бабушка отходит к кровати, чтобы взять подушку и подложить её мне под спину. — Ба, а с чего ты решила, что я спала?

— Давид сказал, — как само собой разумеющееся выдает бабуля. — Он ходил тебя проведать, когда я чай наливала, но сказал, что ты уснула, и не стал тебя будить. Такой деликатный...

— Ба! Да не спала я! — пытаюсь достучаться до бабушки, но она, словно не слышит меня.

— Ой, да ты наверное и не заметила, как задремала, — отмахивается от меня и перескакивает на другую тему. — Он завтра придет, не переживай.

— Да не переживаю я! — сама не замечаю, как повышаю тон.

— Ага, — усмехается бабуля, — а чего ж кричишь-то так?!

— Ба, да ты просто не слышишь меня, — пытаюсь оправдаться, стараясь говорить спокойно, но меня просто всю разрывает изнутри. — Я тебе говорю, что Давид не заходил ко мне, а значит не мог знать, сплю я или нет. Он тебе просто соврал!

— Ну не заходил и не заходил, — снова пропускает мимо ушей истинный смысл моих слов, — завтра зайдёт, не переживай, — и подмигивает мне.

— Ба! — но продолжения я уже сформулировать не могу — бабушка вбила себе в голову, что Давид хороший и не желает видеть его двуличность.

Какой же бессовестный! Обманул пожилую женщину! Завтра я точно спрошу у него за это!

Вторую половину дня я решила посвятить Марио. Вернее составлению плана по его завоеванию. Да, знаю, что завоеванием должны заниматься мужчины, а девушкам принято быть в роли «жертвы», но я не суеверна. Завоюю его по-тихому, а потом буду играть роль той, которая ждёт, когда её завоюют.

Для начала мне необходимо было подкорректировать «досье объекта».

В первый же день нашего знакомства я узнала об увлечениях парня. Тот факт, что он является игроком студенческих сборных по баскетболу, волейболу и теннису привел меня в спортзал три дня назад. Получив сотрясение мозга во время попадания в голову мяча, я похоже получила еще и психологическую травму — мячфобию. По крайней мере, ни в баскетбол, ни в волейбол, ни в футбол, ни в какой-нибудь другой бол, я больше ни ногой, ни рукой, ни... головой.

Можно было бы рассмотреть теннис, как альтернативу болам, но к моей огромной

радости, зал для тренировок в этом виде спорта на ремонте. А значит, нужно искать пересечения в других, не столь спортивных занятиях.

Туризм. Так, ну походить с рюкзачком, покушать на травке бутерброды, попеть песни у костра — это мне нравится. Беспокоит только одно: рядом со словом «туризм» в списке увлечений итальянца значится страшное и опасное слово «альпинизм»... Карабкаться на гору, ходить по обваливающимся тропкам вечных серпантинных, обвязываться веревками, чтобы спускаться в бездну — это лишь малая часть того, что первым приходит на ум при его упоминании. Никогда не понимала людей, которые в своё свободное время вместо того, чтобы ехать к морю и лежать тюленем на горячем песочке, подставив пяточки неспешному заигрыванию прибою, заковывают эти пяточки в душные кроссовки и, взгромоздив на плечи рюкзак побольше и потяжелее, все в пыли и грязи тащатся на вершину какой-нибудь горы, и взобравшись туда, радуются словно выиграла миллион. А на самом же деле, оставив свои данные, эти авантюристы, или экстремалы (не знаю, как их правильнее назвать), просто спускаются обратно вниз.

В общем, это тоже не моё.

Тогда что? Музыка? Ну нет. Слушать — это пожалуйста. А вот извергать из себя в каком бы то ни было виде — это точно не для привлечения внимания парня. Этот прием в моем исполнении будет хорош как раз в достижении обратного результата.

Так стоп. А это что?

Всматриваюсь в строчки, исписанные моим корявым почерком, и понимаю, что не могу разобрать свои собственные каракули.

«Бегание»? Нет, что-то не то. Первая буква похожа скорее на «в».

«Влияние»? Чем это, интересно?

Может, тогда «валяние»? Это было бы занятно. Только совсем не представляю Марио с войлоком и шилом, мастерящим какого-нибудь милого кролика.

Что же я тут накорябала в спешке? Какие-то крючки и редкие петельки...

«Величание»...

«Волочение». Нда... по смыслу это очень подходит Гардиани. Но писать такое я бы не стала.

И тут меня осеняет!

ВЕЛОГОНКИ! Там написано «велогонки». Ну точно — иероглиф разгадан! Конечно же велогонки! Наташка со второго курса так и сказала — Марио дважды в год участвует в велоэезде от нашего университета.

А что? В детстве я любила кататься на велосипеде. У меня был даже такой небольшой подростковый голубой велик. Как сейчас помню, назывался «Десна». Почему такое странное название, я не знала, но именно из-за его странности, видимо, и запомнила.

Проблема лишь в том, что садила я в последний раз на двухколесного друга лет десять назад. Ну точно: когда я перешла в третий класс, мою «Десну» наглým образом отжал у меня мой шестилетний брательник. Он тогда и прирос к велику на долгие годы, что мне больше ничего не оставалось, как найти себе другое увлечение.

Интересно, жива ли моя Дёсенка после активной эксплуатации братом? А самое главное: получится у меня кататься спустя столько времени? Говорят же, что существует мышечная память... Надо будет проверить...

Покосившаяся ржавая железная дверь поддалась не сразу. Дедов гараж уже лет десять используется бабушкой не по назначению — после того, как голубой Москвич, выезжая из своего дома в последний раз, протаранил ветхий забор, ограждавший двор, было принято решение с ним попрощаться. Ну как «принято»... дед до последнего отказывался его принимать, но бабуля была непреклонна: «Ты, старый, своё отъездил! Сейчас мне перед соседями краснеть и деньги на забор с пенсии откладывать, а завтра что? Передачки готовить или сразу панихиду заказывать?»

В общем, много лет в гараже, расположенном у самых ворот нашего двора, уже давно не хранилось никакого транспорта, кроме моей «Десны».

Провозившись с замком, мне всё-таки удалось попасть в эту Нарнию советских времен. Распахнув ворота, я словно открыла старую книгу эпохи СССР, и чем дальше заходила, передвигая разные вещи, тем больше пыли летело с её страниц, повисая в воздухе и погружая меня в атмосферу любимых советских фильмов. Вот эмалированный бидончик, в который залетел счастливый билет из «Спортлото-82», вот керосиновая лампа из мультика про Чебурашку, а вот и телефонный аппарат с крутящимся диском посередине, с помощью которого Женя Лукашин звонил «своей Наде»...

Пока я разгребала в стороны разные раритетные вещи «Брежневского застоя» и «Хрущевской оттепели», где-то в глубине за детской коляской с огромными колесами и потрепанным дерматиновым корпусом показался до боли знакомый руль. Убрал с пути несколько связок с книгами, содержащих полное собрание сочинений Ленина, я добралась-таки до своего железного друга детства.

Когда-то он был красивого голубого цвета. Точнее даже цвета морской волны, или тиффани, как сейчас модно его называть... Но сегодня все эти названия не имеют никакого отношения к моему велику, ибо краска слезла с него почти полностью. Руль и рама тоже не выдержали годы стояния в душном и неотапливаемом помещении и прилично так покрылись ржавчиной. О седушке и говорить страшно...

Однако, когда я вытащила на свет Божий то, что когда-то называлось средством передвижения, то сразу же поняла, что это гордое имя носить ему видимо придется нескоро или не придется вовсе: оба колеса были не просто пусты, но в них отсутствовала добрая половина спиц. Оставшиеся покрылись слоем ржавчины и, очевидно, были не пригодны для эксплуатации.

— Асюша, что ты тут делаешь!?! — внезапно раздаётся за спиной возглас бабушки, который заставляет меня едва не подпрыгнуть от неожиданности.

— Ба, я ...

Хотела что-то сказать в своё оправдание, но повернув голову к бабуле, вдруг наткнулась на пронзительный взгляд черных глаз, которые совсем не ожидала увидеть. Рядом с бабушкой, держа в руках её сумку и пакет из супермаркета, стоял Давид.

С нашей последней встречи прошло четыре дня, и если в первые два он еще появлялся в нашей квартире — я слышала его голос, — то ни вчера, ни сегодня от него не было ни слуху ни духу.

— Зд-расьте, — протянула по слогам, на ходу подменя растерянность на искусственное презрение.

Давид сдержанно кивает, не переставая буравить меня осуждающим взглядом. От этой его молчаливой нотации становится стыдно за свой поступок, но признать очередной промах я не хочу, поэтому с вызовом отвечаю сразу двоим:

— Я вышла немного подышать воздухом, что тут такого?

— Ася! Тебе ведь даже вставать без надобности запретили, а ты спустилась по лестнице, да еще и забралась в этот душный гараж, — бабушка причитает, не оставляя ни одного шанса мне вставить хоть слово оправдания. — И зачем ты вытащила этот велосипед!? Только не говори, что собиралась на нем ехать...

— Вообще-то собиралась, — несмело отвечаю, пытаюсь боковым зрением увидеть реакцию Давида. Не знаю, почему, но уверена, что он в этот момент снова поднимет свои густые брови к не менее густой шевелюре, которая не выдержав разочарования во мне, падает на его высокий ровный лоб.

— Да что же ты за егоза у меня! — то ли возмущенно, то ли умиленно, то ли просто артистически восклицает бабуля. — Давид, — обращается она к парню, отчего мне становится неловко, — ну вот что с ней поделаешь!? Не может эта стрекоза-попрыгунья на одном месте долго сидеть.

Молчавший доселе армянин всё-таки подает голос:

— Ася, — неужели не забыл еще, как меня зовут! — я вижу, вам уже лучше? — не пойму, это сарказм, что ли?

— Да, вашими молитвами, — едко парирую в ответ, за что получаю укоризненный взгляд бабули. — Вам нет больше надобности ездить к нам за тридевять земель. Спасибо, что помогли донести сумку, — на этих словах я уверенно подхожу к парню вплотную и хватаю за ручки бабушкиного саквояжа. Но Давид не разжимает своих пальцев и сумка остается у него.

— Не просите, Ася, я не позволю вам нести тяжести в вашем состоянии. Пойдёмте, я провожу вас до квартиры, — он разворачивается к выходу, и в следующий момент я слышу от него уже совсем негромкое добавление: — Там и попрощаемся...

Последние его слова так и повисли в воздухе. Конечно, я рада их слышать — отделаюсь, наконец, от навязчивого армянина. Но почему от них вдруг кожа на руках и спине покрылась мурашками?

В каком-то тумане бреду к нашему подъезду, даже не поняв, когда и как закрывала двери гаража. Каждый шаг словно ощущается каждой клеткой, будто ноги двигаются отдельно от туловища, а мозг вообще еще сомневается, стоит ли идти...

Очень странные и ранее не знакомые мне ощущения. Хочется поскорее избавиться от них, но прежде необходимо устранить источник такой реакции — Давида. Поэтому я набираю в легкие побольше воздуха и у самой двери, догоняя идущего впереди парня, громко заявляю:

— Спасибо, Давид, — голос почему-то предательски сорвался. — Были рады знакомству, — специально говорю во множественном числе, намекая на бабушку, чтобы исключить возможность ей снова оставить его под каким-либо предлогом. — Не смеем вас больше задерживать.

Бабушка только и успевает произнести моё имя, а после виновато смотрит на парня, словно оправдываясь за мои слова. Давид натянуто улыбается и, кивая бабушке, переводит взгляд на меня.

— До свидания. Я тоже был рад знакомству, Ася...

Он разворачивается и удаляется по лестнице, ни разу не обернувшись. Он снова оказался победителем: его последние слова звучали невероятно искренне. Мой сарказм на фоне его простого почти признания, оказался унизительно глупым. И снова эти мурашки...

Идея с велосипедом, похоже, с треском провалилась. Старый, судя по всему, не восстановить, а о новом я даже мысли не допускаю. Денег на него взять просто неоткуда. Поэтому весь остаток дня я посвятила поиску альтернативных вариантов сближения с Марио.

Звонки, смски, письма и тому подобное были отмечены мной сразу же — такие тривиальные подкаты больше похожи на обычную навязчивость влюбленной дурочки, а такой статус вовсе мне не импонировал. Остается искать точки соприкосновения в виде общих интересов. Все хобби я перебрала уже вдоль и поперек — совпадений так и не выявилось. Возможно, пересечения найдутся в других сферах...

Снова лезу в социальные сети. На этот раз изучение личной странички итальянца проходит с медицинской точностью. Внимание привлекает любая мелочь, каждый пост, каждый «лайк» парня приобретают для меня какое-то сакральное значение и подвергается детальному анализу.

Спустя пару часов мне удастся сделать еще несколько записей в «досье» Марио. Он любит советские фильмы, спортивные машины и музыку в стиле кантри. Не знаю, как всё это сочетается в его кудрявой головушке, но узнать большего пока мне не удалось.

Что ж, небольшое совпадение всё-таки есть. Советское кино, в особенности комедии, мне очень нравится. Осталось понять, как я могу это использовать...

Внезапный звонок в дверь вырывает меня из раздумий. Наверное, бабушка вернулась из магазина. Что-то быстро она...

Медленно встаю с кровати, чтобы не спровоцировать головокружение. Очень некстати опять вспоминается Давид и то, как он не разрешал мне самостоятельно передвигаться. Гоню эти мысли — он ушел и обещал, что навсегда, — не за чем даже думать о нем.

Открываю дверь и чуть не падаю от увиденного — передо мной стоит тот, кого я только секунду назад выгнала из мыслей, и держится за руль нового скоростного велосипеда.

— Ч-что эт-то? — словно загипнотизированная, заикаясь, спрашиваю у Давида, указывая на новенький, бело-бирюзовый велик, явно предназначенный для девушки.

— Это вам, Ася, — улыбаясь отвечает и подкатывает это чудо к двери.

— Но... я... вы уверены? — честно говоря, я не знаю, что сказать: с одной стороны, такой дорогой подарок я принять не могу, а с другой — это ведь не просто велосипед, что мой шанс на счастье, который я никак не могу упустить.

— Конечно, — еще шире растягивая рот, произносит парень. — Нравится?

— Очень, — честно признаюсь, не в силах отказаться брать этот подарок. — Но ведь он очень дорогой, наверное?

На самом деле, этот вопрос задан скорее из желания понять — буду ли я что-то должна за него. Давид, вернувшись к серьезному тону, быстро отвечает на вопрос:

— Не волнуйтесь, не дороже моей репутации.

— Что вы имеете в виду? — непонимающе обращаюсь к парню.

— Я сбил вас на велосипеде, вы получили серьезные травмы, но однако не стали писать на меня заявление — сохранили мне репутацию. Вряд ли клиенты также охотно шли бы к человеку, узнав о том, что у него были правонарушения.

Давид вполне логично всё обосновывает, но мне почему-то не по себе становится от его

слов — получается, это не подарок, а «откуп» за то, что не обратилась в полицию... Вся моя благодарность куда-то улетучивается, и становится отчего-то обидно.

— Хорошо, — натянув на лицо выражение крайнего цинизма, изрекаю в ответ, — раз вы мне больше ничего не должны, да и я уже почти поправилась, то думаю, что на этом можно и закончить наше знакомство.

Смотрю на парня в упор, и на последних словах он тоже начинает сверлить меня недовольным взглядом.

— Асья, я понял, что вам уже не терпится от меня отделаться, однако вам придется потерпеть меня еще как минимум один день.

Что еще за условия такие!?

— Я обещал вашей бабушке, что проконтролирую вашу езду на велосипеде. И как только буду уверен, что вы уверенно держитесь на двух колесах, я смогу оставить вас. Иначе Антонина Михайловна запретила мне делать вам такой подарок.

Вот уж спасибо, бабуля! Услужила!

— Ой, да если дело только в этом, то я хоть сейчас готова показать вам, что прекрасно езжу и не нуждаюсь в няньке.

Я решительно хватаюсь за руль моего нового бирюзового друга, чтобы выкатить его обратно в подъезд, но Давид уверенным движением перехватывает велосипед.

— Нет, Асья, это исключено. Ранее чем в понедельник вы не можете ездить. Врач строго запретил всё, что связано с риском повторного сотрясения.

Вот же, зануда!

Условившись встретиться через четыре дня, Давид покидает мою квартиру, а я с восторгом и трепетом начинаю «знакомство» с великом.

Блестящий руль с приятными на ощупь резиновыми держателями, кожаное сиденье, которое так и манит взобраться на него и как в детстве с горки с ветерком... Эх... Зануда этот Давид. Или я уже говорила это?

Вы не представляете, что значит для экстраверта двухнедельное пребывание в одном месте, без возможности смены обстановки. За всё время своей так называемой реабилитации я и людей-то практически не видела, за исключением бабушки, соседки бабы Дуси, которая приходила в гости три раза в неделю, да почтальона дяди Пети, «тайно» влюбленного в мою бабулю, и потому не упускающего ни одной возможности к нам заглянуть. В понедельник он приносил платежку за свет, в среду за газ и воду, в четверг была какая-то бесплатная газета, а в пятницу посчастливилось получить письмо.

Вообще, письма мы получаем довольно часто — примерно раз в месяц. Пишет бабушкина двоюродная сестра из Испании, которая уехала туда в шестидесятых годах и связь с ней была утеряна почти на полвека. Лет пять назад они нашлись, благодаря Одноклассникам, но общение в соцсети не заладилось — обе сестры, которым уже за семьдесят, наотрез отказались пользоваться «тырнетом», и сразу же обменявшись адресами, наладили переписку.

На этот раз бабушка прочитав письмо была особенно взбудоражена его содержимым, и когда она закончила чтение, я поняла, что стало тому причиной.

— Нина приезжает в Россию! — произнесла бабуля с какой-то непонятной интонацией.

Я всматривалась в её лицо, полное какой-то растерянной задумчивости, и пыталась определить, рада она этой новости или нет.

— И к нам собирается приехать...

— Ба, это же здорово — увидите, наконец! — странная реакция бабули вызвала у меня недоумение.

— И что же тут «здорового»? — грубо оборвала меня бабушка. — Здорово, что живем в этой халупе, которая вот-вот развалится? Или может здорово будет угощать испанскую донью щами и вареной картошкой с селедкой?

Бабушка быстро сложила письмо по сгибам, как оно помещалось в конверте, и, бросив его на стол, словно вихрь вылетела из комнаты. На кухне тут же загремели кастрюли, сковородки и ведра — верный признак того, что у бабули очень плохое настроение и намечается генеральная уборка.

Только к вечеру, когда мы уже ложились спать, я осмелилась снова заговорить на тему приезда гостей.

— Ба, ну скажи, ты правда не хочешь увидеться с сестрой только из-за того, что мы небогато живем? — да, возможно слово «небогато» звучит слишком мягко, и кто-то назвал бы нас откровенно нищими, но я с детства приучена довольствоваться тем, что есть, не заглядывая никому в рот.

— Ох, Асюш, — бабушка с глубоким вздохом уселась на кровати и обреченно сложила ладони на колени. — Да, хочу, конечно. Но как представлю, что Нина приедет сюда вся такая роскошная, на огромном джипе своего внука...

— Ну так это же классно! Если у внука джип, значит точно не застрянет нигде по дороге, — я пытаюсь её немного развеселить, но улыбка выходит какой-то грустной. — Ну бабуль, ну не расстраивайся! Главное же не в вещах, не в домах и машинах, ты ведь сама всегда говорила. Главное — люди! Их отношение: забота, внимание, доброта...

Какое-то время она смотрит на меня, словно пытаюсь вникнуть в смысл моих слов, а

потом умилительно склоняет голову на бок и всё-таки улыбается. Но уже по-доброму, словно смирившись с реальностью.

— Эх, ты моя коза заботливая! — подходит ко мне и, обняв, «пересчитывает» мои ребра, а потом нежно целует в макушку. — И правда — чего это я распереживалась. Ну нет ремонта тридцать лет, ну и что?! Мы-то живем, а показуха эта — ни к чему она...

Мы еще немного обсудили приезд родственницы перед тем, как лечь спать, однако я довольно долго не могла окунуться в объятия морфея, всё пытаюсь уложить в голове причину беспокойства моей бабули. А ведь она права — её квартирка в старом разваливающемся доме пятидесятых годов прошлого века уже давно нуждается в ремонте. Обои в ней переклеивались примерно в девяностые годы — сколько помню их, они уже тогда были «ретро», а сегодня это даже не «винтаж», а что-то настолько ветхое, что даже при всем огромном желании современных дизайнеров всё старить, не выйдет такого эффекта. У потолка они чуть не в полном составе решили начать самостоятельную жизнь, а в местах стыков на всех видных местах, куда бабушка могла только достать, были заклеены скотчем.

Помимо стен, которыми нужно было бы заняться в первую очередь, был еще потолок с желтыми разводами, оставшимися со времен старой кровли, которая постоянно протекала в сильные дожди; и пол, не только ужасно выглядевший после многочисленных перекрашиваний, но и истошно стонущий, когда кто-то пытался по нему идти. Конечно, были еще «мелочи» типа некрашенных дверей, окон и батарей, обвалившейся частично плитки в ванной и старой сантехники. Но всё это казалось мне не только не по силам, но и не по карману.

В общем, я решила сосредоточиться на малом — том, что я могла изменить своими возможностями. Сейчас я могу осилить только обои, а дальше — будет видно.

На следующее утро я проснулась в боевой готовности менять этот мир к лучшему. У меня в кошельке было целых две тысячи, которые мне удалось скопить со стипендий за короткое время моей учебы в универе, и казалось, что этих огромных денег хватит на всё, что я задумала, да еще и останется мне на вкусняшку. Как бы ни так!

Я очень давно не была в строительных магазинах... И очень давно не видела цен на обои! Рассчитывая купить «самые лучшие», чтобы порадовать бабушку, я вынуждена была купить «самые простые», чтобы хватило на клей...

Настроение у меня упало ниже нашего старого крашеного паркета. А когда я принесла свои покупки в дом, то неожиданно поняла, что есть еще одна огромная трудность — как переклеить обои в единственной комнате, которая еще и вся заставлена разным раритетом, старинной мебелью и просто хламом?

С полчаса я всё ходила по комнате вокруг да около, примеряясь к обстановке и пытаюсь придумать, с чего начать. Наконец, решила, что лучше всего — просто начать, а дальше само собой закрутится. И я начала.

Отодвинула от стены диван, и пока бабушка не было дома, и она не могла меня остановить, я резко дернула кусок отвалившейся бумажной полосы. Всё, назад пути нет. Теперь оставить «как есть» уж точно не получится.

Увлечшись, я и не заметила, как снесла к середине комнаты половину мебели. Сверху на диване стоял журнальный столик, на нем книги, подписки журналов и старые фотографии, которые бабушка хранила в книжном шкафу, а я не смогла его сдвинуть с места, пока не освободила от содержимого. И вот, когда огромная гора из вещей стояла посередине, а мне оставалось оторвать всего пару кусочков, я даже не поняла, как в мгновение ока

очутилась на самом верху, балансируя одной ногой на «пирамиде», а второй опираясь на полку всё в том же книжном шкафу.

«Хорошо, бабушка не видит меня», — только и успела подумать, как словно в ответ моим мыслям раздаётся стук в дверь.

С перепугу потеряв равновесие, я рефлекторно схватилась за первое, что попало в руки, и оказалась висящей на шкафе. Пирамида же, которую я в полете оттолкнула, с грохотом повалилась на пол.

А уже через секунду внезапно открывшаяся дверь явила мне того, кого я совсем не ожидала тут увидеть. На пороге стоял Давид.

Белая футболка без каких-либо надписей, светлые джинсы, слегка потертые на коленях, толстовка, якобы небрежно наброшенная на плечи... Завершали образ парня белоснежные кроссовки. Всё это выглядело настолько необычно для Давида и настолько идеально, что я невольно засмотрелась. Да-да. Именно «идеально». Каждая деталь словно была продумана и взвешена: майка сидела на нём так, будто специально сшита по его весьма, кстати, неплохой фигуре, выделяя и подчеркивая крепкие мышцы рук и груди. Захотелось даже посмотреть, как выглядит в этой безупречной футболке спина парня. Признаться, именно спина у мужчин — моя слабость. С детства обожала кататься на спине у папы, а мама до сих пор часто шутит в мой адрес: «Аська, ищи себе мужа, за которым будешь как за каменной спиной».

Но её-то сейчас мне и не удастся увидеть, ибо помимо того, что Давид стоит ко мне лицом, на плечах висит толстовка, которая скрывает всё «самое интересное» для меня.

— Асья, вы с ума сошли!? — из моих размышлений меня выводит окрик с армянским акцентом.

От неожиданности я смогла только промычать что-то невразумительное и осознать, что по-прежнему вишу на шкафу. Висю. В общем, нахожусь в подвешенном состоянии.

— Бросайте руки! — приказ прозвучал резко, и не успев опомниться и понять, что я выполнила его в первое же мгновение, почувствовала себя очень комфортно и даже... уютно?

— Что вы здесь делаете? — спросила чуть заикаясь, но при этом не разжимая рук, обхвативших в полете крепкую шею.

Давид неотрывно смотрел в мои глаза, казалось, даже не понимая, о чем я его только что спросила. Такая близость, помноженная на прикосновения моих ладоней к теплой, если не сказать — горячей, коже парня, вызывала какой-то неведомый мне ранее трепет — словно электрическое поле образовалось вокруг нас и не давало вырваться из него. Хотя, по правде сказать, в этот момент и выбираться-то не особо хотелось.

— Асья, — моё имя, произнесенное почти шепотом, но при этом на армянский манер, вывело меня из ступора. Будто очнувшись от колдовских чар, я вдруг поняла, что нахожусь в каком-то двусмысленном положении — на руках у малознакомого парня, который при этом еще и армянин! И — о ужас! — настолько близко, что не произнеси он моего имени, могло случиться...

Нет. Неет... Я даже думать не хочу о том, что могло бы произойти! С армянами я еще не целовалась! Позор какой!

Резко встряхнув головой, прогоняя одолевающие со всех сторон мысли, я вмиг спрыгнула с крепких рук и, отступив, на всякий случай, на шаг назад, испытующе посмотрела на Давида.

— Ну так, — Давид начал объяснения, но голос подвел — получилось очень хрипло. Откашлявшись, он продолжил: — мы же договаривались: сегодня понедельник, и я, как и обещал, приехал проконтролировать вас на велосипеде.

Блин! Блин! Блин!!! Ну как я могла забыть!? С этим ремонтом совсем вылетело из головы...

— Эээ... — нужно что-то ответить, но что? — Давид... к сожалению, сегодня, видимо,

не получится у нас покататься, — почему-то говорить было неловко — парень приехал, сдержав обещание, а я, даже не предупредив его, поменяла планы... Некрасиво вышло...

— Я это уже понял, — совершенно неожиданно Давид вдруг улыбнулся и подмигнул мне. И пока я моргала, уставившись на парня, он скинул с себя толстовку и наклонился поднять с пола свалившиеся туда журналы и фото. — Ася, вы ...

— А? — спина превзошла мои ожидания настолько, что слов парня, который не просто говорил, а даже что-то спрашивал у меня, я не услышала. Пришлось оторваться от созерцания крепких плеч и длинной смуглой шеи, на которой так органично смотрелась толстая серебряная цепочка, и посмотреть на Давида, собравшего уже большую часть бумаг и теперь засмотревшегося на какое-то попавшее ему в руку фото.

— Вы очень похожи на вашу бабушку... Это же она на снимке?

— Да, — парень показал мне карточку, которую рассматривал уже с полминуты. — Бабушка мечтала стать актрисой в молодости, у неё много красивых фотосессий. По нынешней моде у неё собралось бы очень неплохое портфолио.

— Невероятно красивая девушка, — сказав это, Давид посмотрел на меня так проникновенно, что фраза показалась довольно двусмысленной, особенно после слов о том, что мы с бабушкой очень похожи. — И всё-таки... — он оборвал зрительный контакт и снова огляделся в полуразрушенной комнате. — Вы серьезно решили сделать ремонт самостоятельно?

— Ну да, а что тут такого? — я недовольно хмыкнула, подумав, что такой белоручка, как Давид, наверняка даже не имеет представления, как обои попадают на стены.

— Нет, ничего... — немного растерянно прозвучало, и парень тут же решил поправиться. — Просто вы недавно после сотрясения, и стоило бы побереечь себя, чтобы не было осложнений...

— Вы же сами сказали, что с понедельника уже можно закончить с постельным режимом. Вот я и закончила.

Разговор перешел в неловкую стадию, и мне захотелось поскорее уже отделаться от Давида, поэтому я решила намекнуть, что ему пора, и подошла к стене и начала демонстративно срывать с неё оставшиеся куски обоев.

Но тут дверь в квартиру снова открылась и уже через секунду я услышала вскрик бабушки.

— Ася! Что... Что тут случилось? — но не успела я и рта открыть, как вошедшая бабушка заметила рядом со мной Давида. — Давид? Дети! Я с ума с вами сойду!

Бабуля всегда очень эмоционально реагирует на всё, но сейчас её реакция превзошла мои ожидания. Она всплеснула руками и начала медленно оседать на пол. Давид среагировал мгновенно, подхватив её и не дав упасть в обморок.

Да, затеять ремонт в доме пожилого человека, не предупредив его об этом, — это была очень плохая идея. Минут пятнадцать мы на пару с Давидом пытались успокоить бабушку:

— Всё будет хорошо, не переживайте, если у Асии не получится, я попрошу помочь своего дядю, у него фирма занимается ремонтом. Вы, главное, не волнуйтесь.

— Бабуль, это ненадолго, правда, я уже почти всё ободрала, завтра грунтовочкой пройду, и послезавтра уже будем в новеньких апартаментах с тобой.

— Антонина Михайловна, не смотрите, что тут много неровностей, дядя Артур всё выровняет, будет отличный результат, — для убедительности Давид даже показал класс и попытался улыбнуться, хотя его натянутой улыбке поверить было трудно.

И тут я поняла, что мы с парнем совершенно по-разному успокаиваем бабушку. Давид расценил её реакцию, как недоверие моим способностям как ремонтных дел мастера, а я, зная, насколько бабуля не любит беспорядка и грязи в доме, поспешила убедить её в скором завершении устроенного мной бардака.

— Асенька, дорогая, а жить мы эти два дня где будем? — наконец прошептала вопрос бабушка.

— Ну... ба, я же всё уберу, — я оценивающе оглядела комнату. — Сегодня пока кровати в центре постоят, но это ведь временно...

Три пары глаз молча с минуту осматривали огромную гору мебели посреди комнаты, вокруг которой оставались лишь узкие проходы, в которых протиснуться можно было только боком. Вероятнее всего каждый из находящихся сейчас в комнате пытался представить, куда будут сложены-переставлены-передвинуты вещи, благодаря мне покинувшие свои насиженные места. Среди затянувшегося молчания раздался общий грустный вздох. И тут заговорил Давид.

— Антонина Михайловна, а у вас остался еще тот чудесный травяной чай, который вы мне заваривали в прошлый раз?

Мы с бабушкой одновременно удивленно посмотрели на парня, пытаясь понять смысл его слов, сказанных будто совершенно невпопад.

— Д-да, Д-давид, конечно...

Криво улыбнувшись, бабушка поплелась на кухню. В её характере — услужить гостю в первую очередь, даже отложив собственные дела. Но не успела я начать радоваться, что удалось отвлечь бабулю от переживаний, как в одно мгновение Давид навис надо мной и зашипел:

— Асья, Антонине Михайловне нельзя оставаться тут. Это неправильно!

Я уже и сама поняла, что идея была дурацкая недоработанная.

— Вы правы... Но я не знаю, что теперь делать. Не бросить ведь уже так, как есть...

— Нет, бросать — это совсем не вариант. Нужно придумать, где ваша бабушка может пожить, пока ремонт не закончится.

Ну, конечно! Как же я сразу об этом не подумала!?

— Так что тут думать?! — видимо, сотрясение мозга не прошло для меня без последствий. — Я сейчас же позвоню родителям, и они заберут бабулю к себе на недельку.

Уже к вечеру вопрос с пребыванием бабушки на ближайшие две недели был решен. Родители хоть и не обрадовались тому, что так резко пришлось менять свои планы и ехать за двести пятьдесят километров, но моё решение о ремонте в итоге поддержали. Даже выделили мне пятнадцать тысяч на строительные материалы. Не густо, конечно, но теперь у меня была возможность развернуться с благоустройством немного шире, ранее обрисованных мной границ.

Попрощавшись с родными, я принялась оценивать фронт работ. В запасе было ровно двенадцать дней, чтобы успеть к возвращению бабушки. К этому времени нужно привести в порядок стены. Как бы я ни отрицала очевидное, но Давид прав — без помощи профессионального штукатура тут точно не обойтись. Благо, родители выделили деньги, и я надеюсь, что смогу оплатить его услуги. Кроме того, я всё-таки рассчитываю, что на

оставшиеся средства всё-таки получится купить краски для окон и дверей. Ну и, при очень хорошем раскладе, «ну а вдруг», как говорится, хотелось бы заменить краны на кухне и в ванной.

Вот такая «программа минимум».

Но больше всего меня в этом вопросе беспокоил не бюджет, а время. Завтра мне предстояло прийти на прием к врачу и закрыть больничный, а это значит, что занятия в универе никто не отменял, и мне помимо ремонта, нужно будет еще и отрабатывать пропущенные две недели. Благо, что большинство лекций и практических заданий я периодически выполняла, используя фото конспектов Вероники, присылавшей мне ежедневный отчет о прошедшем учебном дне. Однако нужно будет сильно постараться, чтобы правильно всё распланировать и уложиться в срок.

Перво-наперво необходимо было завтра позвонить Давиду и узнать у него номер его родственника, который занимается штукатуркой стен. Сегодня мой армянский знакомый, прежде чем раскланяться, целых три часа помогал мне с обдиранием старых обоев и перетаскиванием мебели. В итоге благодаря ему, мы избавились от «лишних» вещей, которые давно были не нужны в квартире и только занимали место. Парень вынес в гараж несколько коробок с фамильным хрусталем, хранившемся на шкафу и под кроватью, потому что бабушке так было спокойнее, что так он будет сохраннее и доживет до моей свадьбы, чтобы стать на ней приданым. Вслед за посудой отправились связки литературы. В отличие от хрусталя, старые учебники и подшивки журналов «Работница» перекочевали не в гараж, а прямиком на переработку макулатуры. Давид предложил такой выход, когда его попросили отнести бумажный мусор к контейнерам во дворе.

Из квартиры также вынесли старую этажерку, которая постоянно падала, стоило случайно её зацепить или неосторожно что-то на неё поставить. Содержимое же очень удачно переместилось в шкаф, где хранилась макулатура. В общем, вещей после ремонта в квартире становилось меньше, а свободного пространства — больше, что не могло не радовать.

Еще раз оглядев комнату, я потушила свет и легла на диван. Завтра будет сложный и насыщенный день. А сегодня — спать.

«Давид, доброе утро. Вы вчера сказали, что ваш родственник...»

Я перестала набирать сообщение и задумалась: вроде бы он говорил, что это дядя. Но кто их, армян, поймет — у них все дяди, тети, братья... Махнула рукой и написала:

«Давид, доброе утро. Вы вчера сказали, что ваш знакомый занимается ремонтом...»

Опять затык. Может, он не простой шпугатур, а какой-нибудь владелец компании, у которой есть наемная бригада. И это было бы логично, учитывая, что сам Давид — ведущий юрист какой-то крутой адвокатской конторы.

«Давид, доброе утро. Вы вчера сказали, что ваш знакомый занимается строительным бизнесом. Не могли бы вы дать мне его контакты?»

Всё. Отправляю. Сообщение улетает, а я перечитываю его еще несколько раз — придираясь к каждому слову. С этим Давидом постоянно чувствую себя скованно и хочется подбирать слова, чтобы не выглядеть перед ним глупо.

Ответ приходит настолько быстро, что я бы, наверное, за это время не успела и текст прочитать, не то, чтобы ответить.

Давид: «Доброе утро, Ася»

Это пришло первым, и, несмотря на то, что моё имя было написано правильно, я прочитала его с интонацией парня.

Давид: «Я уже созвонился с дядей Артуром, Он подъедет сегодня после трёх»

Ну вот, звонить не нужно — прекрасно. Можно заняться другими делами, которых на сегодня у меня запланировано очень много.

Первым делом нужно было показаться доктору и взять у него справку. Ну, а дальше попытаться успеть хотя ко второй паре в универ.

Как же здорово ходить на учебу! Прямо кайфанула от лекции по ненавистной мне обычно философии. А одногруппники! Родненькие, сколько ж я вас не видела... Соскучилась по всем и вся, даже по непропеченным булочкам в столовке!

Безумно была рада видеть Нику! Чуть не задушила её в объятиях, когда встретились в аудитории.

Но самое главное событие сегодняшнего дня — встреча с Марио.

Уже выходя из универа после третьей пары, я заметила его кучерявую макушку в толпе пятикурсников. В надежде перевела взгляд на Нику, которая встречается с лучшим другом итальянца, но она никак не отреагировала на приближение к шумной компании.

— Ник, вы что, поссорились с Чацким?

Подруга неопределенно повела плечами, но не произнесла при этом ни звука. Её глаза тут же наполнились такой грустью, что даже мне стало не по себе. Да ведь она едва сдерживает слезы!

— Ника! — собираясь разузнать, что же всё-таки произошло, я и не заметила, как около нас материализовался никто иной, как Марио. — Привет, девчонки, — глядя с какой-то жалостью на мою подругу, он, кажется, и не заметил меня. Только подойдя вплотную и наткнувшись на мои удивленные глаза, решил поздороваться.

— Привет, — уже совсем без радости ответила я, а Ника лишь кивнула.

— Ник, мы в субботу собираемся у меня, будем праздновать мои двадцать два. Приходи тоже с подругой, — я улетела... Он сказал «приходи с подругой» и «у меня» в одном

предложении?! Это точно не сон???

— Спасибо за приглашение, Марио, — всё-таки выдавливает из себя слова Ника, — но я уезжаю в субботу в деревню, поэтому не смогу прийти.

А??? Мой корабль счастья сейчас что — только посигналил мне и проплыл мимо? Стойте, стойте! Так нельзя!

— Жаль, — Марио досадливо поджимает нижнюю губу и виновато смотрит на Нику.

Мне хочется закричать, что я же еще есть! Я здесь, эй! Меня тоже только что пригласили! И я никуда не уезжаю!

— Ну, ладно, пока тогда, — заканчивает разговор итальянец. Внутри меня всё обрывается. Ну, Ника! Я тебе это припомню! — Кстати, — вдруг снова оборачивается к нам Марио, еще не успевший сделать в сторону и шага, — Ася, правильно? — это он ко мне? Да! Да!!! Это точно ко мне обращение... — В субботу в 5 приходи, если не уезжаешь, адрес Ника знает, — сказав это, он снова подмигивает мне, и быстро уходит обратно к своим друзьям, а я стою и до боли щипаю себя за запястье.

— Аська, пойдём в магазин скорее, — Ника тянет меня, остолбеневшую и глупо улыбающуюся, за рукав пальто. — Выберу тебе лимон, самый кислый.

— Зачем?

— Да у тебя, похоже мышцы на лице заклинило от улыбки. Может лимон поможет.

— Нет, лимон не поможет, — перевожу взгляд на подругу, и улыбка тут же улетучивается. — А вот твоё лицо уже меня «исцелило». Рассказывай давай, что у вас с Чацким приключилось?

Подруга нехотя рассказывает мне, что произошло в моё отсутствие, и становится понятной её реакция на компанию, ржущую на стоянке возле универа (*история Ники и Димы «Чацкий, за тобой карета»*).

«Интересно, Давид тоже придет вместе с дядей? — думала я, выходя из автобуса на конечной возле нашего поселка. — Хотя... Зачем ему заморачиваться? Он родственнику позвонил, договорился, свою миссию выполнил. Даже перевыполнил».

Возле дома замечаю внедорожник Давида, и сердце почему-то пропускает удар. Странная реакция — ноги словно не мои, колени дрожат, а внутри всё сжалось и подчиняется только сердечному ритму. Чтобы привести себя в чувство даже похлопала ладонями по щекам — так в фильмах часто показывают. Вроде бы и правда помогло, по крайней мере, внутренние органы немного отпустило.

— Ася, добрый день, — Давид выходит из машины первым, за ним открывается пассажирская дверь и из неё появляется невысокий щуплый армянин, лет сорока-пятидесяти. Он выглядит как типичный строитель — в поношенной, однако чистой, куртке, старых потертых джинсах, сохранивших свежие пятна от штукатурки, и больших, словно бы не по размеру, ботинках, тоже заляпанных чем-то, напоминающим цемент или шпатлевку. — Мой дядя Аваг.

— Здравствуйте, — одновременно приветствуем друг друга, оглядывая: я — с подозрением, мужик — с напускным равнодушием.

Мы поднимаемся в квартиру, и с полчаса новый знакомый, сопровождаемый моими комментариями, «инспектирует» наши 35 квадратных метров.

— Стэны ровнять будэм?

— Да, конечно.

— Обои клэим?

— Нет, нет, с обоями я сама.

— Харашо. Паталок? Щтукатурим? Натьяжной?

— Потолок надо бы, — в очередной раз с сожалением смотрю на ужасные желтые разводы, — но боюсь, моих средств на него не хватит... В другой раз.

— Штукатурим, дядя Аваг, — вмешивается Давид, останавливая меня от возражения, неожиданно обхватив за запястье.

— Ну, тагда я поехал на абъект, а завтра полвосьмого буду тут. Начнем с паталка...

Дядя Аваг еще что-то говорит, пока идет к выходу, а у меня в голове крутится целый рой вопросов.

«Как мне завтра оставить незнакомца одного в квартире на полдня?»

«Стоит ли вообще связываться с армянами в вопросах денег?»

«Как мне встретить взрослого малознакомого мужика в половине восьмого и пусть даже ненадолго остаться с ним наедине в квартире?»

Но ответ на все мои сомнения был один: Давид.

Сама не знаю, почему, но я чувствовала доверие к нему. Да и бабушка ни разу не засомневалась в его честности.

И я доверилась. Не стала возражать и сопротивляться, а одобрительно кивала, провожая сегодняшних гостей.

Сильные руки обвивают сначала мою талию из-за спины, а затем аккуратно, но уверенно притягивают меня к себе. Я чувствую обжигающее дыхание в затылок, отчего под ребрами сердце перестает биться. Парень наклоняется к моей шее, и я замираю в смятении и томительном ожидании. К счастью, длится оно недолго — мягкие губы касаются кожи, рассыпая мурашки по всему телу. До этого действия я чувствовала себя статуей, которая не может ни моргнуть, ни сделать вдох, казалось, что даже сердце перестало биться, отчего кровь остановилась в венах. Но теперь словно спали невидимые оковы, и по всем органам разливается горячая жидкость, возвращая меня к жизни.

Невероятно приятное чувство сладкой неги наполняет меня с каждым прикосновением ко мне неизвестного. Поцелуи будто набирают разгон, от легких и невесомых становясь всё более долгими и уверенными. Мужчина явно не просто дарит мне удовольствие, он сам упивается тем, что делает. Дыхание его совсем сбилось, и он прекращает сладкую пытку. Тёплая ладонь ложится на мои веки, и я понимаю, что он хочет, чтобы я закрыла глаза, а затем медленно разворачивает меня к себе. В этот миг я понимаю, что совсем скоро увижу его лицо...

Сердце бьётся как обезумевший дятел, я стою напротив него и послушно жду команды открыть глаза. Остались последние мгновения моего томления, и я зажмуриваю веки изо всей силы, как это делают маленькие дети, загадывая желание, и уже отчетливо представляю упругие черные кудряшки и фирменное подмигивание, которым Марио наверняка одарит меня в первый же миг встречи наших глаз. Но ожидание затягивается.

В нетерпении хочу открыть глаза, но заставляю себя потерпеть. Ну, в конце концов, не буду же я так стоять тут вечно?

Чувствую движение в мою сторону. Прислушиваюсь. И тут отчетливо слышу:

— Асья! Открой глаза!

Нет! Нет! Нет!

Зажмуриваюсь сильнее и, кажется, мотаю головой, противясь хорошо знакомому голосу. Не Давид, только не Давид!

Меня резко хватают за плечи и встряхивают. Я открываю глаза и просыпаюсь.

Передо мной Давид. Он испуганно трясет меня за плечи, и я не сразу понимаю, что происходит.

Когда опадают последние оковы сна, приходит осознание: я лежу на полу возле дивана, который стоит посреди комнаты. Надо мной нависает Давид, который одет при полном параде — в красивом кашемировом пальто горчичного цвета, под которым надет деловой костюм коричневого цвета и белоснежная рубашка. Внимание привлёк галстук на шее — верхние пуговицы были расстегнуты, и он болтался, словно тряпка, совершенно не гармонирую с остальным идеальным гардеробом.

— Давид? Что ты тут делаешь? Как вошел?

Я не сразу осознала и то, что перешла на «ты» в отношении парня. Видимо сон так повлиял на моё восприятие окружающего, которые до сих пор не кажется реальным, а словно смешалось с ночным видением.

— Асья, что с вами случилось? — Давид помогает мне подняться с пола. — Вам плохо? Вы упали?

Заняв вертикальное положение, наконец, понимаю, что на самом деле произошло — я, похоже, ночью свалилась с дивана. Со мной такое уже было однажды — сильно наработавшись на картошке, а после натанцевавшись в деревенском клубе, я спала настолько беспокойно, насколько же и крепко. Утром проснулась в похожем положении, только в тот раз в добавок еще и с шишкой на лбу, так как ударилась о ножку стула, стоящего у кровати.

— А который час? — я машинально оглядываюсь в сторону двери, над которой висят старинные бабушкины часы, но часов там нет. Вспоминаю, что только вчера сняла их, обдирая остатки обоев. Зато вижу еще одно армянское лицо, которое выражает в данный момент очень сильно сдерживаемое недовольство.

— Уже почти десять, — отвечает мне Давид. — Асья, почему вы лежали на полу?

— Не волнуйтесь, Давид, со мной всё хорошо. Я просто крепко спала и, видимо, не заметила, как упала с дивана.

Глаза парня округляются, становясь просто нереально огромными. Красивые всё-таки у него глаза, чего уж там...

— Кстати, а как вы попали в квартиру? Вы что — дверь выломали??? — я порываюсь проверить свою догадку, но Давид останавливает меня, удерживая за плечи. Этот жест словно током меня прошибает. Нет, не мог это он быть в моём сне, просто случайное совпадение. — С дверью всё в порядке. Дядя Аваг позвонил мне, и я открыл её.

Час от часу не легче...

— Вы — домушник?! — мой вопрос, наверное, прозвучал чересчур громко, но от озвученной мысли меня просто пробил шок.

— Нет, — вдруг засмеялся Давид. — Мне ваша бабушка ключ оставила запасной, на всякий случай, чтобы за вами присматривал.

И армянин достал из кармана тот самый ключ, который бабушка носила у себя в кошельке. Узнать его не составило труда — вместо колечка и брелка к нему была пристегнута большая булавка.

— Вообще-то я уже совершеннолетняя, и присматривать за мной не нужно, — гордо задрав голову, я решила встать с дивана, чтобы начать приводить себя в порядок, но тут снова самоуверенность меня подвела — нога в тапке поскользнулась и вместо того, чтобы указать Давиду на дверь, я увалилась прямо на него на своем же диване!

— Давид, я пойду штукатурку замешивать, итак полдня потеряли, — буркнул на ходу дядя Аваг и тут же исчез где-то в коридоре, оставив меня, всю красную от стыда, наедине со своим племянником.

И снова такая близость странным образом вернула меня в мой сон. Ну не мог Давид мне присниться! Я влюблена в Марио. Я медленно, но верно двигаюсь к своей итальянской цели. Армянские заменители мне совсем не подходят!

— Асья, — откашлявшись, обратился ко мне парень, когда в неловком молчании мы всё-таки восстановили личное пространство друг друга, — вы сегодня вроде бы собирались в университет. Я сейчас еду в центр и смогу вас подвезти, — киваю, бросив на него быстрый взгляд, и Давид устремляется к выходу, затормозив у самой двери: — Сколько вам нужно времени, чтобы собраться?

— Десять минут, — выдавливаю из себя, но решив, что стоит быть немного приветливее с человеком, который в очередной раз предлагает помощь, добавляю: — Если хотите, выпейте пока кофе с дядей Авагом, — говорю почти шепотом, потому что слова будто бы совсем не подходят этому человеку, не так нужно предлагать ему кофе. Ну вот — опять я

подбираю слова...

Ничего не ответив, Давид закрывает дверь, а я начинаю метаться по комнате, пытаюсь понять, как максимально быстро привести себя в порядок...

— Я приеду вечером, — как само собой разумеющееся бросает Давид, когда я выхожу около универа.

— Хорошо, — невнятно киваю и спешу скрыться, чтобы ликующе улыбаться во все тридцать два.

Не знаю, чем Давид может мне помочь, но одна только мысль о том, что сегодня мне не придется сидеть весь вечер одной в квартире, несказанно радует.

— Ты что, опять со своим итальянцем встретила, и он тебе подмигнул? — заигрывающим тоном спрашивает Ника и подергивает бровями.

— С чего ты взяла? — искренне удивляюсь такому вопросу.

— Ты вся сияешь, как только что вымытый чайник, — объясняет подруга. — Так, если это не заслуга Марио, тогда кто так тебя обрадовал? — мне кажется, или заинтересованности в голосе в разы прибавилось? И чем ей только Марио не нравится?

— Не поверишь! Его зовут Ашот, — заговорщически шепчу ей в ухо, словно передаю секретные данные, — ему примерно за пятьдесят, — глаза Ники округляются и улыбка медленно сползает с лица, — и он прямо сейчас... — моя пауза произвела нужный эффект — Ника начала оглядываться по сторонам. — Штукатурит стены у меня дома, — заканчиваю уже в полный голос и раздражаюсь громким смехом.

— Да ну тебя! — смеется Вероника, поняв, о ком я говорю. — Ладно, допустим, я поверила, что ты рада тому, что у тебя ремонт сдвинулся с мертвой точки. Но я ни за что не поверю в то, что именно это стало причиной твоего блеска в глазах!

— Ой, всё.

Давид: *«Ася, я могу подъехать к университету, моя работа сегодня заканчивается раньше. Когда вам удобно?»*.

Я: *«Давайте тогда после четвертой пары, в половине третьего»*.

Хотела добавить всякие там «если, конечно, вам тоже удобно» или «я была бы не против», но решила ограничиться только этим. Любезничать буду с Марио, а перед Давидом ни к чему притворяться миленькой.

Давид забирает меня там же, где оставил утром. Почему-то вдруг стало по-особенному приятно, когда не нужно бежать на остановку, ждать автобус, стоя телепаться по проходу из одного конца в другой, и молиться, чтобы поскорее мы доехали хотя бы до предпоследней остановки, так как там я точно смогу сесть и в относительном комфорте проехать аж целый квартал.

— Давид, я даже не знаю, чем вы можете мне помочь, — озадаченно смотрю на парня, который уже снял и повесил на крючок в прихожей синюю дутую куртку, явно надетую специально для поездки ко мне, ведь на работу, как я уже поняла по утреннему визиту, Давид предпочитает носить кашемировое пальто.

— Ася, уверяю вас, работа всегда есть для тех, кто её ищет, и никогда её нет для тех, кто работать не хочет.

Какая-то армянская мудрость? Но сказано метко.

— Хорошо, я тогда пойду чайник поставлю, — растерянно делаю шаг в сторону кухни, но тут же осекаюсь. — Только... это... у меня не особо много чего к чаю... По правде

говоря... — как бы так помягче сказать, что к кипятку у меня только мышь-самоубийца?

— Ася, не волнуйтесь, я всё предусмотрел, — и слегка приподнимает пакет, который всё это время был у него в руках. Когда он взял его из машины, я подумала, что там, возможно, что-то по ремонту, может шпатлевка или грунтовка, с которыми завтра будет работать дядя Ашот. А оказалось, что там целых три контейнера с едой!

— Вы сами это всё приготовили?? — удивленно смотрю на Давида, который, пока я мыла руки в ванной, уже накрыл на стол.

— Ну что вы! — очень обаятельно улыбается парень. — Это мама постаралась. И кстати, может мы уже перейдём на ты? Или вам это не подходит?

— Ну конечно, давайте на ты, — по правде говоря, я давно хотела это предложить, но всё стеснялась, не зная, как воспримет это Давид. — Вот расскажи, чем ты меня сегодня будешь угощать? — я улыбаюсь, предвкушая долгожданную встречу моего желудка и того, что сейчас находится прямо перед моим носом, но чему я не знаю даже названия.

— Ну, хорошо, — подхватывает мою улыбку Давид, — с чего хочешь начать?

— Давай попробуем вот с этих зеленых конвертиков, — я указываю на контейнер, который стоял ко мне ближе всего и источал очень аппетитный аромат.

— А как ты сама думаешь, что это? — вместо того, чтобы сразу раскрыть секрет, парень, похоже, решил сохранить интригу и поиграть в угадай-ку.

— Ну, чем-то напоминают голубцы, там мясо внутри?

— Да, ты почти угадала, — улыбается Давид. — Это долма. Хочешь попробовать?

— Надеюсь, там не баранина? — с опаской спрашиваю, наколов вилкой один «голубец».

— Ты не ешь баранину? — удивляется парень.

— А там, значит, баранина? — продолжаю традицию отвечать вопросом на вопрос.

— Попробуй и узнаешь, — говорит Давид.

— Нет, если там баранина, я пробовать не буду, даже запах её не могу выносить, — упрямо говорю, откладывая наколотый кусочек обратно в контейнер.

— Ну так понюхай и скажи, что там. Раз ты такой гурман, то наверняка тебе и пробовать не нужно, чтобы определить, какое мясо в блюде.

Недоверчиво смотрю на ухмыляющегося парня и отмечаю удивительную особенность — с тех пор, как мы перешли на ты, он словно бы стал другим человеком, тем, с которым мне не хочется подбирать слова и думать, как бы не обидеть и не оказаться в глупом положении.

— Ну ладно, — прищурившись, смотрю в сторону Давида и медленно приближаюсь носом к контейнеру.

По правде сказать, гурманом я не была. Просто у меня был очень неудачный опыт знакомства с бараниной, после которого я решила для себя, что мясо из этого животного я есть точно больше никогда не буду.

— Развел меня, да? — улыбаясь, пеняю Давиду. — Никакая это не баранина! — смело накалываю и отправляю в рот незнакомое блюдо. — Мммм... Вкуснотища! Я знаю, что это за мясо! — парень молчит, продолжая улыбаться, лишь взглядом показывая, что ждёт моих предположений. — Это молодая говядина!

— Молодая говядина — это такое новое название телятины? — смеется надо мной, пока я отправляю в рот второй голубец.

— Ну ты фе понял, о чем я, — отвечаю, не переставая жевать. — Так фто? Я угадафа?

— Ну, почти, — уклончиво говорит Давид.

— Что — не молодая уже? — уточняю, пока рот снова не занят новой порцией вкусняшки.

— Нет, с молодой как раз полное попадание. А вот с говядиной — мимо.

Смотрю на него, пытаюсь вспомнить, какие еще виды мяса мне известны.

— Свинина? — недоверчиво.

— Да Бог с тобой! — отмахивается парень. — Это, Ася, баранина.

Ты-дыщ — упала моя челюсть на стол. Отрикошетила и вернулась на место.

— Не может быть!

— Больше можешь не есть, если не хочешь, — говорит он.

— Ага! Щас! — и накалываю очередной кусок. — Я должна убедиться. Это только ради эксперимента.

Посмеявшись, я рассказываю Давиду тот самый случай, произошедший несколько лет назад, и сформировавший предвзятое отношение к этому продукту.

— Мы были на свадьбе сына маминой подруги, и на второй день в кафе подали суп. Так как гости еще подтягивались в зал, то есть пока никто не спешил. И вот, когда передо мной поставили тарелку, я сначала совсем не обратила на неё внимания. Но вдруг почувствовала странный запах. Мне он напомнил «аромат» немытого тела. Так обычно тащит от бомжей, которые сидят у ворот рынка с протянутой рукой.

Незаметно стала осматривать гостей, которые сидели рядом. Всё приличные люди, расфуфыренные, разодетые. Ну никак не может от них так вонять.

Тогда я рискнула предположить, что, возможно, это от меня так фанит. И что, ты думаешь, я сделала? Да! Я таки наклонилась, чтобы себя понюхать.

Ужас! Какой духан (простите мой французский)! Я чуть в ужасе не подскочила, чтобы скорее бежать мыться, как вдруг поняла, в чем дело. Когда я наклонилась, то моё лицо оказалось почти у самой тарелки, от которой просто отвратительно воняло. Как потом сказала мне мама, сидящая рядом, это был суп из баранины.

— Просто вам подали старое мясо, и скорее всего, неправильно приготовленное, — резюмирует Давид. — Моя мама готовит так, что плохого запаха никогда не бывает. Да и мясо мы не на рынке берем, а у наших родственников покупаем. Овечки тети Наринэ самые чистые.

Мы еще долго обсуждаем с Давидом армянские блюда, потом переходим на русскую кухню. Спыхватываемся лишь когда в комнате становится почти совсем темно.

— Ой, я же хотела сегодня еще прибраться в комнате, чтобы было, где спать сегодня, — виновато смотрю на парня, словно извиняясь за прерванную беседу.

— Да, конечно, — соглашается Давид. — А я собирался заняться краном в ванной.

— Краном? — оборачиваюсь, не поняв, что он имеет в виду.

— Ну да, я смеситель новый купил, ты не против, если сегодня поставлю?

Еще бы я была против! Хотя, признаться, не ожидала, что этот адвокат-белоручка умеет такое.

— Нет, не против. Только скажи, сколько я тебе буду должна за кран.

— Обязательно, — демонстративно соглашается со мной парень, а я понимаю, что опять не захочет брать деньги. Вот это мне совсем не нравится — чувствую себя должной.

Давид быстро спускается к машине за инструментами и следующий час, мы с ним почти не видимся. Только слышу иногда из ванны какие-то армянские слова. Матерится он там,

что ли?

Но спрашивать я, конечно, не буду. Дядя Вася вон, когда приходил ремонтировать кран два года назад, так загибал, что меня бабушка быстренько на улицу спровадила: «прогуляться, свежим воздухом подышать».

Закончили мы свои дела примерно одновременно. Не знаю, как Давид, а я выдохлась окончательно.

— Ну пока? — замирает парень в дверях перед тем, как оставить меня в квартире одну.

— Спасибо тебе большое! — говорю искренне. — Если бы не ты...

— Ты бы так и не узнала, что баранина — съедобное мясо, — заканчивает за меня

Давид, и, получив мой кивок, покидает моё жилище.

Странное чувство после его ухода — будто квартира полностью пустая оказалась. А как же я? Я ведь здесь. Но дом, словно не воспринимает меня за жильца. В комнате появляется эхо. Даже как-то похолодало.

Забираюсь в кровать после душа, где вдоволь насладилась рассматриванием нового красивого и, наверняка, дорогого крана, и укутываюсь в одеяло. Перед глазами стоит улыбающееся лицо Давида, во рту вкус долмы и гаты, национальной булочки армянской кухни, а в ушах звучат почему-то его слова, которые он произносил в ванной.

Надо всё-таки узнать, что они значат.

Вторник начался так же стремительно, как и понедельник. Дядя Ашот приступил к шпукатурке стен. Мой телефон только молчал. И когда я проснулась, и когда умывалась, и когда готовила завтрак. Даже, когда его ела — ни звука.

Зарядка вроде бы нормальная — 50 %, - но, на всякий случай, положу с собой шнур, подзаряжусь в столовке в перерыве...

Топать на остановку таким серым и безрадостным утром, скажу я вам, — просто отвратительное занятие. Никому не рекомендую повторять.

На лекции по философии телефон несмело моргнул пару раз и погас. Беззвучный режим всё-таки.

Давид: «Ася, прости, сегодня я весь в бегах. В город вернусь поздно. Завтра созвонимся»

И следом:

Давид: «Доброе утро» (и улыбающийся смайлик)

— Чего ты сегодня такая потухшая? — интересуется в перерыве после второй пары Ника. — Марио опять не встретился?

Марио! Ну, конечно! Я же его сегодня не видела.

— Не волнуйся, он просто уехал на сбор студотрядов вместе с другими активистами.

— А, понятно тогда, — глупый ответ, конечно, но, а что тут скажешь?

— Кстати, как твой ремонт? Продвигается?

— Да, стены сегодня должны пошпукатурить, завтра планирую обои выбрать.

— Давид помогает?

— Хм, — закатываю глаза. — Помогает, конечно.

— А что ты так недовольна? Плохо помогает? Не умеет, наверное, ничего толком?

— Да, нет, как раз наоборот... Слишком много его. Кран вон вчера заменил в ванной. Поставил смеситель, который стоит, наверняка, как крыло самолета... Еще и деньги не возьмет, на сто процентов уверена.

— Ась, — озадаченно смотрит на меня Ника, — я ничего не понимаю. Он всё делает, делает хорошо, денег не берет. И что при этом тебя в нем не устраивает?

— Он — армянин, понимаешь?

— Нет.

— Он вчера меня своими армянскими блюдами угощал, представляешь!

— В ресторан армянский водил?

— Да нет же — хуже. Его мама всё приготовила и сложила в контейнеры.

— И что? Невкусно было?

— Блин, Ника! Какая разница, вкусно или невкусно!? Ты понимаешь, что он ко мне вроде как подкатывает...

— Как подкатывает? Целоваться лезет? Или намекает на что-то?

— Да нет! Не лезет, не намекает... Ну как тебе объяснить... Просто я чувствую, что нравлюсь ему, понимаешь.

— Нет, не понимаю. То, что ты ему можешь нравиться, — это нормально. То, что он никак себя не проявляет — это обидно. А вот то, что ты в этом на сто процентов уверена — это подозрительно.

— Почему это? — не понимаю, к чему клонит подруга.

— Да потому что ты всего месяц назад была также убеждена, что Марио от тебя без ума. Однако у него за этот месяц уже больше десятка разных девушек перебивало.

— Ну, ладно, с Марио, может, я немного преувеличила. Кстати, в субботу всё может поменяться и ты еще вспомнишь мои слова, — я решаю сменить тему, потому что доводы Ники стали всё сильнее заводят меня в тупик.

— Ты всё-таки собираешься на эту вечеринку? — Ника совсем не улыбается, а смотрит обеспокоенно. — Ась, может не стоит тебе туда ехать? Там ведь и меня не будет, если вдруг что случится...

— Ой, да что там может случиться!

— Всё равно — будь осторожна, пожалуйста.

Еще одна курица-наседка. Мало того, бабушка Давида приставила за мной следить, так теперь еще и подруга туда же...

— Ладно, Ник, пойду я уже.

— В смысле «пойду»? Ещё ведь третья пара.

— Ой, английский... Я всё равно в нём ничего не понимаю. Скинешь мне потом задание, ладно?

— Всё-таки что-то сегодня с тобой не так... — глубокомысленно изрекает Вероника мне в спину.

Конечно не так. Всё не так.

Конечно, это из-за Марио. А из-за кого же еще?!

Давид: «Доброе утро) Во сколько сегодня приехать?»

Прочитав сообщение, снова закрываю глаза и почему-то улыбаюсь. Нет, не из-за сообщения Давида. Просто мне хорошо от того, что сегодня не нужно подскакивать чуть свет, чтобы успеть к приходу дяди Ашота одеться, умыться и убраться в комнате. Вчера все «штукатурные» работы завершились, и на сегодня моя задача покрыть стены грунтовкой, которой необходимо да завтра высохнуть, чтобы я могла поклеить обои.

Обои!

Я: «Доброе утро) Ты сможешь помочь мне купить обои?»

Давид: «Да, конечно. Во сколько за тобой заехать?»

Я: «Давай к трём к универу»

Спohватившись отправляю вслед:

Я: «Спасибо)»

Давид отвечает улыбающимся смайликом.

Вот давно отметила одну особенность этого парня: он никогда не присылает мне подмигивающие смайлы. Вроде бы все ими пользуются. А Давид только улыбки шлет. Пытаюсь вспомнить, подмигивал ли он мне когда-нибудь в реальной жизни? Нет. Ни разу. Интересно, о чем это может говорить...

Можно было бы еще долго рассуждать о смайликах и сокращении верхнего века, однако неожиданно до моего слуха донесся очень знакомый стук по батареям. Это может означать только одно — внук бабы Дуси Костик снова собирается проспать первый урок в школе, а его бабушка категорически против. Баба Дуся всегда будит его очень креативно — сначала громко включает телевизор. Спустя несколько минут, если первое средство не действует, становится напротив и, перекрикивая ведущих первого канала, монотонно твердит: «Костя, вставай. Костя, вставай. Костя вставай...». Игнорирование любимой бабушки приводит Константина к третьему витку утренних мытарств — бабушка брызгает на несчастного водой. Святой водой! Как рассказывала баба Дуся моей бабушке, поначалу Костик, аки бесноватый, сразу подскакивал с кровати, потом прятался от «окропления», но спустя несколько таких процедур перестал. Вот тут-то и придумала изобретательная старушка новый действенный прием — стучать по батарее. Так как её внук спит к ним практически вплотную, то выдержать эту пытку ему труднее всего. Но стоит всё же отметить, что раньше сдаются соседи, которые стучат в ответ.

Услышав этот звук, подскакиваю как угорелая — блин, уже без пяти восемь! Моя маршрутка через 12 минут будет проезжать мимо остановки, а мне до неё еще бежать пять минут! В общем, времени у меня осталось только на то, чтобы натянуть джинсы, свитер и один сапог. Второй будет надеваться самостоятельно, пока я закрываю дверь. Куртку надеваю на бегу, выскакивая из подъезда, а шапку... Блин! Сегодня я без шапки. Хорошо, бабушка не видит. Она каждый день провожает меня, выглядывая в окно, и не отходит, пока я не скроюсь за поворотом. Знаю это наверняка — каждый раз притормаживаю в этом месте, чтобы помахать ей на прощание, ведь она ждёт этого короткого взмаха.

— О, ты снова сияешь! Колись, кто сегодня включил лампочку в твоих глазках?

— Ник, я смотрю, ты начала вести дневник наблюдений за моим настроением? Кстати, ты вчера английский сделала? У меня пятое задание не получилось, объяснишь? — пытаюсь

уйти от ответа. Ну, в самом деле, если я скажу, что обрадовалась сообщению Давида, она подумает, что я обрадовалась именно ЕМУ, а не тому, что сегодня мне не придется в маршрутке тащить на себе мешок с обоями. В общем, тут сложно объяснять; я для себя всё решила, а Ника, как обычно, будет только сбивать меня своими вопросами.

Звонок после третьей пары я ждала «на чемоданах», готовая выскочить из аудитории в ту же секунду. Конечно же я так спешу не к Давиду, а в магазин обоев. Это очень увлекательное и ответственное занятие — выбрать рисунок, который будешь созерцать в течение еще лет десяти, как минимум.

Несмотря на то, что я выхожу из универса одной из первых, а часы показывают только без пяти три, однако машина Давида уже стоит на своем месте. Немного волнуясь, иду к черному кроссоверу. Почему-то пытаюсь представить, что скажет мне Давид. даже проигрываю наш возможный диалог:

— Привет, Ася. Как прошел твой день?

Почему-то я уверена, что он это обязательно спросит.

А что же мне ответить? Может:

— Нормально. Привет.

Нет, сначала же говорят «привет», а уже потом «нормально». Но слово это «нормально» — какое-то... тривиальное. Может, сказать «хорошо»? Или «бывало и лучше»? Последний вариант точно вызовет вопросы типа: «что случилось?» И что мне отвечать? Что просто захотела выпендриться и ответить нетривиально?

— Привет, Ася. Рад тебя видеть, — говорит Давид, выходя из машины, чтобы встретить меня.

О, нет! Он что, собирается открыть мне дверь???

Да.

— Как прошел твой день? — словно консьерж из фильмов про богачей, парень открывает передо мной пассажирскую дверь и подает руку, чтобы я могла взобраться внутрь немного высоковатой для меня машины.

Не помню, что я проямлила в итоге на его вопрос. Вроде сказала что-то похожее на «нормально», но это уже неважно. Дальнейший разговор по пути к строительному магазину потек легко и непринужденно. Мы много смеялись, Давид рассказывал историю, как он вчера неожиданно попал на свадьбу. Ох уж эти армянские традиции!

— Ася, не думаю, что красный — подходящий цвет для стен в спальне, — в очередной раз заставляет меня сомневаться в своем выборе Давид.

Это уже третий раз парень сбивает меня с толку, когда я останавливаюсь на понравившемся варианте. Сначала я была уверена, что он просто зануда. Но спустя полчаса бродения по залам, поняла, что у Давида очень хороший вкус и есть опыт в выборе обоев. Я же, лишенная и первого и второго, почему-то разозлилась на него. Конечно, он весь такой правильный, умный, идеальный, не чета мне — разбирающейся в ремонте, как свинья в апельсинах.

— Ладно, Давид, темный для спальни — плохо, в полоску — плохо, красный — плохо, — эмоционально выговариваю, готовая развернуться и уйти отсюда. — Может тогда просто оставить стены как есть? Пусть будут белыми! Белый — хорошо для спальни?

— Ася, прости, я не хотел тебя обидеть. Если хочешь, я буду отныне молчать. Или могу

выйти и подождать тебя в машине, — Давид старается говорить ровно, но чувствуется в голосе какая-то растерянность и сожаление, что ли...

— Нет уж, — снова вредничаю. — Теперь давай ты выбирай, раз такой знаток!

Демонстративно складываю руки на груди и смотрю на парня с вызовом. Но он, на удивление, не ведется на провокацию, а просто молча идет по рядам в одном ему известном направлении, словно точно знает, что ему нужно.

— Вот, думаю, нужно что-то из этого раздела. Цвета неброские, рисунок спокойный и ненавязчивый. Антонина Михайловна, думаю, оценит.

Бабушка! Ну конечно! Я же должна была в первую очередь беспокоиться о её комфорте. Мне становится стыдно от того, что посторонний человек оказался намного предупредительнее в этом вопросе и, в отличие от меня, подумал о хозяйке квартиры.

— Это просто немыслимо! — заменяя слово «капец», которое так и рвалось с языка, восклицаю я. — Этот отдел, оказывается, так и называется «Обои для спальни». Смотри: тут же черным по белому написано! — Давид снисходительно улыбается — он, похоже, всегда видел эту вывеску. — Огромными буквами... А я, как дура, пыталась изобрести велосипед.

— Кстати, о велосипеде! — парень достает нужное количество рулонов и складывает их в тележку. — Не хочешь сегодня обновить свой транспорт? Я как раз забрал моего двухколесного коня с ремонта. Да и погода вроде бы неплохая — последние теплые деньки остались перед морозами.

— Хм, — раздумываю над его словами. А почему бы и нет? — Ну, давай. Только сначала нужно стены прогрунтовать, чтобы завтра обои клеить, — говорю, когда мы уже стоим у кассы.

— Девушка, извините, что вмешиваюсь, — вдруг обращается к нам кассир. — Обои, которые вы выбрали, не требуют предварительного покрытия стен грунтовкой.

Ну что за люди! Подслушивают чужие разговоры.

— Ну ладно тогда. Значит сегодня будем вспоминать, как крутить педали, — улыбаюсь Давиду и получаю в ответ полную взаимность.

Когда я говорила, что нужно будет вспомнить, как крутить педали, я вовсе не шутила. Вернее, я очень надеялась, что это я так шучу, а на деле выйдет само собой — типа: раз научился ездить, то обратно уже не разучишься.

— Асья, крути педали и рулить не забывай, — кричит запыхавшийся Давид, который держит меня вместе с велосипедом, когда я пытаюсь ехать на нем. Не на Давиде, конечно. Ну, в общем, вы поняли.

— Да я стараюсь, — кричу в ответ и почему-то тоже голосом загнанной лошадки, хотя бежит за великом парень, а я лишь нажимаю на педали. — Давииид...

Переднее колесо съезжает с асфальтированной части аллейки, которую мы выбрали в качестве полигона, и велосипед стремительно накренивается на один бок. Что происходит дальше я понять не успеваю, но приготовившись встретиться лицом с землёй-матушкой, зажмуриваюсь перед неизбежным. Приземляюсь я, на удивление, мягко. Открываю глаза и понимаю, что лежу на... Давиде.

Как это вышло, я понять не успеваю, потому что неловкость и смущение нахлынули неожиданной волной, и, кажется, заставили щеки покраснеть.

Смотрю на парня несколько секунд, пытаюсь понять, как себя вести и что сказать или сделать в подобном положении, но Давид спасает ситуацию. Он вдруг разражается смехом. Вся неловкость пропадает в миг, и вот я уже хохоча вместе с ним поднимаюсь на ноги.

Ещё с час мы просто гуляем, ведя велосипеды за руль, лишь изредка предпринимая попытки научить меня ехать самостоятельно. Усевшись на скамью в небольшом парке в нашем районе, продолжаем беседу, которая захватила настолько, что мы не замечаем, как день спешно перешел в вечер. Это совсем не удивительно для середины октября, но когда над нами вдруг загорается фонарь, освещая пространство вокруг теплым желтым светом, то мы, резко очнувшись, понимаем, что засиделись и пора завершать прогулку.

— Давай еще разок я попробую, — говорю Давиду, когда мы поднимаемся, чтобы идти к дому. — Обидно будет, если я так и не смогу сегодня прокатиться.

Давид соглашается и, оставив свой велосипед у ближайшего дерева, снова занимает позицию около меня.

Многочисленные попытки не прошли даром, и я наконец ловлю то самое равновесие, которое так долго от меня ускользало. Я еду. Я ЕДУ!!!

Хочу сказать об этом Давиду и даже поворачиваюсь, чтобы увидеть его одобрительный взгляд, но в этот момент что-то пошло не так. И, как назло, это происходит именно тогда, когда крепкие руки отпускают седушку, за которую они держались. Как оказалось, не «держались», а «держали»...

Второе падение пошло по другому сценарию. Давида подо мной не оказалось...

— Асья! Асья! Прости! Ты ударилась? Что болит? — мой мир, перевернувшийся в одно мгновение, не сразу различает склонившееся надо мной лицо кавказской национальности. Сфокусировав взгляд, вижу огромную тревогу, трепет и вину в огромных черных глазах. Какие же они всё-таки красивущие!

— Ты что, не слышишь меня? Господи, у неё сотрясение! — Давид иступленно мечется взглядом по моему лицу и к уже имеющимся чувствам начинает примешиваться паника. Это уже слишком!

— Давид, всё хорошо! — я стараюсь улыбнуться, выходит немного криво, но вовсе не потому что мне больно. Я зависла, рассматривая его лицо, а когда поймала сама себя за этим делом, то стало неловко и стыдно. — Я не ударилась, тут листьев целая гора.

Поднимаюсь на ноги, радуясь, что ничего не болит, и тут же понимаю, что в моем виде теперь можно легко играть лешего на новогодних утренниках, ну, или пугать мной непослушных малышей — я вылитая бабайка! Листья облепили меня так, будто бы я, прежде чем свалиться в них, предварительно вывалялась в меду. Давид стал отряхивать меня, а я не могла и вздохнуть — прикосновения даже через одежду ощущались слишком чувствительно. А когда парень закончил убирать листву с моей спины и обошел меня спереди, то его лицо неожиданно оказалось совсем близко к моему...

Не дышать оказалось очень сложно, но еще труднее — сделать вдох, когда прямо в считанных сантиметрах от тебя находится человек, который почему-то вызывает это смятение. Усилием воли делаю вдох и поднимаю испуганный взгляд на Давида. Он, похоже, тоже не дышит. Глаза наши встречаются, и я просто не могу смотреть куда-то еще.

Сколько проходит времени, когда мы так стоим и просто, не моргая, смотрим друг на друга?.. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. В какой-то момент я поняла, что хочу, чтобы Давид меня поцеловал. Кажется, даже воздух вокруг пропитался этим ожиданием.

Давид медленно поднял руку и повел её к моему лицу. Сама не отдавая отчет своим действиям, я закрыла веки и, слегка подавшись вперед, замерла. Секунда. Еще одна. Третья. Неужели в ожидании время так тянется, что мгновения кажутся целой вечностью?

Наконец, я чувствую прикосновение. Точнее легкое движение в районе головы. Это не совсем то, что я ожидала. Точнее совсем не то...

Распахиваю глаза и вижу уже совершенно другой взгляд. Давид снимает с моих волос лист и, словно извиняясь, показывает его мне. Будто нарочно, им оказался самый пожухлый и выцветший представитель облепивших меня фрагментов осени. Он был таким жалким, какой и я почувствовала себя в этот момент.

— Прости... — говорит Давид, усугубляя моё состояние.

За что он сейчас извиняется? За то, что не пошел на поводу у глупой идиотки и не стал целовать её? За то, что не разделил моих необоснованных ожиданий?

Да, расслабься, парень! Я от тебя и не ждала ничего. Ты вообще мне сразу не понравился! И сейчас не нравишься, просто так вышло. Гормоны может... Может витаминов каких не хватает. В общем, не собиралась я с тобой целоваться. Показалось тебе.

— За что ты извиняешься, — сказала максимально безразлично. — Это я виновата. Ты говорил, что на сегодня занятий достаточно, а я решила еще попробовать, вот и свалилась. Не умею вовремя остановиться.

Мы идем дальше в неловком молчании, которое парень пытается изредка прерывать какими-то ничего не значащими вопросами. Я отвечаю неохотно. Он, наверняка, это чувствует.

Холодно простившись, расходимся.

В голове словно на повторе моя фраза «Я не умею вовремя остановиться».

А Давид умеет.

Четверг. Два дня до вечеринки у Марио и три — до возвращения бабушки.

Еще со вчерашнего вечера было принято решение пропустить сегодня учебу и посвятить время самому ответственному этапу — поклейке обоев.

Опыт в этом деле у меня имеется — мама большой любитель ремонтов, и я с самого детства принимала в них активное участие. Нет, не потому что мне этого хотелось. Просто у меня не было выбора.

Ладно, не будем о грустном. Тем более, что эти обстоятельства способствовали тому, что сегодня с самого утра я совершенно без паники и долгих раздумий приготвила клей и нарезала сразу несколько отрезков необходимой длины, естественно, подогнав под рисунок.

Давид сегодня не звонил. И хорошо! Я даже рада, что не придется снова думать, как смотреть ему в глаза после вчерашнего неудавшегося поцелуя. Однако этот момент никак не хотел выходить из памяти...

К двенадцати часам я самостоятельно поклеила три стены и, если честно, выдохлась. Это оказалось очень энергозатратно — скакать со стола на стул, со стула на пол, брать нужный кусок и проходить с ним ту же полосу препятствий, только в обратном порядке.

Оглядев комнату, прикинула, что работы осталось на час-полтора, но сейчас мой ресурс сил был израсходован, или, как говорят геймеры, хр на нуле. Нужно подзарядиться и немного отдохнуть.

Эх, зря я вчера после катания на великах отказалась идти с Давидом в магазин за продуктами. После неловкой ситуации между нами хотелось как можно быстрее попасть домой, а до этого как можно меньше контактировать с парнем. Итог: сегодня у меня практически пустой холодильник и отсутствие всякого желания что-то готовить.

Скривившись, тянусь к кастрюльке с гречкой. Её бабушка отварила перед своим отъездом. Сегодня у неё маленький юбилей — пять дней в холодильнике. Отпраздновать?

Звонок в дверь не дает мне дать вынужденный положительный ответ на этот вопрос.

Иду в прихожую, внутренне надеюсь увидеть там... Ну вот кого я хочу там увидеть? Нет, ни за что я себе в этом не признаюсь!

— Давид? — смотреть ему в глаза хоть и неловко, но я почему-то улыбаюсь. Да просто солнце светит в окно подъезда и слепит глаза.

— Привет, — говорит с такой милой улыбкой, что я даже какое-то время растерянно пытаюсь вспомнить причину, по которой мне должно быть неловко с ним разговаривать. Да нет такой причины!

— Привет, — улыбаюсь в ответ. — Ты разве не на работе должен быть? — конечно, спрашиваю только ради красного словца, да и еще за тем, чтобы услышать, что он отменил свою работу, дабы прийти ко мне и помочь с обоями.

— Сегодня у меня сокращенный рабочий день, — только сейчас я заметила, что на Давиде надеты классические брюки и то же пальто, в котором он уже однажды бывал в моей квартире, примчавшись спасать меня в первый день ремонта. — Ты уже обедала?

Ох, какой же правильный вопрос. Сердце от этих слов начинает биться в два раза быстрее. Отрицательно мотаю головой и с трепетным ожиданием предвкушаю следующую фразу:

— Собирайся тогда.

Стоп. Я не эту фразу ждала. Я думала, он скажет, что привез мне долму и кололак, ну или на худой конец, гату или пахлаву, а он... Подождите, это он сейчас меня в кафе что ли зовет? Свидание?

— Давид, но я еще не доклеила обои, — если свидание затянется, то придется ночью возиться. А не хотелось бы...

— Не волнуйся, я тебе помогу после обеда. В четыре руки работа быстрее пойдёт.

Внутренне ликуя, иду в комнату, стараясь не бежать и не подпрыгивать от радости. Что же мне надеть? Нужно что-то такое, чтобы не выглядеть слишком помпезно, но в то же время что-то, в чем я буду выглядеть привлекательно на своем первом свидании.

А это точно свидание? В фильмах парни обычно приглашают девушек на ужин. Мы же идем на обед. Кстати, куда мы едем?

Вопрос хороший. Но уже не своевременный. Придётся импровизировать.

Выбираю серебристый свитшот с открытым плечом и рукавом «летучая мышь», который до этого надевала всего раз на вечеринку в школе, и свои «парадные» джинсы. Это самая дорогая вещь во всём шкафу — куплены на собственные деньги, заработанные минувшим летом на полевых работах. Фактически ради них-то я и устроилась батрачить два летних месяца с пяти утра и до обеда в поле — в пыли и на жаре. Они светлые, модного фасона, со стразами и, конечно, с огромными дырками на коленках. Собственно из-за этого «дизайна» мама и стала в позу, наотрез отказавшись мне их покупать. Пришлось зарабатывать самой.

Распускаю волосы, которые у меня ниже плеч и подвожу глаза. Блеск для губ намазала чуть пожирнее, чем обычно — губы должны выглядеть сочно и притягательно, чтобы их хотелось... Ну вы поняли. Несколько взмахов тушью и легкие порхания кистью с румянами — я неотразима!

Единственный минус — придется надеть красные балетки, ибо кроссовки после вчерашнего катания на велике и особенно моего фееричного валяния в листьях выглядят убого. Сегодня планировала их постирать, но не успела.

Когда я появляюсь во дворе перед машиной Давида, то улавливаю изменения в его лице. Наконец-то я смогла его зацепить — вон, как глаза округлились!

Небрежно откинув выбившиеся пряди назад, хотела продемонстрировать свои роскошные волосы, как это делают в рекламе шампуня, но вышло чуть иначе. Порыв ветра оказался не встречным, а попутным — откинутые локоны вернулись ко мне с другой стороны и, вот же невезенье, — прилипли к моим губам! Стараюсь быстро и незаметно их убрать с лица, но снова провал: жирный блеск для губ не собирается расставаться с волосами. Потянув их, чувствую, как они ведут за собой липкую жижу с губ на щеку.

Какой ужас — я сейчас буду похожа на Джокера, который улыбается на одну сторону. Тру щеку и понимаю, что оставляю на ладонях клейкую субстанцию. И как назло, влажные салфетки закончились вчера. Ни салфеток, ни платка... А Давид всегда подает мне руку, когда усаживает и помогает выйти из машины.

Что делать? Думай, голова!

Мысли разлетелись и спрятались по углам серого вещества. И только одна глупая заблудившаяся мыслишка подала идею — вытереть ладошки о джинсы.

Ну, раз других идей нет...

— Давид, а куда мы едем, если не секрет? — говорю, когда его машина, миновав центр города, съезжает на дорогу, ведущую на выезд.

— Не волнуйся, из Измайловска не выедем, — улыбается парень. Да я и не волновалась. — Мои родители живут в этом районе. Мы почти приехали.

Что? РОДИТЕЛИ???. Мы так не договаривались...

— Давид, можно я не пойду? Ты иди, а я тебя тут подожду, — лепечу, когда мы подъезжаем к двухэтажному... дому? дворцу? О! Особняку! Вот, как у богатых называют такие места для жилья.

По правде говоря, последние пять минут, как только услышала новость о том, куда мы едем, я не могла и рта открыть, пытаюсь переварить информацию и осознать услышанное. Конечно же, мне хотелось тут же попроситься выйти, а лучше просто испариться из салона автомобиля, но сделать этого я не могла по двум причинам. Во-первых, сверхспособностями я не обладаю, а во-вторых, после того, как Давид помог мне с ремонтом и не только с ним, я считаю форменным свинством обидеть парня своей реакцией на его слова.

Однако увидев шикарный особняк, обнесенный кованым забором, через который прекрасно видно ухоженный двор с цветущими клумбами, я поняла, что боюсь идти туда. Я никогда не была в подобных домах, и, увидев всё это великолепие, поняла, что буду чувствовать себя там, мягко говоря, не в своей тарелке.

— Асья, почему ты не хочешь идти? — неподдельно удивляется Давид, переводя на меня свои красивые черные глаза. Ну вот что я ему скажу?!

— Я стесняюсь, — звучит по-детски, но зато это правда.

— Ну что ты!?! — Давид дарит мне такую мягкую и искреннюю улыбку, что у меня не получается что-то ей противопоставить. — Мама сегодня специально для тебя приготовила хаш и назук, ей будет обидно, если ты не попробуешь.

Ну и как теперь отказать? Я натягиваю улыбку и на ватных ногах вылезаю из машины.

Придомовая территория не такая уж и большая, но, пока мы идем от гаражных ворот, у которых Давид припарковал свою Ауди, я успеваю рассмотреть ту сказочную атмосферу, которая здесь царит. Клумбы с различными декоративными кустами, причудливыми деревьями, которых я даже никогда не видела, напоминают мне какой-то фантастический сад, а дорожка из желтой плитки отсылает меня прямо в страну моих детских грез, когда я мечтала так же, как и любимая героиня сказки о волшебнике Изумрудного рода, прийти к Гудвину и загадать свои самые сокровенные желания.

Пока я разглядывала красоту двора, не заметила, как навстречу нам вышла невысокая женщина лет шестидесяти ярко выраженной армянской национальности. Одета она, на удивление, довольно просто: обычная цветная кофта (похожая есть у моей бабушки) и длинная, до середины голени, темная юбка. Черные, как у Давида, волосы гладко зачесаны назад и собраны в низкий кокон.

Но самое интересное в ней — это лицо. Точнее — то, что оно сейчас выражало. Ощущение, что женщина старается изо всех сил улыбаться, при этом глаза её, в которых не скроешь ни одной эмоции, выдают какую-то обеспокоенную внимательность. Она смотрит на меня с волнением и интересом, словно выискивает во мне что-то. Очевидно, не найдя этого, женщина выглядит разочарованной, однако продолжает пытаться скрыть эти чувства.

— Здравствуй, мама! — звучит за моей спиной, и я в ужасе понимаю, что не спросила у Давида, как зовут его родителей, и теперь не знаю, как следует обратиться.

— Здравствуйте, — хриплым от волнения голосом вторю парню, кивая, как болванчик.

Выражение лица женщины после моего приветствия на секунду меняется. Улыбка

искривляется, в глазах мелькает едва уловимый ужас, и она вновь осматривает меня, как манекен в витрине. Да что такого я сказала?!

Но всё это происходит всего на мгновение. Улыбка вновь возвращается, растягиваясь с новой силой, и женщина тоже приветствует нас.

— Здравствуй, сынок. Здравствуйте... Асья, правильно? — ну вот, знакомое звучание моего имени. Киваю. — Проходите в дом скорее, обед уже на столе, — женщина хотя и пытается выглядеть милой и приветливой, однако я подозреваю, что она человек «с характером» и ей больших усилий стоит вот так широко мне улыбаться.

Большие деревянные двери отворяются, и я попадаю в огромный холл. Пол устлан плиткой с геометрическими узорами, которые создают картинку, выходя к широкой лестнице с коваными перилами цвета античного золота. Здесь нет лишних вещей и практически никакой мебели, за исключением небольшого обувного шкафа, который спрятан за дверью и маленького кресла, видимо находящегося здесь для удобства обувания кого-то из семьи. Ах, да, рядом с креслом расположилась большая «пальма» комнатное растение, высотой почти с мой рост. Всё помещение кажется неуютным и каким-то... офисным, что ли. Здесь даже присутствует небольшое эхо.

Уговариваю себя, что здесь ненадолго. Нужно всего лишь пережить обед, и я снова окажусь в столь привычной для меня облезлой многоквартирке с видом на заброшенный пруд.

— Давид, проводи девушку в уборную, мы ждём вас в гостиной, — ледяным голосом, но всё с той же улыбкой произносит женщина, а у меня от слова «девушка» мурашки побежали по коже. Очевидно, что я ей не понравилась.

А, собственно, почему я должна ей нравиться? Точнее — почему я должна переживать по этому поводу? Я не невеста и даже не девушка Давида. Так, случайная знакомая... От этой мысли стало легче, но грустнее.

— Давид, как зовут твоих родителей? — спросила сразу, как только вышла из ванной, где вымыла руки и ополоснула пылающее лицо.

— Мама — Мариам Генриховна, папа — Ашот Самвелович, — мама дорогая! Как я всё это запомню, если даже произнести непривычные сочетания слов не смогу с первого раза... — Но ты можешь называть их просто — дядя Самвел и тётя Мариам, — видимо, заметив ужас на моем лице, быстро добавил Давид. — Есть еще бабушка Арминэ. Её уж точно не стоит называть по отчеству, а то она может обидеться.

Давид смотрит так тепло и добродушно, что я тут же прощаю ему и то, что он привез меня сюда, и то, что мне придется находиться тут как рыбке в аквариуме — под надзором нескольких незнакомых глаз какое-то время.

Снова пройдя по тому же холлу, мы через широкую арку попадаем в ту самую гостиную, о которой говорила Мариам... Как же её отчество? Ай, ладно — тетя так тетя.

Это комната выглядит значительно уютнее. Посередине стоит большой овальный стол, накрытый как на какой-то праздник, за которым сидит несколько женщин и один мужчина во главе стола. Давид приветствует всех присутствующих, я же лишь мычу что-то и несмело киваю. Блин, я понятия не имею, как вести себя здесь!

— Асья, познакомься, это мой папа...

— Дядя Ашот, — перебивает его мужчина и, вставая, протягивает мне руку, при этом очень добродушно улыбаясь. Вот, от кого Давид получил такую красивую улыбку. — Добро пожаловать, Асенька, — мягко пожимает мою ладонь двумя руками, а затем указывает на

свободное место за столом. — Садись, Давид, я сам представлю всех. Это тетя Давида и моя сестра — Анаит, — мужчина указывает на очень милую женщину лет тридцати — тридцати пяти, которая сидит слева от него. — Это моя младшая дочь Лали, — улыбчивая девчонка примерно моего возраста кивает мне и машет рукой, словно я могу её перепутать с кем-то. — А это моя мама и бабушка Давида — Арминэ Гагиковна.

— Только попробуйте еще раз назвать меня по отчеству! — с поддельной строгостью обрывает его сухонькая старушка, сидящая так же, как и отец, в торце стола, только с противоположной стороны. — Я — бабушка Арминэ! И горжусь этим! Поэтому не смейте отбирать у меня это звание, — далее следует та же обезоруживающая улыбка, которая присутствует почти у всех членов этой семьи.

— А это моя старшая дочь — Каринэ, — звучит новое представление, которое заставляет меня опешить — за столом ведь больше никого нет!

Оборачиваюсь и натываюсь на ледяной взгляд и каменное лицо вошедшей девушки. Она выглядит не моложе своей тети, но, мне кажется, что эта строгость и надменность прибавляют ей возраст. Одета она как какая-то затворница, или монашка, как обычно называют такой стиль. Юбка в пол, блузка с длинными рукавами, застегнутая на все пуговицы и та же прическа, что и у мамы Давида. Кажется, с её появлением в гостиной повеяло могильным холодом.

— Приятного аппетита, — произнесла она стальным голосом и, не глядя даже в мою сторону, села на своё место рядом с матерью.

На некоторое время воцарилась тишина.

— Присаживайтесь дети, — подает голос бабушка Арминэ.

Начинается обед, который ничем не отличается от того, к которому я привыкла — люди также свободно общаются, обсуждают какие-то дела, события. Я стараюсь «не отсвечивать», делая вид, будто очень увлечена едой, хотя то и дело чувствую на себе взгляды сидящих за столом, отчего аппетита не прибавляется, от слова совсем.

— Асья, — вдруг обращается ко мне мама Давида, — как вам армянская кухня? — спросила вроде бы без подвоха. По крайней мере, прозвучало так, будто он просто был формальностью.

— Мне очень понравились блюда, которыми меня угощал Давид, спасибо вам за них, — говорю, проглотив большой кусок мяса, который, как назло был у меня во рту, когда Мариам решила ко мне обратиться.

— Я очень рада, что вам понравилось. А вы любите готовить? — ну вот, похоже, в этом и был подвох первого вопроса.

— Ну... я... — как же так ответить, чтобы не опозориться окончательно?.. — Я не то, чтобы не люблю... Просто редко этим занимаюсь. Моя бабушка...

— Так значит, вы к своим годам, — обрывает меня женщина, — кстати, сколько вам?

— Восемнадцать, — отвечаю смело. Бабушка всё время твердит, что рано мне еще у плиты стоять, успею еще...

— Восемнадцать лет, и вы не готовите? — уничижительно глядя на меня, произносит женщина.

— Мари, — вмешивается в разговор отец семейства, — восемнадцать — это не двадцать восемь, научится, когда время придёт.

— Мариам, вспомни себя в восемнадцать, — подает голос бабушка. — Ты же умела только омлет готовить и чай заваривать.

— Мама Арминэ, — недовольно отзывается Мариам, — вы знаете, почему я не умела готовить к своим годам. Зачем сейчас об этом? Мои дочери готовят с двенадцати лет, и я считаю правильным воспитывать хозяйственность в девочках с раннего возраста.

— Я тоже умею чай заваривать, — зачем-то встречаю я в их перепалку. В ответ на мою фразу все затихают и поворачиваются ко мне, перестав жевать. — И омлет... — добавляю шепотом уже в полной тишине.

Ну зачем я только влезла!? Тетя Мариам вспыхнула и, подскочив со стула, куда-то унеслась. А в полной тишине укором мне прозвучало надменное покашливание старшей сестры Давида. За весь обед она не произнесла ни слова и ни разу не взглянула в мою сторону.

— Мама, наверное, чайник пошла поставить, — звонко воскликнула младшая сестра, чьё имя вылетело из головы. — Пойду помогу ей.

— Лали, принеси угощения, которое мы сделали с тобой, — обращаясь к девочке, говорит бабушка Арминэ.

— Ася, — шепчет мне Давид, когда за столом снова возобновляется непринужденная беседа, — не обижайся на маму, у неё было плохое детство, поэтому она так отреагировала.

От того, что Давид наклонился ко мне так близко, я вдохнула аромат его парфюма, и мне стало спокойнее. Может там ингредиенты в составе какие-то успокаивающие?

— Прости, что говорю не подумав, — решаю тоже немного оправдаться.

— Всё хорошо, не бери в голову.

Мариам и Лали действительно спустя несколько минут приносят горячий чайник и угощения на подносе. Пока расставляют чашки и блюда, Лали щебечет:

— Ася, обязательно попробуй назук и пахлаву. Мы с бабушкой вчера весь вечер пекли. Это мои любимые сладости, но мы их делаем редко, потому что они немного заморочные. Эти сделали специально для тебя — Давид сказал тебе очень понравились наши национальные блюда.

— Да, спасибо большое. Гата была восхитительной! — с чувством говорю, забыв о неловкости. — Жаль, что очень сладкая...

— Ты не любишь сладкое? — округляет глаза Лали.

— Нет, что ты! Очень люблю! — понимаю, что меня могут неправильно понять. — Только мне нельзя много. У меня диабет.

После этих слов снова воцарилась тишина, а у меня возникло ощущение, будто я сказала о том, что завтра умру. И тут впервые за всё время меня удостоила взглядом старшая сестра Давида. Ох, что это за взгляд! Так смотрят на таракана, или на вошь, которую в следующую секунду собираются раздавить ногтем.

— Как жалко... — искренне протягивает Лали, собираясь сказать что-то еще, но её опережает сестра. И нет, она обращается не ко мне.

— Давид, как поживает Татевик? Давно не видела её. Когда ты приведешь её к нам на ужин?

Давид, кажется, не особо доволен этим вопросом. Однако ставит чашку с чаем на блюдец и всё же отвечает.

— Думаю, что у неё всё в порядке. Работу она выполняет хорошо, — кто же такая эта Татевик?

— Конечно, хорошо, — продолжает свою речь безэмоциональная Каринэ. — У девушки высшее юридическое образование и красный диплом она получила не за красивые глаза.

Хотя они у неё действительно такие, не так ли, брат?

— Думаю, что красота в глазах смотрящего, — философски изрекает Давид. — Но, я согласен с тобой, Татевик очень красивая девушка.

Вот теперь мне вдвойне стало интересно, кто эта загадочная краснопломница. А главное — кем она приходится Давиду.

— А еще у Татевик очень хороший вкус и чувство меры. Ей бы давать уроки по стилю. Многим бы пригодилось...

А это камень в мой огород. Хотя... предыдущие тоже не мимо летели.

— Каринэ, не считаю, что обсуждать человека в его отсутствие — это хорошая идея, — мягко осекает сестру Давид. А я сгораю от обиды. Мне прямо сказали, что я глупая, нехозяйственная, да еще и вкус у меня отсутствует... Прекрасно.

Остаток времени я молчу, практически не слушаю, о чем говорят вокруг. Я просто жду, когда это всё закончится и Давид отвезет меня домой.

Наконец-то этот миг настает. Нас провожают до машины родители и младшая сестра Давида. Мама парня уже не пытается натянуть улыбку, но и волком на меня не смотрит. Похоже, я потеряла для неё всякий интерес.

— Хорошей дороги, сынок, — говорит Мариам, обнимая Давида, а мне даря снисходительный кивок.

— С Богом! — обняв сына, вдруг дает напутствие отец и крестит нас, что меня очень удивляет.

— Ждём вас с Татевик на ужин в выходные, — звучит уже вдогонку от матери, когда мы трогаемся с места.

Последняя фраза так и повисла между нами.

Молчали мы почти до самого моего дома. А когда остановились у подъезда, и я уже собралась выходить, Давид вдруг поймал мою руку и потянул на себя.

Крепко, но нежно обхватившая моё запястье рука заставила задержаться в машине против моей воли. Наверное, если бы сейчас проводилось голосование на выборы человека, с которым мне хочется сейчас разговаривать, Давид был бы в списке кандидатов предпоследним. Отобрать у Мариам Генриховны пальму первенства в этом состязании вряд ли кому-то удастся.

— Асья... — где-то в горле у меня, похоже, заблудился воздух, иначе, почему я не могу сделать нормальный вдох? — Сегодняшний день... — Давид говорит отрывисто, словно подбирая слова, хотя раньше я за ним подобного не замечала. — Я хотел, чтобы он прошел совсем иначе... — вдох, заблудившийся в горле и вставший комом, очевидно, решил выйти через уши — другого объяснения этому шуму я просто не могу найти. — Прости меня, Асья... Моя мама... Да и сестра... В общем, я не должен был... Ты такая...

Блин, дальше вообще ничего не слышно. Не могу больше справляться со своим состоянием.

— Давид, прости, — обрываю парня на полуслове. — Тебе не за что извиняться. Всё нормально, — забираю свою руку из его теплой ладони. — Я благодарна тебе за помощь. Даже не знаю, как смогу оплатить тебе то, что ты сделал для меня, — на этих словах Давид меняется в лице, глаза возмущенно вспыхивают. И тут я вдруг понимаю, что он наверняка обидится на мои слова. Это понимание подкидывает совершенно неожиданную идею: — Я обязательно всё тебе верну. Но больше мне от тебя ничего не нужно. Не стоит увеличивать мой долг перед тобой. Прощай.

Выхожу из машины под оглушающие удары собственного сердца. Давид меня не держит и ничего не говорит вслед. Наверное, так даже лучше.

Не успеваю дойти до подъезда, как белая ауди уже поворачивает за угол дома. Останавливаюсь, чтобы в последний раз посмотреть на того... кого больше не увижу. Давид сидит прямо, даже проезжая мимо меня, не поворачивает головы.

Ну, вот и всё. Это закономерное завершение изначально тупиковых отношений. Мы из разных миров, которые по какому-то странному стечению обстоятельств вдруг пересеклись. На тыльную сторону ладони, лежащей на дверной ручке, падает капля. За ней другая. И лучше бы это был дождь...

Вот и пятница. Вчера, чтобы отвлечься от мыслей о Давиде, которые почему-то всё время сопровождалась несанкционированными слезами, я закончила ремонт. Сегодня остается только всё вымыть, расставить по местам мебель и разложить вещи. Сущие пустяки! Нет, конечно. Но мысль о том, что я буду очень занята, меня радует.

— Ась, что у тебя случилось? — испуганно восклицает Ника, как только мы встречаемся в коридоре перед аудиторией. У этой девушки удивительная способность — она очень внимательна к людям и хорошо считывает малейшие изменения в настроении.

— Всё хорошо, просто допоздна вчера обои клеила, вот и не выспалась, — говорю максимально расслабленно, настойчиво натягивая на лицо улыбку.

— Очень бы мне хотелось верить, что это так... — скептически хмыкает Ника. — Может, всё-таки расскажешь? — с надеждой в голосе произносит подруга, но я только отрицательно машу головой. — Вдруг я помочь смогу? — последняя попытка что-то из меня

вытянуть проваливается, когда я перевожу тему.

— Помочь сможешь: мне нужно вещи перенести и расставить по местам. Если у тебя сегодня будет время после пар...

— Договорились, — улыбается Ника.

— Спасибо, — отвечаю взаимностью. — Кстати, ты мне обещала адрес Марио написать в сообщении. Завтра уже вечеринка, а я не знаю, куда заказывать такси.

— Ну Аська! — Ника расстроено подкатывает глаза. — Я надеялась, ты подумаешь и откажешься от этой идеи...

— С чего бы мне отказаться!? — равнодушно веду плечами, будто не понимаю, о чем она говорит.

— Как это «с чего»? Разве вы с Давидом...

— Мы с Давидом — что? У меня Давидом ничего нет, не было и не могло быть никогда! — мне хочется поставить точку в этом вопросе, чтобы больше не слышать от подруги напоминаний о нём. — Мы слишком разные. И у нас совершенно разные... Да всё у нас разное!

— Что-то случилось, что ты так говоришь, да? — Ника заглядывает в глаза, пытаюсь там прочитать то, что я никогда не произнесу вслух.

— Случилось то, что мы с Давидом не пара. И наша случайная встреча вообще не должна была произойти.

— Ладно, — вдруг вспыхивает подруга, — Давид тебе не пара. А Марио — пара?

Странно, но у меня ни разу не возникло такого вопроса. Как-то априори я считала, что Марио мне ровня. Сейчас я задумалась: у итальянца ведь тоже довольно обеспеченная семья, наверняка там тоже свои устои... Но почему-то сейчас я вижу его одним из многих. Одним из всех остальных. Тех, в числе которых нет только Давида... Да, я не подхожу одному только Давиду в целом свете. Все остальные, кем бы они ни были, кое-как вписываются. Всё потому, что они все не ОН.

— Ник, напиши адрес, — игнорируя вопрос и возмущенный взгляд, протягиваю ей листок и захожу в аудиторию, которую открыли нам как раз перед самым звонком на занятие.

Сильные руки снова сомкнулись на моей талии. Меня крепко прижимают спиной к торсу. На этот раз я чувствую всё еще острее. Этот сон повторяется. Только теперь я абсолютно уверена, кто так заботливо и уверенно меня обнимает.

Давид.

Я чувствую его парфюм, который проникает в каждую клеточку моего тела. Я вижу его кисти, пальцы, которые уже не смогу спутать ни с какими другими. Мне безумно хочется посмотреть в его глаза... Услышать свою имя из его уст. Прямо сейчас.

— Давид, — шепчу я, задыхаясь от нетерпения. — Давид...

Я жду, что он повернется. Вернее — меня повернет к себе лицом. Но вместо этого происходит то, чего я совсем не хочу. Хватка на талии ослабевает. Я уже не чувствую прикосновения ладоней. Хочу схватиться за ускользящие руки, но не могу пошевелиться. Меня охватывает паника — я всем своим существом чувствую, как теряю Давида. Он уходит.

— Давид! — кричу изо всех сил, но голоса не слышно. — Не уходи! — задыхаюсь этим криком.

И просыпаюсь.

Подушка под моей головой мокрая. По моим щекам стекают слезы, а горло словно сжато спазмом. Сердце заполошно колотится, и в голове сплошной шум, в котором по-прежнему звучит этот немой крик «Не уходи!».

Лежу, пытаюсь восстановить дыхание и заодно понять — что это было сейчас.

Неужели я могла влюбиться в Давида?

Рассматриваю идеально ровный потолок, над которым профессионально поработал дядя Аваг, и пытаюсь понять, что же твориться со мной в последнее время. Что может значить этот сон? И почему я так остро отреагировала на уход парня?

С самой первой нашей встречи Давида было очень много в моей жизни. Он либо живую находил рядом, либо его присутствие ощущалось через разговоры бабушки о нем и мои негодующие мысли.

Да-да, он ведь меня ужасно раздражал первое время! Как же так вышло, что тот, от кого пыталась отделаться всеми способами, покинув меня наконец, сделал такой несчастной?

«С армянами еще не хватало связываться», — вспоминаю я свои мысли, когда пыталась одернуть себя, находя Давида красивым. С первых мгновений я зависла на его глазах, всматриваясь в которые замечала каждую деталь: закрученные ресницы, маленький шрам над левым веком, несколько волосков посередине лба между бровями. И зачем я только всё это запомнила?

А он ведь мне всегда нравился внешне. Останавливала его национальность. И что теперь? Теперь я понимаю, что он слишком хорош для меня... Давид умный, добрый, спокойный и терпеливый, ответственный. Он никогда не даёт пустых обещаний и умеет решать проблемы.

Может быть я поторопилась на этот раз оборвав наши отношения? Может стоило хотя бы попробовать?

И тут я вспоминаю Мариам Генриховну... и сестру Каринэ. Нет, семья у него очень хорошая. Наверное... Папа, по крайней мере, казался приветливым. Бабушка и Лали тоже произвели приятное впечатление. Но вот, судя по всему, настроение задают вовсе не они.

Мариам Генриховна никогда не примет меня. А если даже такое чудо и случится, то старшая сестра точно жизни не даст.

Стоп. Какой жизни? Куда меня не примут? Это ж надо так размечтаться!

Да Давид вчера уехал. И всё. Ну, может и была у него симпатия ко мне. Но после нашего вчерашнего разговора от него ни слуху ни духу. А ведь он обещал, что поможет с обоями...

Как ни горько это признавать, но отшила я его вчера настолько беспощадно, что о возвращении парня можно забыть навсегда.

Проглотив ком накативших слёз, я решительно встала с постели и направилась на кухню. Быстрым автоматическим движением поставила чайник и не дожидаясь, когда он закипит, полезла в шкаф. На верхней полке лежал небольшой пакетик с шоколадными конфетами. Чтобы достать его, понадобилось подставить табурет, но мне хотелось поскорее схватить запретную радость. Подпрыгнув несколько раз, всё-таки смогла подцепить край целлофана — пакет шмякнулся прямо мне на голову. Больно.

Но не больнее, чем то, что творилось сейчас у меня внутри.

Дрожащими руками разрываю шелестящую обертку и запихиваю конфету в рот целиком. Мне нельзя их. Диабет не простит мне такую вольность. Но я, прожевав первую, быстро заталкиваю в себя вторую, словно вор, боясь, что меня поймают. Да, мне будет плохо. Придется пить таблетки. Но мне сейчас просто необходимо это сделать.

И правда, душевная боль немного стихает, когда у меня начинается головная и тошнота.

Ругаю себя и глотаю таблетки. Обычно я стараюсь не злоупотреблять ими — соблюдаю диету, исключаю то, что имеет высокий гликемический индекс. Это, в принципе, несложно, да и я уже привыкла. Даже заставила себя полюбить те продукты, которые должны преобладать в моем рационе. Однако бывают у меня моменты, когда происходят вот такие срывы. Хочется забить на все запреты и есть то, что действительно люблю, а не то, что разрешили врачи...

Когда моё состояние нормализуется, я начинаю заниматься подготовкой комнаты к приезду бабушки. Родители привезут её в воскресенье, и по факту у меня есть еще завтрашний день, но я ведь планирую провести его на вечеринке у Марио, поэтому сегодня нужно полностью завершить уборку.

Ника, как и обещала, приехала после обеда и помогла мне с расстановкой мебели. Конечно, таскать шкафы двум девушкам — такое себе занятие, но мы поначалу всерьез надеялись, что справимся сами. В итоге — пришлось всё-таки звать на подмогу дядю Васю.

К вечеру, когда моя квартира опустела, я опустилась на диван и, откинув голову, устало прикрыла глаза. Давид мне так и не позвонил.

Весь день я то и дело косилась на телефон, втайне от Ники включала экран, чтобы проверить, не пропустила ли звонок или, может, не услышала сообщение. Прекрасно знала, что не услышать что-то в однокомнатной квартире практически нереально, однако всё равно лелеяла маленькую надежду на то, что Давид всё-таки объявится.

Мне так этого хотелось, что я мысленно уговаривала телефон подать сигнал. Дошла даже до того, что обещала сама себе, что не поеду на вечеринку, если Давид мне позвонит.

Но все мои мечты пошли прахом. Телефон упрямо молчал.

Ночью мне снова снились кошмары. Нет, в них не было Давида. Я всю ночь искала его где-то в тумане. Эхо с его именем раскатывалось в глубину какого-то нескончаемого леса, и возвращалось ко мне не найдя адресата. В какой-то момент я заметила невдалеке избушку.

Вероятно, это был домик лесничего.

Я стояла напротив входа, боясь даже приблизиться к ветхой двери, и начала тихонько звать парня. Я была уверена, что Давид внутри, и каким-то внутренним чувством, понимала, что он знает, что я здесь. Мой шепот постепенно перерастал в довольно отчетливый зов. Наконец, когда я, отчаявшись, изо всех сил выкрикнула имя «Давид», то дверь вдруг начала отворяться. На пороге стояла Мариам Генриховна. Она испепеляла меня взглядом, и я тут же отпрянула назад.

Оказавшись на расстоянии, я с ужасом поняла, что стою уже не перед ветхой лачугой, а перед тем особняком, в который ни за что не хотела бы еще когда-либо попасть...

Распахиваю глаза, понимая, что проснулась как раз вовремя. Еще вчера я готова была смириться с родственниками Давида и приложить все свои усилия, чтобы завоевать их расположение, а сейчас я понимаю, что не готова еще раз увидеться с его матерью.

Разрываемая мучительными противоречиями, я четко понимаю только одно — ни на какую вечеринку я сегодня ехать не хочу. И Марию не хочу. Вообще никто мне не нужен сейчас. В голове и так бардак, и нужно время разложить всё по полочкам, а не запутывать мысли еще сильнее.

Довольная первой и пока единственной показавшейся мне правильной мыслью, я собралась взять телефон и первой написать Давиду. Скажу ему, что хочу с ним увидеться, извинюсь, в конце концов... В общем, неважно, что написать, главное — сделать это.

Но телефон, попав мне в руки, вдруг оживает сам.

— Ася, это ты? — раздаётся знакомый голос в трубке. — Я хотел еще вчера позвонить, но были очень важные дела, — меня эта информация несколько не трогает. — Мы сегодня увидимся?

Если бы я услышала всё это еще неделю назад, то уже вопила бы от восторга и прыгала до потолка. Но сегодня я лишь строю кислую мину и радуюсь, что собеседник этого не видит.

— Привет, Марио, — ах, да, именно он мне позвонил в тот момент, когда я уже собралась набрать номер Давида. — Ты знаешь, сегодня, наверное, у меня не...

— Ась, я согласна только до вечера, говорю сразу, — так, стоп! Ника???

Отвожу аппарат от уха и смотрю на экран — номер незнакомый, значит, звонок не с телефона подруги. Тогда почему я слышу её голос?

— Ник, это точно ты?

В ответ раздаётся знакомый смех, что меня очень удивляет. После их разлада с Чацким, подруга почти совсем перестала смеяться, и вдруг снова слышу звонкий колокольчик её голоса. Невольно улыбаюсь — здорово, что она повеселела.

— Да, Ась. Представляешь, приперлись ко мне сегодня под дверь всем табором и давай уговаривать поехать с вами на вечеринку, — я прикусываю щеку до крови, понимая, к чему клонит Вероника. — В общем, через час мы с Марио заедем за тобой.

Надо бы сейчас ей сказать, что я очень рада, но выдать и слова не получается. Я же планировала отказаться от сегодняшнего мероприятия. И что теперь? Подруга уже настроилась на поездку, вон даже повеселела за столько-то дней! Прежде всего, это сейчас нужно ей — развеяться, отвлечься от грустных мыслей.

— Хорошо, я буду готова, — стараюсь говорить позитивно, я попрощалась и завершила вызов.

Стону в голос и падаю на кровать.

Ну вот почему в фильмах так красиво получается страдать: героиня навзничь планирует на кровать, мягко утопает в ней и, изящно закрыв руками лицо, предаётся своим переживаниям. Я же обрушиваюсь на свою старенькую полуторку и вместо того, чтобы «утопать» в мягкой постели... проваливаюсь почти до пола! Не выдержала меня кровать. Или, может, обиделась, что я с ней так панибратски обошлась. Треснули доски дна и матрас, провалившись в середину, проглотил меня, как булка от хот-дога ганноверскую сосиску.

Может, это знак, что страдать мне не нужно? Нужно принимать то, что дает судьба. Выпутываюсь из кроватных недр, окидываю взглядом последствия своего неудачного маневра и иду собираться. Со спальным местом решу всё вечером, я ведь всё равно не планирую сегодня оставаться с ночевкой.

— Ась, ты какая-то грустная сегодня, что-то случилось? — шепчет мне Ника, когда мы уже едем в машине Марио. Пока итальянец обсуждает что-то с Саней, который сидит на пассажирском сиденье впереди, мы с подругой наконец смогли поговорить о своём о девичьем.

— Всё хорошо, — натягиваю улыбку — Ника не знает, что происходило у нас с Давидом всё это время, а признаться ей в своих зародившихся чувствах я пока не готова. — Я рада, что

ты всё-таки решилась поехать и немного развлечься, не всё же время горевать по Чацкому.

Язык мой — враг мой. И даже не только мой. Ну вот кто просил меня ляпать про этого парня!? Услышав знакомое прозвище, подруга вмиг погрузилась. Приходится снова отвлекать её разговорами. И всё бы ничего — но я и сама недалеко ушла от Ники — всю дорогу, даже болтая без умолку, не могла отделаться от мыслей о Давиде.

Загородный дом семейства Гардиани расположен в элитном дачном поселке в пригороде Измайловска. Здесь охраняемая территория, с трёх сторон окруженная небольшим лесочком. Сам особняк выглядит просто шикарно. Такие дома я видела только в кино. Нет, он не безобразно огромен, как вы могли бы подумать, в нём всего полтора этажа и три уровня. На «нулевом», как назвал его хозяин, проводя нас с экскурсией, расположены хозяйственные помещения — котельная, сауна и тренажерный зал. Первый этаж состоит из двух комнат — небольшой спальни и огромного зала, включающего кухонную зону. Здесь, на момент нашего приезда уже вовсю шли приготовления к вечеринке: около десятка девчонок занимались тем, что развешивали шары и какие-то самодельные украшения и готовили закуски, а парни примерно в таком же количестве настраивали музыкальные инструменты и двигали мебель, чтобы соорудить подобие сцены.

Увидев музыкальную установку, подруга снова сникла. Её парень — солист в группе где играет Марио, и он сегодня точно не здесь. Песни, однако, будут звучать, постоянно напоминая Нике о Чацком.

— А что на втором этаже? — перевожу разговор, указывая на винтовую лестницу, которая пристроена в углу при входе.

— Там еще две спальни, поэтому если вы надумаете остаться, то места всем должно хватить, — Марио подмигивает, а мне почему-то становится неприятно от этого. И как мне раньше могло нравиться, как Марио моргает? Он же подмигивает всем подряд, и выглядит это пошло и двусмысленно.

Едва сдерживаюсь, чтобы не показать недовольство. Благо, в следующую минуту, Марио уже оставляет нас вместе с другими девчонками, а сам принимается проверять свою электрогитару.

— Ник, я что слепая была? — задаю вопрос, как только мы остаемся с подругой одни.

— О чём ты? — не понимает она.

— Об итальянце, конечно! Не понимаю, как он мог мне нравиться!? Я либо была слепая, либо дура. Проблемы со зрением, видимо, отпадают, остается очень неутешительный диагноз...

— Да, ладно тебе, Ась, — подбадривает Ника, — в конце концов, с кем не бывает! Хорошо, что ты вовремя... «прозрела».

Последнее слово она добавляет после небольшой паузы, и я понимаю, ЧТО она хотела сказать на самом деле. Мы вместе, не удержавшись, прыскаем смехом.

Я рассчитывала, что в доме Марио соберется, как минимум, пол-универа, но, к моему большому удивлению, после нашего приезда к компании больше никто не добавился.

— Братан, а чего так скромно гуляем? — донесся до моих ушей вопрос одного из парней, с кем Марио расставляли столы в гостиной.

Ну вот — не одной мне это не дает покоя.

— Да наш макаронник — цифровой маньяк, — вместо Марио отвечает другой голос. — Ты разве не знал, что у него бзик на даты, числа, номера?

Я с удивлением поворачиваюсь в сторону итальянца, который продолжает возиться с гитарой, словно речь вовсе не о нём.

— И что? — не врубается первый.

— Иваныч, мозги включи! Думаешь, почему нас сегодня именно такое количество? Да потому что именинник отмечает двадцать два годика.

— И чо получается, — встречается в разговор одна из девушек, — в следующем году нас будет на одного больше?

— Ага, — хохочет уже третий парень, — только не факт, что «мы» сохранимся.

Они продолжают шутить по поводу пристрастия Марио к числам, а я вдруг задумываюсь о том, что я тут, получается, оказалась совершенно случайно — скорее всего, он и позвонил мне только ради того, чтобы «добрать» нужное количество. Вероятно, кто-то из приглашенных гостей не смог прийти...

— Ась, остановись! — вырывает меня из раздумий голос Ники. — У нас же всё-таки не драконья вечеринка.

Возвращаюсь в реальность, понимая, что действительно увлеклась и нарезала целую гору лука.

— Ой, — вскрикиваю, понимая, что для салата, действительно, тут большой перебор.

— Ничего, — заглядывает к нам светловолосый парнишка, — для шашлыка останется. А то мы постоянно про лук забываем, потому что никто его резать не любит.

Парень улыбается мне и чуть дольше задерживается взглядом, рассматривая моё лицо.

— Витёк, помоги диван подвинуть, — зовут парня, и он, моргнув мне и показав свой неидеальный прикус, оставляет нас.

— У меня скоро аллергия будет на подмигивания, — ворчу себе под нос, но так, чтобы Вероника могла тоже услышать мои возмущения.

В ответ подруга тихонько смеется:

— Это, видимо, стандартный приём быстро очаровать и снять девушку, — шепчет мне, оглядываясь, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. — Зато теперь ты можешь точно определить, какие у парня намерения относительно тебя. Подмигивает — рассчитывает на быструю симпатию и твою доступность. Не подмигивает — настроен серьезно.

— Ага, — грустно вздыхаю, вспомнив Давида, — или просто не заинтересован...

— Ну, что, девчонки, хватит вам уже кухарничать! — тоном конферансье объявляет Вадим — самый старший из компании, единственный, кто здесь со своей девушкой, и кто добровольно принял на себя обязанности тамады на этом мероприятии. — Начинаем то, ради чего мы все здесь собрались! Нет, нет, не бухать, как подумал сейчас Костян, — умело шутит на публику парень, — и нет, не для амурных походов Витька и Глебыча, — парни в этот момент начинают улюлюкать вперемешку с подколами, а Вадим продолжает, довольный произведенным эффектом от своей речи. — Мы сегодня собрались тут, чтобы почтить память, — он театрально осекается, возбуждая новую волну смеха, — то есть, я хотел сказать, *отпраздновать* день рождения одного итальянского засранца.

Последнее слово вызывает очередное гиканье в толпе, а у меня — разочарование. Этот «американский» юмор никогда меня не привлекал, и, судя по выражению лица Ники, не одну меня, поэтому дальнейшие его риторические выкрутасы я слушала в пол-уха.

Мыслями я улетела к Давиду. Его поведение сильно контрастировало с тем, как вели себя люди, окружающие меня сейчас. Невольно я представляла, как отнесся бы Давид к тем или иным ситуациям, как вел бы себя. Наверняка, он не одобрил бы моего присутствия тут.

Да мне и самой некомфортно находиться в этом обществе. Во-первых, все присутствующие девчонки, кроме нас с Никой, курят. Во-вторых, мы здесь самые молодые, и почти ни с кем ранее не были знакомы. Ника через Чацкого знает несколько человек, но очевидно, что знакомство их весьма поверхностное и стремления общаться нет ни у них, ни у нас.

О парнях я вовсе молчу. Даже моя влюбчивая натура не смогла зацепиться хоть за одного из присутствующих, как за достойный объект внимания. Уже получившие свои характеристики во время речи Вадима парни на сто процентов оправдывали то, в чем были уличены. Сальные взгляды и похабные хуточки, правда, были свойственны не только Вите и Глебу. С меня не сводил глаз и Денис, бритый под ноль коренастый паренек. Нику же обхаживал какой-то Стас — темная лошадка. Вроде бы симпатичный, галантный, как сказала бы моя бабушка, но чувствуется в нём какой-то подвох, какое-то едкое ощущение липкости не покидает рядом с ним.

— Ник, давай уедем домой, — вдруг осеняет меня гениальная мысль.

Ника еще не отвечает, но в глазах у неё загорается счастливый огонек.

— Надо придумать причину нашего отъезда, — шепчет она мне.

— Ой, да это самое легкое — заболел живот, зуб, голова. В конце концов, чтобы парни меньше спрашивали, можно сказать, что это женские дела. Работает стопроцентно.

Я уже представила, что мы уезжаем отсюда, и на душе становится спокойно и радостно. Никогда больше не поеду с незнакомой компанией.

Но мои желания пришлось отложить на неопределенное время, ибо в следующий момент заиграли первые гитарные аккорды и начался мини-концерт, который ребята группы «Грибоедoff» подготовили для сегодняшнего вечера.

Мы с Никой обменялись расстроенными взглядами, но ничего не поделаешь — именинник на сцене, и уйти сейчас будет совсем невежливо.

Пока на сцене идёт исполнение песен, слушающие активно «заправляются». Большинство пьют пиво, мы же с Вероникой отказываемся, ибо на дух не переносим этот напиток. Спустя какое-то время, косые взгляды, направленные в нашу сторону, сменяются открытым недовольством. Видимо, алкоголь начинает действовать и то, что замалчивалось деликатности на трезвую голову, на пьяную рвётся наружу.

— Ася, Ника, а вы сюда приехали поскучать? — язвительно интересуется Марина, эффектная блондинка, в юбке, больше напоминающей широкий пояс.

— Нет, Марин, они приехали, чтобы все вокруг из развлекали, лишь бы не видеть их тухлых лиц, — поддакивает шатенка с короткой стрижкой и модной укладкой, которая сейчас выглядит значительно примятой, по сравнению с тем, какой была при нашем знакомстве.

— Девчонки, да прекратите вы, — обращаясь к ошетинившимся подружкам, говорит Вадим. — Может, девушки не любят пиво, — я одобрительно закивала на этих словах, мысленно благодаря парня, — А может им родители не разрешают пить, — забираю свою благодарность назад.

— Вам хоть восемнадцать-то есть? — ехидно интересуется чернобровый паренек, имя которого я не запомнила.

Хорошо бы было сейчас испариться. Но, как назло, музыка в этот момент стихла и все слушающие обратили вопросительные взгляды на нас, ожидая ответа.

— Есть, — отвечаю уверенно. — Но я не хочу пиво.

— Да, девчата, вы что?! Вас же никто не принуждает напиваться! — доброжелательно

говорит Вадим. — Но раз вы в компании, то могли бы поддержать.

— Если не любите пивас, то я вам коктейльчик замучу, — радостно зацепившись за эту мысль, говорит Саня, барабанщик в группе.

— О, Пуля, давай свой фирменный! — послышались голоса девчонок. — Нам тоже сделай!

Неожиданно нас оставили в покое, переключив внимание на рыжего барабанщика, который, оставив установку, направился к бару. Судя по его умелым манипуляциям с бокалами и бутылками, делал он это часто.

— Пуля работал барменом летом, — поясняет Вадим, когда видит наши удивленные глаза. — Не переживайте, от его коктейлей плохо не будет — они просто помогут вам расслабиться и повеселиться.

Его дружелюбный тон не оставляет нам пути к отступлению, и возникшие перед нами бокалы с красивыми трубочками игнорировать уже не получается. Надо признать, это и правда вкусно. Алкоголь практически не чувствуется, лишь легкая горечь остается послевкусием. Хочется её запить новой порцией.

Вскоре начинаются танцы. Группа уже не играет, музыкальные инструменты сдвинуты в самый угол и накрыты защитной тканью. Из динамиков сначала звучит какой-то модный бит, и девчонки в полном составе выходят на «танцпол». Ребята танцуют не все, примерно половина сидит за столом и продолжает пить. На столах появляются крепкие напитки — водка, виски, текила.

Мне хочется танцевать, я тяну Нику, но, когда мы выходим, я понимаю, что двигаться под современные «бум-бум» совсем не умею. И, словно по моему заказу, вдруг начинает играть русская попса — мои любимые «Звери» и «Руки вверх».

Маленькие передышки между активными танцами запиваю очень вкусными шедеврами Саниного мастерства. Он экспериментирует со вкусами, а я даже не заметила, как выпила уже... 5? Или 6 бокалов?

— Ась, ты бы не налегала на коктейли, — говорит мне Ника. — Марио вызвал нам такси, поедem домой?

Да, точно! Я же домой собиралась!

«Крошка моя, я по тебе скучаю.

Я от тебя письма не получаю...

Ты далеко и даже не скучала,

Но я вернусь...»

— Вернусь, чтоб ты узналаааа! — моя любимая песня!

Прости, Ника.

— Ася, поехали, ты уже достаточно выпила, — врывается в мой мозг фраза, сказанная голосом подруги.

— Никусь, ты выходи, я сейчас, — мне действительно пора. Но сначала — в туалет. Какой веселый у Марио паркет — танцует вместе с моими ногами.

Выхожу из туалета и понимаю, что удачнее времени, чтобы выйти на танцпол, я просто не могла бы придумать. Медляк. Нет, «Медлячок» Басты...

— Потанцуем? — подходит ко мне то ли Слава, то ли Вася. Да, пусть он будет Вася! Сейчас он будет моим Васей Вакуленко.

Медлячок, чтобы ты заплакала...

И пусть звучат они все одинаково...

И пусть банально и неталантливо,

Но как сумел на гитаре сыграл и спел...

Бам-бам-бам! Дыщ-дыщ! ХРРРРР....

Голова разрывается от каких-то странных звуков, и, даже не открывая глаза, я чувствую гнетущее чувство тревоги. Разлепляю веки, утыкаясь взглядом в совершенно незнакомый мне дощатый потолок, который почему-то... на меня падает!

Зажмуриваюсь и вскрикиваю. Сердце колотится как сумасшедшее. И сразу после моего вскрика, я слышу еще более ужасающее — прямо над моих ухом гремит сонный мужской бас:

— Ты чё орёшь, дура! — и вместе с этими словами меня обдает омерзительнейшим перегаром.

Язык прирос к небу, а желудок собрался вывернуться наизнанку. Чувствую, как волна подкатывает к самому горлу, и меня абсолютно точно прямо сейчас стошнит!

Пытаюсь привстать на кровати, но понимаю, что меня к ней придавило чем-то. От осознания того, что на мне лежит рука и, кажется, нога какого-то парня, рвотные позывы врутся наружу, однако не извергая при этом совершенно ничего, кроме какой-то зеленовато-желтой слизи. Всё происходит так активно и громко, что от звуков, издаваемых при этом, просыпается тот, кто не давал мне встать.

Извергнув несколько крепких матов, парень поспешно встает с кровати и выходит за дверь. Со спины я узнаю Витька, который вчера подкатывал ко мне. Парень сейчас в одних трусах!

Боже, от мысли, что я спала с парнем в одной кровати, а он при этом был в одном белье, начинает кружиться голова. Или это он «падающего» потолка?

Нет, с потолком всё нормально — просто в комнате мансардная крыша. быстро осматриваю всё вокруг и с ужасом замечаю, что я тут не одна!

Помимо кровати, на которой проснулась я, здесь стоит разобранный диван, на котором спят... двое парней! Рядом с хозяином дома пристроился, кажется, Стас. Оба одеты не лучше ушедшего Витьки. Мне кажется, я сейчас лишусь рассудка... Голова шумит, как лес во время урагана.

И тут я перевожу взгляд на свою одежду... На мне нет *моей* одежды!!! Какая-то огромная майка и всё!

Всё тело начинает бить мелкой дрожью. Пытаюсь встать, но ноги не слушаются. Руки трясутся, а желудок продолжает выжимать из себя все соки.

Хочу поскорее уйти отсюда, но не понимаю, как это сделать. При мне нет ни телефона, чтобы вызвать такси, ни моей одежды, в которой я могла бы туда сесть.

Хожу по комнате в поисках своих вещей, и даже не понимаю, что всё это время реву навзрыд. Откуда со стороны слышу свой громкий всхлип.

— Потихе нельзя, — ворчит кто-то из спящих на диване парней. Я пугаюсь и отскакиваю в сторону, но это оказывается ложной тревогой — парень просто перевернулся на бок и продолжил спать.

— Эй, ты чего ты шарить? — слышу за спиной женский голос и с огромной надеждой поворачиваюсь к его обладательнице. — Обнести хату решила, пока хозяин в отключке?

На меня смотрит Ангелина, рыжая девчонка, которая вчера показалась мне самой молчаливой, но при этом вызывала наибольшие опасения, ибо её недовольные взгляды были

красноречивее всех слов, сказанных её подругами.

— Я не могу найти свой телефон, — шепчу каким-то несвоим голосом. — Ты не видела его?

— Не видела, — фыркает девушка и после небольшой паузы добавляет: — Но слышала. Задолбал он своим пиликаньем. На вот — позвони уже своей подруге, а то весь дом уже на уши поставила.

Ангелина протягивает мне мой старенький смартфон, и это первое, что хоть немного радует меня за сегодняшнее утро.

В следующую секунду он оживает входящим звонком — Вероника.

— Алло, — словно утопающий, хватаюсь за эту спасительную нить, которая, я надеюсь, вытащит меня из этого ада.

— Ася, слава Богу! У тебя всё хорошо?

— Ника, я сейчас не могу долго говорить, — мне действительно слова даются с физической болью — в груди так сильно давит, что даже дышать трудно. — Пожалуйста, помоги мне добраться домой.

— Ася, что случилось? — подруга почти кричит в трубку. — Не нужно было вестись на твои уговоры и оставлять тебя! — Ника сожалеет, её голос дрожит, но мне сейчас главное — поскорее отсюда выбраться.

— Ник, всё потом. Скажи, ты сможешь мне такси вызвать? — и тут я понимаю, что не знаю, где мои вещи. — Ой, нет! Ника, пожалуйста, привези мне какие-нибудь вещи и забери отсюда, умоляю.

— Боже, Ася... — Ника замолкает. — Хорошо, я привезу. Жди меня, я скоро буду.

Вызов сбрасывается, и я, чтобы хоть немного привести себя в порядок, отправляюсь в ванную.

Первым делом умываю лицо холодной водой. Плещу в глаза ледяные потоки, чтобы вернуть хоть какую-то ясность. Пью воду прямо из-под крана, потому что от жажды, кажется, могу умереть. Всё это слабо помогает взбодриться. Мозг по-прежнему кипит и сердце не успокаивается.

Поднимаю голову и смотрю перед собой. В зеркале отражается вся глубина моего падения — потекшая тушь и огромные черные круги под глазами; взъерошенные и торчащие во все стороны волосы; опухшее лицо и красные глазные яблоки. Снова начинаю рыдать. Руки и ноги дрожат. Меня снова тошнит.

Подхожу к унитазу, чтобы низвергнуть туда подступающую волну, и тут замечаю рядом с сантехникой свои вещи! Сверху лежит моя футболка с красивым принтом и бюстгальтер — они все в остатках переработанной пищи из моего желудка. Отвратительный запах расходится по всей ванной комнате. Под ними, похоже, джинсы. Поднимаю их и ноги мои подкашиваются — и джинсы и трусы, которые лежали под ними все в крови! Я падаю на колени и оседаю на пол. Дальше темнота...

Открываю глаза я уже в машине.

— Ася! — нависает надо мной заплаканное лицо Вероники. — Как же ты нас напугала!

На удивление, я просыпаюсь совсем в ином состоянии. Нет больше той тревоги и страха. Рядом со мной Ника, мы едем в такси домой.

Внутри меня только опустошенность...

— Ась, у тебя сахар подскочил, — голос Вероники слышится где-то на задворках сознания. — Доктор сделал укол, сказал, что госпитализация не нужна. Ася..., - подруга зовет меня, но я словно не понимаю этого, поэтому откликаюсь несразу.

Говорить не хочется. Или не может. Силой выдавленный звук похож на какой-то полустон-полувздых...

— Ася, — снова повторяет Ника, уловив, что мой более-менее сконцентрированный взгляд, — случилось что-то плохое?

Я понимаю, что подруга хочет спросить, не изнасиловали ли меня.

А что ей сказать? Было ли то, что со мной случилось насилием? По факту — я ничего не помню, но ведь это не значит, что ничего не было. Всё было... Я поплатилась за свою глупость!

Слёзы снова накатывают, и я вижу, как расширяются глаза Ники. Собираю все остатки сил и произношу:

— Ничего не случилось, — натягиваю улыбку. — Ничего того, в чем не было бы моей вины... Прости, я посплю немного.

Отворачиваюсь от подруги, понимая, что вероятно мы уже скоро приедем, и поспать сейчас не выйдет, но хотя бы смогу продержаться какое-то время без распросов Вероники.

— С тобой подняться? — спрашивает подруга, когда такси останавливается у моего подъезда.

— Нет, — говорю уверенно, выходя из машины и пытаюсь устоять на ватных ногах. — Спасибо тебе за всё.

Прозвучало как предсмертное прощание. Внутренне я даже усмехнулась этой пришедшей ассоциации. И впервые шутка про смерть не вызывает во мне мистического ужаса, как это было всегда.

Квартира встречает меня тишиной и пустотой. Новый ремонт, который еще вчера радовал глаз, сегодня окутывает холодом и отчужденностью. А ведь так хотелось войти в нашу старенькую комнатку и, уставившись в бабушкин ковер с оленями, отключить мозг, тупо рассматривая зеленую кочку, которая так похожа на лягушку, раздувшую свой зоб перед прыжком...

И невозможно вдруг захотелось увидеть эту лягушку!

Бросив рюкзак в угол комнаты, я начинаю рыться в коробках, которые приготовила у входа, чтобы отнести в гараж. Ковер с оленями тоже был здесь. Да где же он?!

Роюсь в старом хламе и понимаю, что руки уже не просто дрожат, а меня всю начинает трясти. Вот, наконец, показалась знакомая светло-желтая бахрама...

Достаю сложенную в несколько раз тонкую ткань, когда висевшую над диваном, где я спала. Раскрываю, раскладывая на полу. Вот они, родные... Папа-олень с мощными рогами

стоит на первом плане. Он защитник семьи, чутко прислушивается ко всем звукам, чтобы всегда быть начеку. За ним олениха. Она щиплет траву, и с виду кажется расслабленной. Но если присмотреться, уши её тоже приподняты. Настоящая мать никогда не расслабляется, каждую секунду готова защитить своё чадо. А чадо это пасется беззаботно рядом с родителями. И сейчас я так завидую этому олененку...

Не желая отрываться от созерцания картины, я ложусь прямо на этот коврик, скручиваюсь калачиком, чтобы хоть на какое-то время спрятаться в этом уютном и безопасном мире от всего того, что окружает меня сейчас в реальности...

Просьпаюсь я от того, что звонит мой телефон. Некоторое время я продолжаю лежать без движения, надеясь, что звонок вот-вот прекратится. Но почти сразу же после затихания, он заходит на второй круг.

Поднимаюсь на ноги и иду к своим вещам, которые так и остались в углу. Телефон нахожу во внешнем кармане, что меня очень радует. Я боюсь заглядывать в рюкзак, понимая, что найду там свои вещи, от вида которых сознание уже один раз меня покинуло.

— Алло, — увидев, что звонит мама, стараюсь говорить бодро. Насколько это возможно в моем состоянии.

— Дочь, ты спишь что ли? — родительница сразу выкупила, что со мной что-то не так всего по одному произнесенному слову.

— Да, что-то спать захотелось, — радуюсь тому, что и врать не пришлось.

— У тебя там не сахар опять поднялся? — взволнованно допытывается мама.

— Да, мам, поднялся сегодня немного?

— Сколько?

— Мам, да уже нормально, я таблетки выпила...

— Сколько? — строгий тон говорит о том, что мне не отвертеться.

— Девять, — ляпаю просто чтобы снять подозрения и немного успокоить маму. — Но ты не волнуйся, я чувствую, что уже падает.

— Ладно, мы скоро приедем. Бабушка уже места себе не находит. С утра на чемоданах сидит.

— Хорошо, — отвечаю, нацепив улыбку, хотя меня всё равно не видно через телефон. — Жду вас.

Кладу телефон и иду на кухню. Мне нужно поесть, чтобы нормализовать сахар. Ставлю чайник на плиту и отхожу к окну, пытаюсь собрать свои мысли в какую-то вменяемую массу. И тут взгляд падает на машину, которая въехала в наш двор. Сердце начинает колотиться о ребра, а я машинально отскакиваю от окна, как ошпаренная.

Давид. Что он здесь делает?

Известно, что — приехал ко мне. Но зачем?

Подбираюсь к окну так, чтобы меня не было видно, и замечаю, что черный кроссовер паркуется на «своём» месте — напротив моего окна под большой раскидистой липой. Некоторое время ничего не происходит и я даже начинаю думать, что, возможно, он передумает и уедет. Но нет.

Водительская дверь открывается и сердце моё переворачивается несколько раз, закручивая узел внутри. Парень одет в светлые джинсы и черную куртку. Я люблюсь им, утирая рукавом пробившиеся слезы.

Какая же я дура! Рядом со мной был самый лучший мужчина на свете: самый красивый,

самый умный, самый добрый и самый-самый, а я... Я не видела этого! Закрывала свои глаза и отворачивалась от него...

Парень между тем медленно идет в сторону моего подъезда. Меня вдруг накрывает паникой. Что делать? Пустить его в квартиру?

На глаза попадается мой рюкзак в углу... Это мой позор. Это мой грех. Это моя самая главная ошибка. Давид не должен видеть этого. Приходит мысль — спрятать его куда-то, да хоть выбросить из окна.

Но как мне смотреть ему в глаза, зная, что этот рюкзак вообще существовал... Ведь, даже если я сожгу его вместе с вещами, то всё равно не смогу сжечь того, что произошло. Воспоминания и события не развеять по ветру...

Стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть, как от грома. Я заставляю себя замереть на месте и не рыдать в голос. Пусть думает, что меня нет.

— Ася, — слышу такой приятный родной голос. — Открой, пожалуйста.

Давид просит. Мягко. Виноватым голосом. Выворачивая меня наизнанку. Тихо подхожу к двери и прислоняюсь к ней всем телом. Он вот-вот уйдет, а я так хочу продлить его присутствие рядом...

Он ушел.

Оседаю на пол, не в силах отойти от двери. Из-за слез не вижу ничего, всё плывет.

Я не достойна Давида. Если он узнает о моем падении, то ... Я даже не хочу представлять, кем он будет считать меня после этого!

А скрывать от него такой постыдный факт своей биографии я просто не смогу. Я сделала всё правильно, что не открыла ему. Но почему так больно?..

Две недели спустя.

Никогда не любила позднюю осень. Сырость, первые морозы, унылые пейзажи... Всё это нагоняло тоску, и я стремилась всячески «раскрасить» эти ноябрьские дни: доставала из шкафа свои самые яркие вещи и почти каждый день встречалась с друзьями. Мы собирались дома у кого-то из нашей компании и играли в настолки, ребята пели песни под гитару, а по выходным обязательной программой был наш деревенский клуб с дискотеккой. Я не пропускала ни одной тусовки, ни дня не позволяла осенней грусти заглянуть ко мне в окно.

Это первый ноябрь, который совпал с моим настроением. Впервые мне комфортно сливаться с серостью города. Впервые я уже трижды отказалась куда-то идти после занятий.

Я «подсела» на сериалы! По большей части — турецкие. Не ромкомы* (романтические комедии — прим. автора), нет. Веселые люди в кадре стали раздражать, а шутки просто бесят. Вечерами я вместе с бабушкой смотрю «Великолепный век», а днём, пока она занимается делами, включаю очередное мыло, но с субтитрами — читаешь и нет возможности отвлекаться на посторонние мысли.

Да, я стала бояться думать. Как только появляется незанятая минутка, в памяти всплывают неостывающие воспоминания того проклятого утра.

И ещё. Я не сожгла рюкзак. Просто выбросила его, так и не открыв, в мусорный бак. И пожалела. Пожалела, что не сожгла! Он стал сниться мне в кошмарах. В одну из ночей я видела, как из-под него стало проступать красное пятно и растекаться по моей комнате. Я проснулась в холодном поту и в слезах, чем ужасно напугала бабушку.

Во второй раз мне снился какой-то высокий холм. Я смотрела на его вершину, из-за которой выглядывали лучи солнца, и чувствовала, как хорошо там, вверху. Однако, несмотря на пологость, мне никак не удавалось забраться на него. Я карабкалась, цеплялась за какие-то ветки, но что-то тянуло меня вниз. И чем выше я забиралась, тем сильнее была эта тяжесть за спиной. Наконец, я выбилась из сил и упала плашмя на землю, чтобы не покатиться кубарем вниз. Пытаясь понять, что мешает мне взобраться на вершину, я вдруг в ужасе поняла, что на мне лямки от того самого рюкзака!

После этих кошмаров я полезла в интернет. Сонники и различные толкования вообще были мимо, а вот на одном из сайтов по психологии мне попала статья о навязчивых идеях, триггерах и тому подобном. Там-то я и прочитала совет о том, что избавиться от страха можно сжиганием вещей, напоминающих о нём. Может, если бы я смотрела, как горит мой рюкзак с окровавленными вещами, то он бы перестал мне сниться? Теперь это уже не проверить...

Несколько дней я заикливалась на этой мысли. Потом снова полезла в интернет. На этот раз я решила найти психолога. В фильмах часто показывают, как люди со своими проблемами идут к мудрой тетеньке и та, как рукой снимает все тревоги и печали с души. В моем случае меня отпугнули сразу две вещи: во-первых, ценник практикующих психологов в Измайловске. Это ж просто с ума сойти можно увидев, сколько стоит один прием! Похоже, именно поэтому приемы у психолога мне светят только в фильмах.

А второй причиной, по которой я не решилась записаться даже на первое бесплатное пробное занятие, было то, что мне совершенно не хотелось рассказывать постороннему человеку о своих переживаниях и проблемах.

Так прошли две недели... Давид больше не появлялся. Даже не звонил. А я ждала. Да как бы мне ни хотелось это отрицать, я очень хотела его хотя бы увидеть через кухонное окно. По этой причине бабушка стала меня подозревать в чем-то и однажды спросила, кого я постоянно выглядываю. А я даже не отдавала себе отчет в том, что бывало по полчаса стою, уткнувшись в серые лужи, увеличивающиеся в размерах прямо на глазах; или считаю листья, сорвавшиеся с ветки напротив моего окна...

С каждым днём листьев становилось всё меньше. А вместе с ними улетучивалась моя надежда еще хоть раз увидеть Давида. Наши пути разошлись и больше не пересекутся. Повторяя эту мантру каждый день, я потихоньку начала её принимать и смиряться с неизбежным.

— Ась, может всё-таки подвезти? — спрашивает Ника, которую сегодня после занятий забирает отец. — Такой ливень! Ты даже до остановки не добежишь — промокнешь.

Утром я поленилась взять зонтик, который бабушка усиленно совала мне в руки. Думала, что пронесет и не придется таскать его с собой. Но сейчас корю себя, что не послушала бабулю.

— Спасибо, Ник. Но давай вы меня до остановки подкинете, а дальше...

Договорить я не успеваю, потому что прямо на крыльце нашего вуза передо мной возникает... Давид. Он стоял под зонтом и в ту секунду, когда я его увидела, поднял глаза и миг оказался рядом.

— Привет, — черные глаза смотрели с такой теплотой, что я просто задохнулась очередным вдохом и не сразу сообразила, что нужно ответить.

— Ась, я пойду, папа уже подъехал.

— Я тоже иду, — мне надо бежать от этого парня, и как можно скорее.

— Асья, подожди, — Давид берет меня под локоть и затягивает под зонтик. Я вижу периферийным зрением, как, сверкая подошвами своих кроссовок, моя подруга стремительно уносится к машине на парковке, лишь раз обернувшись на ходу и едва заметно мне подмигнув. — Я хочу поговорить с тобой. Пожалуйста, позволь я тебя подвезу.

Мы стоим под черным мужским зонтом очень близко друг к другу, пространство словно сомкнулось вокруг нас. Капли дождя гулко колотятся о ткань над головой, а мне кажется, что они просто вторят ритму моего сердцебиения.

— О чем поговорить? — севшим голосом отзываюсь, пряча глаза, чтобы скрыть неловкость момента.

— Пойдём в машину.

Не отпуская моей руки, Давид ведет меня к пассажирскому сиденью. Усаживает так бережно и осторожно, стараясь, чтобы ни капля на меня не попала, будто я сахарная и могу растаять от воды.

И снова этот потрясающий и такой знакомый запах мужского парфюма в салоне... Вдыхаю его полной грудью, пока хозяин машины обходит её вокруг, чтобы занять место водителя.

— Так о чем ты хотел поговорить? — нарушаю тишину, когда мы уже несколько минут едем молча.

— Ась, подожди немного, пожалуйста, тут такое движение из-за дождя, не хочу отвлекаться от дороги, — говорит Давид, впервые сократив моё имя. Прозвучало так просто и уютно, что я даже опешила на некоторое время и действительно несколько минут прокручивала в голове сказанную им фразу, словно смакуя любимое блюдо.

— И всё-таки, — мне не терпится услышать то, что хотел сказать мне парень. — Мы уже отъехали от центра, теперь ты можешь говорить?

— Ася, мне не так просто сформулировать всё, что я собирался тебе сказать, — Давид очень волнуется: вцепился в руль двумя руками, даже подался немного вперед, при этом ни разу не повернувшись в мою сторону.

— Ты же адвокат, — с усмешкой почему-то начинаю язвить, — проблемы с красноречием у вашего брата можно записывать в профессиональные травмы.

Давид шутку не оценил, одарив меня хмурым взглядом. Да я и не уверена, что шутила, а не издевалась.

— Ну в самом деле! С чего вдруг тебе понадобилось так срочно со мной поговорить? Что такого могло произойти? Две недели не хотелось разговаривать, а тут вдруг такая срочность!

Да, Остапа понесло... Вывалила на него нерастраченную энергию последних дней.

— Ася, кто тебе сказал, что я не хотел с тобой разговаривать? — пытается вставить ответ на какой-то из моих вопросов парень, отвлекаясь от дороги.

— Никто не сказал, — в запале чуть не кричу в ответ. — Кто бы мне мог об этом рассказать? Наверное, если бы хотел, то кто-то что-то рассказал: позвонив или написав!

— Не всё так просто... — мне же не показалось и это Давид сейчас зарычал?

— А мне кажется, что как раз наоборот — всё элементарно: ты не захотел связываться с глупой бедной студенткой. Это же очевидно, почему ты боишься произнести это вслух?

— Ася! — Давид резко повышает голос, пытаясь перекричать меня, чтобы прервать поток моих обвинений, но в этот момент случается совершенно непредвиденное. То ли от резкого движения в мою сторону, то ли погодные условия сыграли злую шутку, но когда руль поворачивается вместе с водителем, нас резко разворачивает и куда-то уносит. Я вижу одни лишь мелькания за мокрым лобовым стеклом. Всё происходит настолько быстро, что успеваю только вскрикнуть, а потом толчок и звуки смолкают...

Открываю глаза и первые секунды совершенно не понимаю, где нахожусь. Обвожу глазами сначала потолок в желтых разводах и довольно крупных трещинах, а затем осматриваю обстановку вокруг себя.

Большая комната с выкрашенными в два цвета стенами и три кровати. Я в больнице. Кроме меня здесь находится целая толпа людей, и всем им нет совершенно никакого дела до меня. Слыша обрывки фраз, понимаю, что это обычный день в обычной палате — посетители, больные — все суетятся, что-то друг другу передают, о чем-то расспрашивают или наоборот эмоционально рассказывают. Меня словно нет.

Поняв, что никому здесь неинтересна, я вдруг вспоминаю, почему вообще здесь оказалась — я же в аварию попала! Мы попали! С Давидом!

Где Давид???

Пытаюсь встать и чувствую боль в левом колене. Неприятно, но не смертельно. Тут же обращаю внимание, что на мне надета какая-то хлопчато-бумажная сорочка простого пошива, видимо, выданная в этом же учреждении. Поднимаюсь, в процессе ощущая, что с плечом тоже есть какая-то проблема.

Очевидно, мои непроизвольные стоны привлекли внимание окружающих, и, когда я уже была на ногах и направлялась к выходу из палаты, какая-то женщина в пестром халате, судя по всему, моя соседка, преградила мне путь.

— Дитё, ты куда собралась? Тебя ж недавно совсем привезли после операции!

Я округляю глаза, пытаюсь понять, что мне оперировали, и почему я этого не чувствую.

— Та это не её оперировали, Петровна, — лениво встревает в разговор другая постоянщица, вольготно расположившаяся на своём спальном месте с кроссвордами в руках. Возле неё не было посетителей, но было понятно, что недостатка в посещениях она не испытывала, так как вся её тумбочка была заставлена самой разнообразной снедью. От вида фруктов и булочек меня сразу начинает подташнивать — сколько я не ела сегодня? А мне ведь нельзя долго быть без еды — сахар тут же реагирует на пропуск приема пищи. — Это хахаля ейного, — от этих слов у меня всё внутри переворачивается. — Ты когда на процедурах была, — обращаясь к Петровне, продолжает женщина, — медсестра её привезла и сказала, чтобы сообщили, когда очнется.

— А, ну раз тебя не оперировали, и ты сама ходишь, — мгновенно теряя ко мне интерес, говорит первая, — то иди тогда сама к старшей медсестре. Предпоследняя дверь справа.

Палата снова возвращается к состоянию улья, а я ковыляю в поисках предпоследней двери.

— О, Васильченко, очнулась, — мазнув по мне равнодушным взглядом, произносит эффектная блондинка, сидящая в заветной комнате во главе стола. Помимо неё здесь еще двое молодых девушек в медицинских костюмах. Видимо, у них сейчас время чая, потому как стол заставлен чашками и блюдами с вкусняшками. У меня начинает кружиться голова.

— Я Василькова, — почему-то шепотом отвечаю. — Можно мне мою одежду? — хочу добавить: «И вон то печенье», но сдерживаюсь, желая поскорее узнать, что с Давидом.

— Твою одежду забрали родственники, поэтому звони им сама и узнавай, — она собирается продолжить оборванный мной разговор с коллегами, но я не намерена отступить.

— У меня нет телефона, — пишу из последних сил, — наверное бабушка его забрала...

— Не знаю, бабушки точно не было, — вдруг ошарашивает меня медсестра. — Арин, не помнишь, вещи её кто забирал?

— Девушка вроде какая-то, — я в растерянности пытаюсь понять, кто бы это мог быть?

— Наверное, моя одногруппница, Вероника, — произношу вслух, но меня снова вновь разубеждают.

— Не знаю, как её зовут, но на одногруппницу не сильно похожа. Она хоть и симпатичная, но ей точно ближе к тридцати, чем к институту, — усмехается та самая Арина. — И она вроде нерусская. На армянку похожа...

— Васильченко, иди уже в палату. Твоя родственница и так два часа от тебя не отходила, она наверное в туалет вышла, а ты возьми и очнись. Поди ищет уже тебя!

Я возвращаюсь в свои временные больничные апартаменты в надежде, что там встречу ту таинственную армянскую родственницу и узнаю наконец, что с Давидом. А заодно заберу свою одежду. Однако палата встречает меня практически тишиной. Посетители двух моих соседок ушли, и, очевидно, вместе с самими больными. Только самая «знающая» осталась. Неизменный кроссворд всё так же находился при ней.

— Деточка, что-то ты совсем худо выглядишь, — говорит она, переключая внимание на меня. — Ты с медсестрой говорила? Может, тебе укол какой сделать надо?

— У меня сахар, наверное, упал, — отвечаю с одышкой и присаживаюсь на край кровати. — Вы простите мою наглость, но не могли бы вы дать мне что-нибудь поесть? Я вам обязательно отдам, как только мне вернут мою сумку. Там есть деньги...

Договорить я не успеваю, женщина вскакивает со своего места и начинает яростно копошиться в своих припасах.

— Какие деньги! С ума сошла! — между делом кричит она. — У тебя что, диабет? — подходит к моей кровати, где я сижу оперевшись руками, чтобы не упасть. На её вопрос просто киваю, принимая тарелку с булочкой и бутербродом, видимо, совсем недавно приготовленным для себя. — Кушай, детка. Сейчас тебе чаю налью. Или, может, кефир будешь?

— Спасибо вам большое, — проговариваю прежде чем дрожащими руками поднести бутерброд ко рту.

Прожевав первый кусок, видимо, возвращаюсь в сознание, ибо приходит паника от мысли, что бабуля не знает, где я и что со мной.

— Пожалуйста, могу я позвонить с вашего телефона? — прошу сердобольную соседку. — Моя бабушка, наверное, ужасно волнуется...

Дважды просить не приходится, женщина бросается к своей кровати и уже через пару секунд протягивает мне свой телефон. И тут засада. Я не помню наизусть ни одного номера! Собираясь взвыть от отчаяния, я отвлекаюсь на вошедшую в палату... тётю Анаит.

— Спасибо вам большое! — искренне благодарю молодую женщину, когда слышу от неё рассказ о том, как мы с Давидом поступили в больницу, и, поняв, что именно о ней говорили медсестры как о моей родственнице. — Но где Давид? — по поведению тети Анаит чувствую, что самого страшного не случилось.

— Он в реанимации, — после небольшой паузы, словно собираясь с духом, произносит она. — Поступил еще в сознании, врачи говорят, что всё время спрашивал о тебе. Видимо, на адреналине держался. Боялся, что ты ... умерла... — девушка делает очередной вдох. — А когда ему сказали, что ты просто без сознания, и с тобой всё хорошо, он отключился.

— Анаит, что с ним? — мой голос дрожит, слова проговариваются шепотом, сквозь сжатое спазмом горло.

Тётя отвечает не сразу. Слова ей тоже даются с трудом.

— У него множественные переломы и травмы... — она всё-таки не может сдержать слез. — Подушки безопасности спасли его... Не понимаю, как это могло случиться с Давидом... Он ведь очень аккуратный водитель...

Слёзы застилают и мои глаза. Это я виновата! Я его отвлекала своими претензиями! Своими глупыми упреками и выяснениями!

Когда я переодеваюсь и пишу отказ от госпитализации, мы идём с Анаит на улицу. Здесь небольшой парк со скамейками. Погода, на редкость, теплая для ноября. Под большим раскидистым деревом с почти облетевшей листвой садимся, чтобы еще поговорить.

Я не спешу домой. Оказалось, Анаит сразу же позвонила моей бабушке и успокоила её, что со мной всё в порядке. А я, как только взяла у неё свой телефон, еще раз развеяла все сомнения по поводу своего самочувствия. Теперь для меня самое главное — Давид. Он где-то здесь, в стенах этого большого пятиэтажного здания. Да, он без сознания, но здесь. И я хочу быть рядом...

— Анаит, — обращаюсь к девушке, которая практически сразу попросила меня называть её именно так и на «ты», — может, тебе нужно пойти к семье? Они не будут против того, что ты со мной сейчас?

— Может и будут, а может и нет, — хмыкает она. — Никогда не угадаешь, что понравится кому-то, а что — нет. Я устала постоянно думать и взвешивать свои поступки на весах мнения моих родственников.

— Странно, мне показалось, что в вашей семье очень дорожат традициями и устоями, — это я так тонко намекнула, что у Анаит вообще нет права голоса в её семье.

— Да, тебе не показалось... — с грустью соглашается. — Понимаешь, наша семья переехала в Россию очень давно, еще до моего рождения. Дедушка Самвел сначала учился в Союзе в мединституте, а по окончании приехал сюда с бабушкой и маленьким Ашотом, моим братом и отцом Давида, по распределению. Они жили здесь в армянском районе, — видит моё недоумение. — Да, в Измайловск часто присылали армян, у которых уже были семьи, и давали квартиры в одном строящемся районе. Так и возникло там своеобразное армянское поселение. Мы даже в школу ходили, где процентов восемьдесят учеников были армяне.

— Постой, вроде бы бабушка говорила, что есть такой район — «Арарат». Но это название знают только местные, официально оно нигде не записано.

— Да, именно. Это и есть тот район, где выросли мы с Давидом и Каринэ. Ты, наверное, заметила, что у нас даже акцент есть, в отличие от Лали?

— Да, Лали говорит по-русски очень чисто.

— Это потому что, к её рождению мы переехали в тот дом, где ты уже была. Лали росла в другой среде, ходила в русскую школу. А мы нормально русский начали учить только когда пошли в первый класс.

— Вам очень повезло — большая семья, в которой всегда помогут и поддержат... — мне вспомнилось мое детство. — Я долгое время была единственным ребенком в семье. У нас с младшей сестрой разница почти 10 лет, и мне всегда не хватало общения: родители были сначала заняты работой, а я жила у бабушки. После рождения Арины всё внимание было на ней и её здоровье. Сестра с детства была слабенькой, болезненной, и папа с мамой

как будто забыли о том, что у них есть еще я. Вспомнили они обо мне, когда у меня выявили сахарный диабет в двенадцать лет.

Я не заметила, как разоткровенничалась с этой, по сути, совершенно посторонней девушкой. Наш разговор протекал настолько легко и естественно, что мы совсем забыли о времени и где находимся. Вернулись в реальность мы совершенно неожиданно.

Ко входу в больницу подошел человек в черной мантии и с огромным крестом. Вид священников всегда пугал меня. Впервые я увидела «попа», как назвала тогда его мама, на похоронах бабушки. Плач и ужас происходящего наложились на образ человека с бородой и в странной одежде. Потом я была на Крещении Аринки, и плакала, когда уже другой «поп» окунал мою кричащую крохотную сестренку в большой чан с водой. Я думала, что ей не нравится в той воде: может она слишком холодная, или мужик с бородой чересчур грубо её держит. В общем, второе знакомство также не задалось. А потом начались походы на кладбище, когда родители решили, что я уже достаточно взрослая и готова познакомиться с этой стороной жизни. В общем, там тоже всегда были священники, и они опять ассоциировались с горем, утратой и смертью. Поэтому увидев сейчас церковнослужителя, я впала в ступор, активно начинающий граничить с ужасом.

— Анаит, это же не к Давиду? — дрожащим голосом прошептала, указывая на открывающего двери довольно молодого батюшку.

— Ой, к нему, — почему-то радостно воскликнула тетя и тут же подскочила, ринувшись туда, куда вошел незнакомец.

Пока я плелась следом, меня начало трясти. Анаит почти бежала и, видимо, не замечала моего состояния. Когда мы дошли до входа в реанимацию, то я только успела увидеть, как черная мантия скрылась за дверями «Посторонним вход воспрещен», и грохнулась в обморок.

Отвратительный запах заставил сначала отвернуться, а затем только открыть глаза. Надо мной было незнакомое лицо какой-то медсестры, тыкающей мне ватку с нашатырем, а чуть позади — обеспокоенное Анаит.

— Ася, может ты зря отказалась от госпитализации? — спросила тетя Давида. — Ты сознание потеряла, может у тебя сотрясение...

— Нет, со мной всё хорошо, — быстро отвергла догадки и попыталась занять вертикальное положение. — Как Давид? Что с ним случилось? Почему к нему пошел священник?

Я крутила головой, чтобы понять по лицам, окружившим меня родственников парня, в каком он находится состоянии. Неужели всё так плохо?

— Никаких изменений нет пока, — ответила всё та же Анаит, — а священник — это друг и одноклассник Давида. Ему разрешают проходить в реанимацию. Скоро он выйдет, я вас познакомлю.

Прозвучало, как минимум, странно. Мои сложившиеся годами стереотипы и ассоциации в голове кричали, что я не хочу этого знакомства. Но спокойный и даже немного радостный вид Анаит вселял какую-то надежду и уверенность. Ладно, в конце концов, это ведь не просто «поп», это друг Давида. Попробую так его и воспринимать.

Следующие полчаса прошли в мучительном ожидании. С Анаит мы почти не говорили, потому что были под прицелом грозных глаз мамы и старшей сестры Давида Каринэ. Отец постоянно куда-то уходил, решая какие-то вопросы, но, как я поняла после, все эти

проблемы были придуманы лишь с одной целью — занять себя хоть чем-то, чтобы не сойти с ума от неизвестности и отсутствия каких-либо новостей. Наконец, дверь реанимации открылась, и вышел тот, кого мы с Анаит так долго ждали.

Среднего роста парень, с не очень густой светло-русой, как и он сам, бородой. Но главное, что привлекло моё внимание — глаза этого человека. Они улыбались. Голубые, и добрые, они лучились светом и теплом и как будто говорили: «Всё будет хорошо».

— Отец Тихон, — подбежала к нему Анаит, протягивая сложенные одну на одну ладонки. Священник быстро перекрестил её всей кистью, а потом положил её повернутой ладоней. Анаит наклонилась и... поцеловала его руку! Я впала в ступор. Мне что тоже нужно руки ему целовать? Может, обойдётся? А может, это благодарность за то, что он пришел к Давиду?

Пока я настраивала себя перебороть брезгливость и гордость, чтобы прикоснуться губами к руке незнакомого мужчины, я увидела еще более поразившую меня сцену. Как только Анаит поцеловала руку, этот отец Тихон, обнял её и они поцеловали друг друга в щеку!!!

— Батюшка, это Ася, подруга Давида, — вывела меня из оцепенения тетя, подводя ко мне своего знакомого. — Они вместе были в машине во время аварии.

Я затаилась и ждала, что же нужно мне сделать, чтобы поприветствовать батюшку, даже попыталась как Анаит сложить руки, но отец Тихон радушно мне улыбнулся, перекрестил так же, как ранее Анаит, но руку на мои ладони не положил, а легко коснулся моей макушки. Я была ему очень благодарна за этот жест. Мне не пришлось заставлять себя лобызать руки, и неловкость, которая была, начала растворяться.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Всё хорошо. Как Давид? — этот вопрос был самым важным сейчас. Прозвучал он в полной тишине, ибо, родственники, находившиеся в это время поблизости, почему-то не подошли к батюшке, но ответа ждали с большим вниманием.

— Давид сейчас без сознания. Ему будут делать операцию, поэтому сняли его цепочку, — он протянул Анаит серебряную цепь с крестом, который я видела на шее Давида. — Я надел ему деревянный крестик на простом шнурочке, — он посмотрел на немного раскисшую после этих слов девушку и очень запросто обнял её за плечи, прижав голову к себе. — Всё будет хорошо. Молись, Ань.

Дальше отец Тихон говорил что-то, в чем я совершенно не разбираюсь, а я подвисла на этом «Ань». Так необычно наблюдать за общением этих двух людей. А еще меня удивило то, что уже перед тем, как проститься с нами батюшка пошутил, и вызвав искреннюю улыбку Анаит, убежал, также по дороге что-то говоря встречающимся медсестрам и, видимо, тоже поднимая им настроение, так как после встречи с ним они проходили мимо нас что-то весело обсуждая.

— Священники все такие? — задала я очень глупый вопрос, как только мы с тетей снова вышли из больницы. На этот раз Анаит вышла проводить меня к остановке.

— Я всех не знаю, — подколола меня девушка и широко заулыбалась. — Но отец Тихон, конечно, особенный, — мы неспеша двигались в направлении выхода, но мне хотелось дослушать про этого батюшку.

— А что в нём особенного?

— Не знаю, может, потому что я его знаю с самого детства... — словно своим каким-то мыслям улыбнулась девушка и, ненадолго задумавшись всё же начала рассказ.

Я была поздним ребенком, мама родила меня в 41 год, когда старший брат уже успел жениться. Мы с Давидом учились в одной школе, как ты понимаешь. Там-то он и познакомился с Тихоном. Они были одноклассниками. Отец Тихона — священник, и в семье их восемь детей. Семья их очень гостеприимная, все друзья, одноклассники постоянно были у них дома. Давид очень сдружился с Тихоном, целыми днями пропадал в их семье. Поначалу родители не волновались, а даже радовались тому, что мой племянник в хорошей компании — не пьет, не курит, не занимается глупостями. В общем, так продолжалось примерно класса до седьмого. А потом Каринэ случайно (или неслучайно) увидела, что Давид заходит в русскую церковь, где служил отец Тихона.

Когда она пришла жаловаться на брата родителям, то отец вообще не собирался вмешиваться, сказав, что не видит ничего криминального в этом, ведь армянская церковь тоже православная и разницы особой нет, в какой храм будет ходить Давид. Но Каринэ пошла в наступление и очень яростно стала обвинять Давида в отступлении от традиций, нарушении каких-то правил и чуть ли не в предательстве своего народа. В итоге, мама приняла её сторону и выговорила всё Давиду, запретив ему ходить в русскую церковь, а отец, у которого он просил поддержки, просто умыл руки, оставив мать и сына самих разбираться в ситуации. С тех пор у Давида и Каринэ пошли размолвки, — вздохнула Анаит.

— То есть они поссорились с сестрой из-за церкви? — я не могла скрыть удивления.

— Нет, если уж на то пошло, они и до этой ситуации не особо ладили... А после этого случая отношения совсем стали холодными. Давид, кстати, не перестал ходить в русский храм. Наоборот. Стал постоянным прихожанином. Я тоже иногда прихожу на службы. Но не хочу накалять ситуацию, поэтому иногда захожу и в армянскую церковь. В общем, всё сложно, — улыбнулась Анаит, а в следующую секунду задумалась и как-то странно посмотрела на меня. Я почувствовала, что она хочет что-то сказать, поэтому затаилась, чтобы не спугнуть и вся обратилась во внимание. — Да, нет, этого не может быть...

— Что? Чего не может быть? — аккуратно пыталась поинтересоваться я, но...

— Нет, прости, ничего. Это я так, задумалась, — уклончиво проговорила девушка и быстро со мной распрощалась.

Что она хотела сказать? Почему так посмотрела на меня, будто впервые увидела?

Я завтра непременно узнаю ответ на этот вопрос.

«Без изменений»...

Говорят, отсутствие новостей — уже хорошая новость. Наверное, так бывает. Но не в нашем случае.

Давид уже неделю лежит без сознания. По итогам первых операций врач сказал, что успешность их будет понятна в течение первой недели. И вот сегодня седьмой день...

Всю неделю я каждый день приезжала в больницу. С каждым днем напряжение между мной и семьёй Давида только нарастало. Вчера я не стала подходить к отделению интенсивной терапии, чтобы не провоцировать скандал. А то, что его было не миновать, чувствовалось еще накануне.

Мама Давида первые дни разговаривала со мной нехотя и отвечала «сквозь зубы». Каринэ с первого дня игнорировала моё присутствие. Но когда после операции Давид так и не приходил в себя, я чувствовала в свой адрес уже не просто неприязнь, а самую настоящую ненависть.

Даже Лали и отец свели разговоры со мной к минимуму. Исключением была лишь Анаит. Мы много говорили с ней, и помимо рассказов о Давиде, с которым они, как оказалось, были очень близки с самого детства, тетя поведала мне и свою историю.

Неожиданностью для меня стало то, что эта симпатичная девушка, оказывается, уже была замужем!

— Я была «последышем», как все меня называли. Маме на момент моего рождения уже было за сорок, а отцу почти пятьдесят. Папа особенно волновался за меня, боялся, что умрет, оставив дочь «не пристроенной».

Анаит говорила всё это с огромной болью, мне даже было жаль её, хотелось сказать, чтобы она не продолжала, если ей так трудно даются воспоминания. Но я не прервала девушку. Может быть, выговориться малознакомому человеку — это как раз то, что ей нужно сейчас, чтобы стало легче...

— В общем, когда мне было всего семнадцать, и он в очередной раз заболел, то решил, что «пора». И уже спустя два месяца я шла под венец с сыном его давнего «хорошего знакомого», — усмешка пропитанная горечью вырывается из её уст. — Отец решил, что скоро умрет, поэтому хотел устроить мою судьбу, выдав замуж за серьезного, обеспеченного парня...

— То есть, твоего мнения не спросили даже? — не могу сдержать удивления.

— Я пыталась сопротивляться, насколько могла в своём возрасте, но отец принимал моё нежелание вступать в брак за девичью блажь, глупость, детские капризы. Он говорил, что это пройдёт, и я потом буду благодарна, живя сытой жизнью за каменной стеной. Кстати, так почти и вышло — каменная стена у меня действительно была. Даже две! Восемь лет я жила с «камнем» и за огромным кирпичным забором...

Я обнимаю Анаит, когда чувствую, что ей требуется передышка в рассказе. Девушка, очевидно, не всё мне расскажет — самое плохое она переживает внутри себя в эти самые минуты, когда тихо плачет, уткнувшись в моё плечо.

— Знаешь, я ведь согласилась с отцом, купилась на заверения, что буду жить как королева и ни в чем не нуждаться. Я тогда вспомнила своих подружек, которые мечтали выйти замуж за богатого и жить в своё удовольствие. Решила, что раз это нужно всем, то и

мне сгодиться для счастья. Первый месяц почти каждый день постила фоточки в соцсети, хвасталась нарядами, цветами и ужинами в ресторанах.

— Получается, что поначалу всё было хорошо? Почему тогда всё изменилось?

— Спустя примерно полгода после свадьбы мне надоело сидеть дома и быть куклой, которую муж берет с собой «на выгул», чтобы похвастаться перед деловыми партнерами. Мне хотелось какой-то деятельности. Я стала подбирать вуз, чтобы продолжить учебу, так как замужество моё случилось сразу после школьного выпускного и следующий год был потерян. Но муж, случайно заглянув в мой ноутбук и увидев, что я интересуюсь университетами, впервые наорал на меня и категорически запретил учиться.

Я в тот день долго не могла прийти в себя, словно увидев в муже другого человека. Успокоила себя тем, что это был единичный случай и, возможно, результат рабочих неурядиц. Но всё очень быстро повторилось. В следующий раз ему не понравился мой разговор с подружкой по телефону. Что именно его не устроило, я так и не поняла, мы говорили о наших одноклассниках, как он ворвался в спальню и выхватив смартфон, грохнул его об стену. В тот день мне показалось, что он и меня ударит, но обошлось. И тоже ненадолго.

В общем, у него, похоже, слетели тормоза, и вышел наружу он настоящий. С тех пор его могло вывести из равновесия даже одно слово, сказанное «не под настроение». Я стала тенью. Ходила по дому на цыпочках, когда он возвращался с работы, подбирала слова, стараясь говорить только на отвлеченные темы.

А дальше стало совсем невыносимо. Я начала поправляться. Долго не могла понять, в чем дело, что со мной происходит. Начала даже заниматься в спортзале, но чувствовала постоянный отток сил. В итоге полезла в интернет и нашла ответ — это стало результатом приема противозачаточных таблеток, которые он с первого дня нашего брака заставлял меня принимать. Он не хотел детей категорически. А на людях только и твердил, что ждёт-не дождет наследника. Сволочь, постоянно намекал всем, что дело во мне.

Время семейных праздников, когда мы собирались или в доме его родителей или ехали к моим, было отдельной пыткой. Там он перевоплощался в такого идеального мужа, что мои незамужние родственницы мне завидовали, а замужние проклинали за то, что я не ценю своего счастья...

— Он бил тебя? — почему-то этот вопрос вырвался сам собой, когда я уже поздно поняла, что, вероятно, не стоило его задавать.

— Бывало, — на удивление быстро и просто отвечает Анаит. — Но больше уничтожал морально. Из-за лишнего веса постоянно говорил, насколько я отвратительна и противна ему. Он перестал спать со мной в одной комнате, выгнав меня в комнату для гостей. На тот момент я даже была не против. Но только вот мои надежды на то, что с переселением меня оставят в покое, увы, не оправдались. Редко, но он всё же заходил ко мне...

Анаит очень красноречиво молчит. Я не хочу подробностей. Не хочу слышать вслух того, что и так читается в её красивых черных, как у Давида, глазах....

— А что же родители, ты им рассказывала об этом. Хотя, — я вспоминаю, что Анаит говорила об отце, — отца уже наверное не было на этом свете в то время? Поэтому тебя никто не защитил?

— Самое смешное, что отец, выдав меня замуж, словно камень с плеч сбросил и прожил еще восемь лет. Говорить ему о наших взаимоотношениях я бы никогда не осмелилась. Даже не сомневаюсь, что он меня бы и слушать не стал. После его смерти я и смогла

развестись, — снова горькая усмешка. — На самом деле, я говорила об отношении мужа моей маме, но она не принимала мои слова всерьез. Однажды, даже сказала, что я преувеличиваю и вообще, наши семейные дела касаются только нас двоих, и ни к чему посвящать в них еще кого-то.

— А брат? Дядя Ашот тоже не смог тебя защитить?

— Ашот тогда был очень занят работой и семьей. Ему было не до меня. Моим спасителем стал Давид.

От неожиданности меня даже бросило в жар. Имя парня стало для меня в последнее время значить очень много.

— Он единственный, кто случайно услышал наш разговор с бывшим мужем на кухне во время очередного семейного застолья, и сразу встал на мою сторону.

— Но Давид ведь моложе тебя, а ты говорила, что муж был намного старше? Неужели он смог противостоять взрослому мужчине? — на самом деле, я нисколько не сомневаюсь в положительном ответе, но мне хочется знать подробности счастливого финала этой истории.

— Да, ему тогда было всего двадцать три года. И он тогда был совсем не такой подкаченный как сейчас, — наконец-то промелькнуло подобие улыбки на красивом лице. — Однако Давид тогда очень хорошо отделал моего бывшего. Даже не смотря на полный дом родственников, он развязал такой скандал, что меня сразу же забрали в родительский дом. Даже в суд при разводе Давид пошел со мной. Если бы не он, я бы наверное не выдержала всего этого кошмара...

Анаит умолкает. Я люблю её. Красивая, умная, добрая... Почему же судьба поступила с ней так несправедливо?

Мой вопрос словно повисает в воздухе, как вдруг я слышу на него ответ.

— Я ни о чем не жалею, — просто ужасает меня сказанная девушкой фраза. — Да, это были ужасные годы, но за это время я смогла многое переосмыслить. Например, то, что счастье вовсе не в деньгах. Благодаря своему неудачному браку я больше никогда не завидую красивым фото в соцсетях. Мой бывший муж до последнего заставлял меня вести профиль и поддерживать иллюзию счастья для подписчиков.

Для меня это тоже открытие, ведь действительно, я всегда завидовала тем, кто выставляет фото своей красивой жизни.

— Я стала ценить свободу. Право выбирать и самореализовываться. До замужества я не хотела учиться, была рада, что не нужно поступать в вуз, как другим моим одноклассникам. Потом же я всей душой мечтала об этом.

И самое главное — я обрела веру. Здесь, конечно, большую роль сыграл Давид и его друг Тихон, но если бы не мучения в браке, я бы наверное так и относилась к их вере, как к какому-то хобби в свободное время.

— Анаит, а почему не Армянская церковь? — я совсем не разбираюсь в отличиях Армянской и Русской Церкви, никогда не задавалась этим вопросом, а сейчас вдруг мне стало интересно, почему для девушки это имеет значение.

— На самом деле, для меня различия большого нет. Бог есть и там, и там. Вера у нас тоже одинаковая — Православие. Просто так уж вышло, что когда я была на грани, и от самой главной черты меня отделял один единственный шаг, то вытянул меня именно отец Тихон. И привел в свой храм в честь иконы «Нечаянная радость». Он стал для меня «островком безопасности». Только там я находила успокоение и надежду. Там я знала, что

не одна, что меня слышат. Кстати, вскоре и случился тот скандал, в результате которого я стала свободной, и говорить о том, что это совпадение, будет с моей стороны настоящим свинством.

Анаит улыбается. А у меня внутри возникает мысль, которая не дает мне покоя. Я всю неделю пыталась спросить об этом, но так и не смогла подобрать удобного случая.

— Анаит, неделю назад ты что-то недоговорила мне. Что ты хотела сказать тогда?

Девушка поворачивается ко мне, и я вижу — она прекрасно понимает, о чем я её спрашиваю. Но Анаит молчит.

— Я думаю, это связано с отношением ко мне вашей семьи. Я права? — пытаюсь вытянуть из неё слова, чтобы подтвердить свою догадку.

— Да, Ася, ты очень проницательная девушка. Очень честная и открытая. Думаю, что во многом благодаря этому Давид и потянулся к тебе...

— Но? — чувствую, что именно это «но» сейчас должно прозвучать.

— Но ты русская, — звучит как приговор. — Я думаю, что Мариам и Каринэ больше всего боятся, что, женившись на тебе, он окончательно перейдёт в Русскую Церковь...

Да. Мои подозрения подтвердились полностью. Теперь понятно, почему они так вели себя со мной при первой встрече.

Анаит зовут к машине, чтобы отвезти домой, а я еще какое-то время сижу на той же скамейке под опавшим кленом.

И вдруг меня осеняет совершенно неожиданная идея. От уверенности в её правильности, я даже вскакиваю на ноги и порываюсь бежать. Но выйдя из ворот больницы, вдруг понимаю, что не знаю, куда. Хватаюсь в панике за телефон, но смутно помню название, которое хочу ввести в навигатор. Набираю похожие слова, но поиск выдает какую-то сумятицу...

Подхожу к прохожим, но то ли из-за неправильно произнесенного мной названия, то ли из-за того, что это место находится не в этом районе, и никто не знает его, но помочь мне никто не может.

Впервые чувствую какую-то необъяснимую ясность происходящего. Ощущаю незримую руку, ведущую меня. Однако, когда за очередным поворотом не вижу его, вдруг поддаюсь унынию. Может, мне показалось, и никто не вел меня, а это лишь плод моих фантазий, навеянных разговором с Анаит?

Останавливаюсь, пытаюсь собрать разлетевшиеся в разные стороны мысли, и поднимаю голову к небу — туда, где возможно Кто-то есть.

«Если Ты слышишь меня, — шепчу одними губами, — если Ты есть, помоги мне!»

В чем мне нужно помочь, я не говорю. Да я и не знаю, о чем прошу. Мне нужен только маленький знак. Я готова его увидеть. Я готова поверить.

В следующую секунду я слышу колокольный звон...

— Девушка, вы вообще-то в храм пришли, а не на дискотеку, — слышу за спиной резкий ядовитый скрип. — Щас еще к образам ползет с покрашенными губами! Вот искушение!

Я повернулась, чтобы посмотреть, кто так активно напрашивается со мной на диалог, и увидела бабуся в длинной в пол юбке и пестром платке. Лицо выражало осуждение, неприязнь и какое-то осязаемое чувство превосходства. Захотелось тут же отвернуться и бежать отсюда без оглядки.

И я бы так и сделала. Но не сегодня. Я не уйду. В этот момент я совершенно четко решила — даже если сто бабок будут гнать меня и тащить за ноги из храма, я обязательно вгрызусь зубами ... да хоть в этот порожек, истоптанный посередине. С боков тут как раз есть хорошие выступы...

— Зинаида, — отвлек меня от осмотра удобных мест для захвата знакомый голос. Сейчас он звучал так строго, что захотелось выпрямиться по команде «смирно». Отец Тихон стоял в дверях в сером «платье» и накинутой поверх кожаной куртке.

— Да, батюшка, — елейным голосом пропела та самая Зинаида, которая на глазах преобразилась в божий одуванчик и засемила в сторону священника.

Я так и осталась стоять на месте, выжидая, пока отец Тихон поговорит с женщиной, чтобы хотя бы поздороваться.

— Анастасия? Так ведь вас зовут? — спустя минуту батюшка уже приближался ко мне и очень радушно улыбался.

— Ася, — поправила его, подумав, что он не запомнил моего имени.

— Я знаю, что вы Ася в обычной жизни. А как вас крестили? Каким именем? Обычно Ась именуют по-церковному Анастасиями.

— Нет, я Анисия, — вспомнила я своё «второе» имя. — Меня в честь прабабушки крестили.

— Ваша прабабушка была святой? — скептически улыбнулся отец Тихон.

— Не знаю, я её плохо помню, — откровенно отвечаю, — но говорят, была доброй и милосердной.

— Простите, я просто пошутил, — останавливает меня он. — Вы сказали, что вас крестили в честь бабушки, но в церкви дают имена только в честь какого-либо святого, поэтому я и задал такой вопрос. Не берите в голову.

Батюшка примирительно улыбается, словно извиняясь, когда до меня, наконец, доходит смысл его слов.

— Ася, вы простите, я не могу сейчас долго говорить, меня ждут на отпевании. Я попрошу Зинаиду вам помочь...

При упоминании божьего одуванчика, у меня мороз пробежал по коже и я чуть не вскрикнула «не надо!!!», как отец Тихон в очередной раз рассмеялся.

— Я пошутил, — шепотом проговорил он. — Зинаиду беру на себя, — батюшка подмигнул мне и уже почти выбегая из храма, на ходу бросил в сторону подсвечника, где усердно ковырялась бабулька, — Зинаида, радость моя, поможете мне сегодня попеть на панихиде?

Бабулька оживилась и, еле скрывая счастливую улыбку, задрал голову, величаво протопала на выход, всем своим видом говоря: «Вот, смотрите все: меня батюшка лично

пригласил петь», и скрылась за дверью. И сразу стало как-то легче дышать.

Хоть в храме помимо меня было еще несколько человек, но для меня вдруг наступил момент, когда я перестала видеть и слышать кого-то еще. Это чувство появилось тогда, когда я подошла к иконе Спасителя. Большой образ Иисуса Христа был расположен на одной из колонн. Глаза Бога были чуть выше моих, и я чувствовала себя маленьким ребенком, который пришел к отцу просить его о чем-то.

Я сейчас тоже пришла просить. Пришла к Отцу...

Нет ни одной связной мысли, и вместе с тем — полное ощущение того, что меня и без формулировок Он слышит.

— Девушка, так нельзя с иконой, — слышу женский голос, но уже не такой противный, как у Зинаиды. — Если хотите приложиться, нужно едва прикоснуться губами, что ж вы икону то обнимаете?!

Я и правда не заметила, как в порыве нахлынувших чувств не только разрыдалась, но и буквально прилипла лбом к стеклу, а руками обхватила деревянную раму. Мне было так хорошо в этот момент, так легко и спокойно... Показалось даже, что когда я уходила, Господь будто улыбался мне с иконы. Я поклонилась Ему ... и тоже улыбнулась в ответ.

Домой я доехала очень быстро, хотя мой район находился в совершенно другом конце города, и нужно было добираться двумя маршрутами. Совершенно не помню, кто ехал со мной в автобусе и маршрутке, не помню, как оплачивала проезд, как дошла от остановки до дома. Зато я запомнила, как красиво заходит ноябрьское солнце, как шуршит и пахнет листва под ногами. Как гармонично всё в природе дополняет друг друга...

— Асенька, как Давид? — тревожным голосом встретила меня бабушка.

Я знаю, что она тоже переживает за него, но ответа на ее вопрос у меня не было. Я лишь развела руками, в знак того, что ничего не меняется, лишь бы не произносить эту фразу вслух. Уже ждала, что бабуля начнет причитать, возвращая меня к тяжелой реальности после двух часов умиротворения, и морально готовилась поскорее закончить этот разговор. Всё равно он ничего не даст.

Меня прерывает телефонный звонок.

Анаит.

— Ася, у меня хорошая новость, — без предисловий выкрикивает мне в трубку звонкий голосок. — Давид пришел в себя!

От этих слов у меня зашумело в ушах и перехватило дыхание. Я хочу, чтобы Анаит говорила, чтобы она повторила уже сказанное, хочу убедиться, что мне не послышалось.

— Асенька, доктор сказал, что теперь всё будет хорошо! Представляешь, все врачи так удивились... Это просто чудо какое-то! — девушка на том конце говорит сквозь слезы. Я тоже не могу сдержаться, и чтобы не пугать бабушку, жестами показываю ей, что всё хорошо, и ухожу на кухню.

— Анаит, — с трудом выдавливаю слова, — скажи, когда это произошло?

Мне важен её ответ. Сейчас как никогда мне необходимо знать, когда случилось это чудо.

— Да вот только что, — шмыгая носом, отвечает девушка. — Еще и часа не прошло...

Мне больше не нужны никакие доказательства и знаки. Я просила и получила. Теперь мне нужно всё осознать.

— Могу я приехать сейчас? — да, я понимаю, что уже поздно, но желание увидеть Давида, посмотреть в его глаза, сказать ему... Мне так много нужно ему сказать...

— Ася, нет, — вдруг немного расстроено отвечает Анаит. — К нему сегодня пустили только маму, сказали, что он очень слаб и переутомлять посещениями его не стоит. Ты приезжай завтра, хорошо? Не волнуйся, теперь всё будет хорошо...

Я кладу трубку и счастливая подхожу к окну. Последние лучики еще подмигивают из-за горизонта, который теперь хорошо виден сквозь голые деревья. Завтра будет новый день. Новый рассвет. И я увижу Давида.

Проснулась я сегодня в прекрасном настроении. Проспала первую пару. Сама не поняла, как это произошло, но совершенно не расстроилась.

— Асюшка, прекрати, — смеется бабушка, когда я перед уходом набрасываюсь на неё с поцелуями и покрываю ими всё морщинистое лицо моей любимки.

Сегодня мне хочется петь и танцевать, хочется всех любить и всех расцеловать! Даже легкий морозец с утра не мешает наслаждаться счастьем, поселившимся внутри меня со вчерашнего дня.

Окрыленная, я спешу сначала в институт, а сразу после пар — в церковь. Я должна первым поблагодарить Его. Сегодня специально для Людмилы надела юбку и даже попросила у бабули платок, чтобы не навлекать на себя праведный гнев божьего одуванчика. Мне так хорошо, что я, наверное, и её могла бы расцеловать!

И вот, наконец, больница. Пробегаю хорошо знакомыми коридорами, в которых знаю уже каждый стенд и каждую трещинку на стене, и спешу в новое для себя отделение — терапию. Туда вчера перевели Давида из реанимации.

Анаит сказала, что он лежит в 32 палате, и я с накатывающим волнением считаю цифры на дверях. Дойдя до 18 номера вдруг осознаю, что при всем большом желании, нужную мне дверь я не пропущу — метрах в двадцати от меня замечаю родственников Давида, толпящихся в коридоре.

Замедляю шаг, приближаясь к компании из трёх человек. Здесь отец парня и его сестры. Лали сразу подбегает ко мне и радостно обнимает. Отец кивает и скромно улыбается. И тут происходит еще нечто невероятное — Каринэ обращает на меня внимание и... тоже улыбается мне! Вот это да! Я сначала даже опешила от её улыбки и, наверное, смотрелась глупо с вылупленными глазами и отвисшей челюстью, но потом быстро собралась и ответила ей со всей искренностью.

— Можно к Давиду? — задаю вопрос дяде Ашоту, так и не перестав сиять счастьем — сегодня просто чудесный день!

— Не думаю, — вдруг слышу ответ за своим плечом. — Вряд ли врач разрешит столько посещений в один день, — Каринэ смотрит как-то странно, но я отказываюсь это замечать и продолжаю настаивать.

— Я всего на минуточку, — прошу так, словно это старшая сестра Давида может мне запрещать или разрешать.

И в этот момент открывается дверь палаты...

Поворачиваюсь на звук с застывшей мольбой в глазах и всё ещё сияя счастьем, как вдруг натываюсь взглядом на большие раскосые черные глаза на смуглом лице. Идеальная кожа, кажется, даже светится. Слегка длинноватый нос, однако, совсем не портит красоты лица. Пухлые губы, если и подвергались вмешательствам, то очень изящно — смотрится девушка естественной красавицей. Армянской красавицей.

— Мама, как Давид? — нетерпеливо набрасывается Лали с вопросами на свою мать, которую я сначала даже не заметила позади незнакомки.

Мазнув по мне взглядом, Мариам проходит чуть вперед и, обняв за поясницу ту, с которой они только что вышли из палаты, елеинно произносит:

— С ним всё хорошо. Татевик смогла даже развеселить Давида, — имя девушки звучит

как приговор мне. — Спасибо, дочка, что ты пришла, — она чуть не целоваться к ней лезет, по-щенячьи заглядывая в глаза, — для Давида и для нас очень много значит твоя поддержка!

Ну, вот теперь всё стало на свои места. Теперь понятна мне улыбка Каринэ — она точно такая же, как у Мариам сейчас. Это не улыбка — это оскал превосходства, указатель мне на моё место. Вернее, отсутствие места возле Давида...

Расспросы о состоянии парня продолжаются, и меня вовсе перестают замечать. Проситься к нему попасть сегодня не вижу никакого смысла. Я не нужна ни там, ни тут. Эту Татевик благодарят за поддержку, хотя я ни разу не видела её в больнице за всё время пребывания тут Давида. Может, правда, разминулись... Да какая разница!

Разворачиваюсь и медленно иду по коридору на выход. От хорошего настроения осталась только тянущая боль в скулах. Нечего было так лыбиться! Шмыгнув носом, ловлю себя на том, что слезы снова растеклись по щекам. Я что, превращаюсь в нытика? Никогда ведь такой не была!

Останавливаюсь в конце коридора перед самым выходом. Вытираю слезы рукавом пальто и с силой хлопаю себя по щекам, приводя в нормальное состояние.

«Василькова! — внутренне кричу на себя. — Ты что — тряпка? С каких пор ты стала позволять кому-то вытирать о тебя ноги? Ты всегда добивалась своих целей. Сама принимала решения и несла ответственность за них. Собери свои нюни и сделай то, ради чего ты сюда пришла!».

Резкий разворот на сто восемьдесят градусов, и вот уже я, чеканя шаг, как ледокол, напролом пружу в отделение терапии. Пусть я ему не нужна. Пусть Татевик в сто раз лучше и красивее. Пусть меня будут все ненавидеть и грудью защищать дверь в палату, но я всё равно его увижу! Я должна посмотреть в глаза Давиду. Должна попросить прощения. А он должен понять, что нужен мне...

Заветный коридор. Издали высматриваю нужную дверь и... О чудо! Никого! НИ-КО-ГО-ШЕНЬ-КИ!!!

Даже не успев подумать, что родственники, возможно, сейчас внутри палаты, распахиваю дверь и практически влетаю внутрь...

Запоздало испугавшись, что могу нарваться на родственников Давида, быстро оглядываю комнату. Белые стены, кровать, тумбочка, стол и два стула, выключенный экран телевизора на стене. Посторонних нет.

Перевожу взгляд на кровать и ... тону. Пропадаю в пучине черных омутов, которые неотрывно... нет, не смотрят — поглощают меня. Замираю у самой двери не в силах не то что пошевелиться — даже дыхание замерло.

Сколько времени проходит, пока у меня получается немного оправиться от этой столько желанной и долгожданной встречи глаз, не знаю, но Давид продолжает молчать. Вместе с этим меняется его взгляд. Он словно говорит со мной без слов.

Тоска и боль вдруг сменяются решимостью, и, словно бы, злостью? Я тут же «отмираю» и делаю несколько шагов к нему.

— Давид, — голос дрожит и имя его я просто прошептала.

Только сейчас я заметила, что лицо его почти всё в сине-зеленых пятнах, а голова обмотана бинтами, из-под которых пробиваются его черные волосы. Давид поднимает ладонь в запрещающем жесте, не разрешая мне приблизиться. Его рука поднимается невысоко, видимо, это действие дается с трудом. Вторая и вовсе в гипсе выше локтя лежит на животе.

— Давид, — говорю уже уверенней, вкладывая в одно слово мольбу пустить меня к нему, но парень лишь выше поднимает руку и едва уловимо морщится. — Пожалуйста...

— Зачем ты пришла? — слышу такой родной голос, а сердце сжимается от того, что он не называет моего имени.

— Я... хотела тебе сказать...

Мысли разлетелись от его пристального строгого взгляда. Давид раньше никогда так на меня не смотрел. Холодно, колюче...

— Ты вроде бы всё мне сказала уже, — отрезает парень и в глазах всего на мгновение мелькает грусть. — Со мной всё хорошо. Если ты чувствуешь свою вину, то совершенно зря. В случившемся виновата неисправность моей машины. Я знал об этом, но вовремя не отремонтировал.

— Давид, — пытаюсь прорваться через его бескомпромиссный тон. — Я не поэтому пришла...

Конечно, поэтому, но ведь и не только...

— Зачем тогда? — удивление немного смягчает жесткость в голосе.

— Я... хотела сказать тебе... — о, Боже, как же сложно говорить о своих чувствах, как трудно признать их и признаться в них одновременно... — Давид, за это время, пока ты был здесь, я многое поняла... Я такая дура была, — слезы прорываются из глаз. — Прости меня, Давид! — не выдерживаю и всё-таки подхожу к кровати и беру ладонь застывшего от удивления парня. — Я столько всего тебе наговорила! Я ведь так не думаю! Я хотела тебя оттолкнуть, считая, что ты мне не подходишь... Но я всё поняла! Я тебя...

Договорить фразу я не успеваю. Давид резко вырывает свою руку из моей и словно выплевывает мне в лицо слова:

— Ты всё неправильно поняла. Я действительно тебе не подхожу. Как и ты мне. Мы совершенно разные. Очень зря ты решила, что что-то могло быть иначе. Извини, что

позволил тебе двусмысленно воспринимать моё дружеское к тебе отношение.

Слово «дружеское» специально выделяет. А я растерянно пытаюсь найти в этом, таком родном когда-то лице хоть каплю «моего» Давида. Это словно совсем не он. Что произошло?

— Давид, это же неправда? — не может быть правдой...

— Правда. А если не веришь, то подожди немного и сможешь познакомиться с моей невестой. Её Татевик зовут.

На любимом лице появляется улыбка его матери — ухмылка, которая бьёт меня наотмашь...

— Я тебе не верю, — зачем-то начинаю спорить, хотя разумнее было бы просто уйти. — Её не было тут ни одного дня!

— Тебе-то откуда знать?! — хмыкает и отворачивается от меня.

— Я ни разу не встретила её! Любящая девушка разве бросит своего жениха в больнице?

Давид смотрит на меня несколько секунд. На какой-то миг мне даже кажется, что взгляд смягчается. Но уже в следующее мгновение я снова получаю словесную пощечину.

— Она была в командировке по работе. Приехала, как смогла. Если у тебя больше нет вопросов, то я бы хотел немного отдохнуть.

Конечно, у меня есть вопросы. Я обязательно их задам. Но сейчас вынуждена смириться и идти к выходу. У самой двери вдруг замираю, услышав в спину покашливание. Оборачиваюсь в надежде, что Давид скажет хотя бы «пока» или «до встречи» или что-то подобное, оставляющее мне хоть малейшую надежду, но он говорит всего три слова. И это не то, что я хотела бы слышать больше всего на свете.

— Не приходи больше.

Давид

«Не приходи больше».

Тяжелее слов произносить мне еще не приходилось. Этот растерянный взгляд любимых глаз... Чувствовал, что делаю больно. Специально давил на те точки, которые Ася мне не простит. Почти дождался от неё признания в чувствах, но оборвал всё. Пока она не произнесла слова о любви вслух, их легче будет считать ошибкой. Так будет лучше для неё. Она молодая, красивая, самая лучшая на свете. Обречь её на жизнь с инвалидом жестоко и бесчеловечно.

Сказал, что Татевик — моя невеста. Бедная девушка чуть сознание не потеряла, когда увидела мою синюшную физиономию. Заметил, как её воротило от одного моего вида, и даже на смех пробило, когда моя мама приняла её искривившееся лицо за переживания обо мне. Я ей сто лет не приснился. Здоровый был не нужен, а больной — тем более. Но использовать её имя для того, чтобы оттолкнуть Асю, оказалось очень эффективно. Моя красавица очень ревнива.

Но самым большим потрясением в нашем разговоре стало признание в том, что Ася каждый день приходила ко мне в больницу. А ведь мама уверяла, что не видела её, когда очнувшись, я спросил про девушку. Такой нежностью затопило меня от осознания того, что нужен ей, что переживала за меня. Хотелось прижать к себе мою хрупкую девочку и стереть с щек две хрустальные капельки, застывшие там после моих же жестоких слов. Не стер. Добил.

Закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Просьпаюсь от того, что кто-то копошится вокруг меня. Мама. Поправляет подушку, расправляет простынь подо мной и «подтыкает» одеяло.

— Ой, сынок, я тебя разбудила? — мама делает вид, что удивлена и не собиралась этого делать, но я знаю эти её уловки. Родительница явно неспроста потревожила мой сон. — Ты ничего не хочешь? Может покушаешь? Татевик такие вкусные пирожные принесла. Попробуешь?

— Нет, мам. Я не хочу есть. Но ты можешь забрать пирожные, мне всё равно их нельзя.

— Ой, точно! Врач же сказал, что тебе пока диета полагается... Тогда может поешь бульон? Я могу подогреть. Давай я сбегаю, — и не дожидаясь ответа бросается к холодильнику, который тоже предусмотрен в отдельной палате.

— Мам, не нужно. Я же сказал, что не голоден. Может ты домой пойдёшь? Я уже отлично себя чувствую, тебе не нужно тут постоянно быть.

— Да что ты такое говоришь! Разве я оставлю тебя здесь одного? Я и так на минутку всего отлучилась, чтобы папу с сестрами проводить, и тут тебя не оставляют в покое...

А вот это уже интересно.

— Ты Асю имеешь ввиду? — неужели, мама не собиралась её пускать ко мне?

— Наглая девушка, — фыркает, упирая руки в бока. — Ей русским языком сказали, что ты слаб и в палату можно входить только родственникам, нет же — дождалась, пока мы уйдём и проскочила таки. Невоспитанная!

— Мама, ты сказала, что Ася не приходила в больницу, пока я был в коме. Почему?

— Ой, сынок, я что всех должна замечать, кто тут приходил-уходил? Может и была, я за

тебя волновалась, а не учет посетителей вела.

— Ладно, мам. Я понял, — спорить и доказывать ей что-то нет никакого смысла. Да и не привык я выяснять с родителями отношения. — Может, я тогда посплю? Или ты собиралась что-то мне сказать? — вижу же, что собиралась, но по каким-то причинам еще не перешла к главной теме.

— Давид, завтра Татевик придет снова, — о, нет! Опять — двадцать пять. — Не закатывай, пожалуйста, глаза!

— Я не закатываю, мам. Но зачем она здесь?

— Вот об этом я и хотела с тобой поговорить. Татевик — дочь Арарата, отец много лет с ним дружит...

— И поэтому ты решила, что по старой дружбе родителей девушка обязана выйти замуж за инвалида и до конца своих дней катать меня на коляске и менять подгузники?

— Давид!!! — мама истерично вскрикивает и укоряюще смотрит на меня. — Не говори так! Доктор сказал, что всё будет хорошо, шансы есть!

— Мама, я прекрасно знаю, что доктор нас обнадеживает. Шансов у меня пятьдесят на пятьдесят. Операция всё решит: или я встану или на всю жизнь останусь в инвалидном кресле. Я буду очень рад, если мне выпадет первое. Но готовиться я буду ко второму. Чего и тебе советую.

— Ну уж нет! Я буду верить в лучшее! Даже мысли не хочу допускать, что... Всё! Давай закроем эту тему!

Мне остается только устало прикрыть глаза. Как же спать хочется... Может это лекарства так действуют?

Открываю глаза уже в пустой палате и понимаю по сумеречному освещению, что уже вечер. Мама не совсем ушла — её сумка стоит на столе — наверное, просто вышла ненадолго. Не хочется продолжать наш неоконченный разговор, поэтому во избежание возможности столкнуться взглядом с вошедшей родительницей, снова прикрываю веки.

И опять передо мной любимое лицо — Ася. Мне кажется, я даже в коме видел её постоянно. Она мне снилась. Мы катались с ней на велосипеде. Нет, не на том, который я ей подарил — во сне был тандем: я впереди, Ася сзади. Я мчал на свет, изо всех сил жал на педали, а она звонко смеялась позади, шутливо приказывая не останавливаться и ехать еще быстрее. После этого сна я очнулся.

Я соврал ей, сказав, что в машине была поломка. Не в моих правилах ездить на неисправном автомобиле. Но Асье это знать не нужно. Не хочу, чтобы она мучалась угрызениями совести и винила себя. Я никогда не буду винить её, потому что ни о чем не жалею. Я счастлив, что встретил её тогда, и если бы мне предложили отмотать время назад, то в тот день не раздумывая поехал бы тем же маршрутом.

Отец Тихон

Люблю вечерние службы. Это особая атмосфера: тусклый свет от свечей, которых бывает совсем немного в такое время, хор поёт неспеша, словно на выдохе после насыщенного трудового дня, молитвы звучат вполголоса, но словно идут из самого сердца... Среди недели людей вечером почти не бывает — десять-пятнадцать человек — и храм кажется совсем пустым. Мне, как священнику, от этого грустно — хочется, чтобы люди шли к Богу, — но, как такому же молящемуся, мне очень комфортно, когда в храме тихо и нет обычной для воскресного дня суеты. Можно спокойно и вдумчиво обратиться к Отцу, разложить накопившиеся за день мысли «по полочкам».

Сегодня как раз такой вечер. Выхожу на амвон, бросая взгляд на стоящих в храме прихожан — практически всех я хорошо знаю не только в лицо, но и по имени — и тут останавливается, цепляясь за фигуру девушки, которая стоит у иконы Спасителя и, почти обняв её, сотрясается в беззвучных рыданиях. На автомате произношу слова молитвы, положенные по уставу службы, в то время, как все мысли сосредоточены на плачущей. Что-то в ней «не так». Будто бы знакома мне, но не могу вспомнить, откуда её знаю. И нет, это не то чувство, когда видишь просто знакомое лицо — я их вижу постоянно, когда люди редко приходят в храм.

Захожу обратно в алтарь и меня вдруг осеняет: это же Ася — подруга Давида!

— Анатолий, сейчас кафизмы начнутся, скажи регенту, чтобы читали без сокращений, — шепчу нашему алтарнику — низенькому седовласому дедушке. — И позови, пожалуйста, Лидию к алтарю с улицы.

Лидия — наша старшая по храму. Помимо того, что женщина очень ответственная, она еще и деликатный человек. Всю жизнь проработала в школе учителем, Лидия отличается поставленным голосом и приятным тембром, именно поэтому я прошу её позвать ко мне девушку, которая плачет в храме.

Пока Ася не подошла, я думаю о причинах её слез... Анаит вчера написала в мессенджере, что Давид пришел в себя. Неужели сегодня опять ухудшения?

— Здравствуйте, — приветствует меня подошедшая девушка. По ней видно, что она старательно вытирала слёзы, чтобы привести себя в порядок, — на щеках красные полосы, а глаза воспалены.

— Здравствуй, Ася, — перехожу сразу на «ты». В больнице мы общались впервые, да и не было уверенности, что сможем встретиться снова, а в храме мне неудобно обращаться на «вы» — это отгораживает от человека, дистанцирует. Люди приходят за помощью, открывают душу, и дополнительный официоз в этом только мешает. — Я видел, что ты плакала в храме. Что-то случилось с Давидом?

— Нет. То есть да. Давид вчера очнулся!

— Да, я знаю. Но это же хорошо — слава Богу, что так случилось!

— Да, я тоже очень рада.

— Но почему же ты так горько плакала тогда?

Мы стоим с Асей очень близко. Мне видны все эмоции, сменяющиеся на её лице. В этот момент я почувствовал, что она очень нуждается в поддержке. Я легонько касаюсь её плеча, как обычно делаю это утешая, и тут девушку прорывает. Она снова начинает плакать. Уже не

так горько, как это было несколько минут назад, поэтому сквозь слезы всё-таки получается разобрать фразу:

— Он прогнал меня... Не простил...

— Ася, не плачь, — девушка уже уткнулась в моё плечо, а мне ничего не осталось, как обнять и гладить успокаивающе по голове. — Я не верю, что Давид мог кого-то не простить. Я не знаю человека, который был бы настолько добрым и понимающим, как он.

— Но он сказал, что не хочет меня видеть... Сказал, чтоб не приходила больше.

— А ты чего хочешь? — этот вопрос я всегда задаю с глубоким смыслом. Люди почти всегда теряются с ответом — всё потому что сами себе этот вопрос задают редко, а еще реже — дают честный ответ на него.

— Я... хочу... — Ася вот тоже растерялась. — Я хочу, чтобы он жил! — небольшая заминка всё же сменяется довольно твердым ответом. Но я не собираюсь отступать. Молча продолжаю смотреть ей в глаза. — Я люблю его, — вдруг звучит такое неожиданное и очень трепетное признание. будто она впервые произнесла вслух эти слова.

— Ну вот. Видишь: всё же хорошо. Ты его любишь — это прекрасно. Хочешь, чтобы он жил — и он идёт на поправку. Разве всё не так, как ты просила?

— Да, я молилась, чтобы Бог дал Давиду жить, чтобы он очнулся... Но он очнувшись прогнал меня, сказал, что у него есть невеста... Получается, я не о том просила, да?

— Подожди-подожди, — останавливаю поток мыслей, прорвавшийся наружу. — Что значит «не о том просила»? По-твоему Бог — машина что ли какая-то? Попросил, свечку поставил — получи-распишись? Нет, моя дорогая, Бог — живой. Он Сердцеведец! По большому счету, Ему и молитвы-то наши не нужны. Он с сердцем говорит.

Ася стоит задумавшись, внимая каждому слову — похоже, что я сейчас делаю для неё огромное открытие.

— Вот представь: приходишь ты к маме с разбитой коленкой и плачешь. Нужно тебе ей сказать, что у тебя болит колено, что ты бежала, а на тебя налетел мальчишка на велосипеде, и ты упала, а потом долго-долго бежала домой. Ты ведь просто плачешь, а мама и без слов тебя понимает: утешает, промывает рану, мажет зеленкой, верно? Вот так же и Господь. Он видит твою боль, знает твои желания и твои потребности, нужно только довериться Ему, если хочешь получить утешение и помощь.

— Но... почему же тогда так больно?

— Но ведь и зеленкой в открытую ранку больно? А как иначе вылечить? Я тебе больше скажу: мама ведь иногда и запрещала тебе что-то? Например, увидев, что во дворе сомнительная компания, могла сказать, чтобы ты вместо прогулки поиграла в куклы? Так вот Господь видит дальше, чем твоя мама. Он знает прошлое и будущее, что может случиться с нами, и, как любящий Отец, тоже предостерегает от неприятностей. С нами происходят какие-то обстоятельства, нарушающие наши планы, мы обижаемся, что всё идет наперекосяк. А на самом деле всё идёт по замыслу Божию. Не так, как мы хотим, а как для нас будет лучше.

— То есть его невеста... Ему так будет лучше? Или мне?

— Я не знаю, — улыбаюсь, разводя руками. Вижу, что девушка уже начала понимать, что я хотел ей сказать. — Но если ты сделала всё, от тебя зависящее, а ситуация не изменилась, то стоит смириться и принять обстоятельства, которые тебе не подвластны.

— А если я не всё зависящее от меня сделала?

— Батюшка, кафизмы заканчиваются, пора возглас давать, — высовывается из

пономарки голова Анатолия.

— Прости, Ася, я сейчас буду занят. Если хочешь, сможем пообщаться после исповеди сегодня.

Девушка кивает, и я уже собираюсь зайти в алтарь, как вдруг меня осеняет неожиданная мысль.

— А если хочешь, подходи сегодня на исповедь.

— Я? — удивленно спрашивает Ася. — Но... я же не знаю... Да и не готовилась...

— Готовиться к исповеди долго не нужно. Подойди сейчас в лавку и спроси у свечницы, что такое исповедь и как к ней подготовиться, а мне пора.

Немного волнуясь, продолжаю службу. В первое время, когда стал священником, больше всего боялся и не любил исповедовать людей. К тебе приходят и говорят о своих грехах, а ты, как помойная яма, всё через себя пропускаешь. Скверное чувство, вызывающее желание тоже исповедаться кому-нибудь, лишь бы отмыться от всех нечистот, вылитых на тебя.

Со временем восприятие исповеди у меня изменилось. Я начал замечать, как преображаются люди, которые попросив у Бога прощения за свои грехи, отходят от меня. Их лица светлы, глаза полны детской благодарности, в них горит огонек надежды, что они смогут исправиться и больше не совершать того, в чем раскаялись. И я стал относиться к исповеди, как хирург к операции. Это часть моей работы. Это приносит людям исцеление. Это неотъемлемая составляющая жизни и духовного здоровья. Так, постепенно даже появилась радость от того, что могу таким образом помогать людям. Но толпы людей, ждущих своей очереди на покаяние, всё-таки по-прежнему пугают — это ж когда я домой-то попаду?!

Ася подходила одной из последних. Храм к тому времени почти опустел, певчие разошлись по домам, и слышно было только монотонное чтение вечерних молитв кого-то из прихожан, кто не спешил домой и решил вычитать правило на сон грядущим прямо в храме.

— Я не знаю, что говорить, — первая фраза, которую произнесла Ася, подойдя к аналою, где я исповедовал. — Я прочитала маленькую книжку про грехи, но честно — ничего не поняла. Я запомнила только несколько грехов: зависть, гордость, блуд.

— Ты понимаешь, что означают эти грехи? — решаю уточнить, ведь многие даже слов таких не знают.

— Да, конечно. Зависть у меня присутствует к моей подруге Веронике — у неё хорошая семья, богатая, парень, который её любит. Я Наверное, немного завидую Веронике...

— Прости, Господи! — говорю за неё слова, чтобы она понимала, кому исповедуется на самом деле.

— Гордость у меня тоже есть. Мама всегда говорит, что я слишком гордая, чтобы просить о помощи.

— Гордость проявляется не только в этом, — понимаю, что всего не смогу сейчас рассказать, поэтому, решаю привести самый распространенный пример: — Гордость — это желание быть лучше других или осознание себя таковым. Прости нас, Господи!

— Да, прости меня, Господи! — Ася поняла мой посыл. — А еще я нагрешила блудом и пьянством. Вернее — сначала пьянством, а потом — блудом...

Ася начинает плакать, а меня просто припечатывает этими словами. Я вспоминаю Давида, который мечтал встретить девушку, чистую, порядочную... Он ведь не пьёт совсем! Да и романов у него не припомню...

Молчание затягивается, и Ася начинает рассказывать мне подробности. Мне нужно её перебить, не выслушивая лишнего, но я не делаю этого из-за одной только надежды — вдруг она на самом деле не согрешила тем, что назвала мне. Ну вдруг просто перепутала названия и они не соотносятся с поступками. Такое бывало в моей практике не раз.

Но это оказался, увы, не тот случай.

От услышанного мне тоже хочется пустить слезу. Жалко Асю. Жалко Давида...

И что теперь делать мне, ведь завтра я собирался его проведать?

Давид

Новый день оказался каким-то богатым на посетителей. Нет, из родственников, к счастью, пускали только самых близких, но и на них практически не было времени. Ко мне палату, как на паломничество, стекались всё новые и новые люди в белых халатах. Большинство из них приходили в сопровождении моего лечащего врача. Как я понял, шла активная подготовка к операции. Меня осматривали, ощупывали, возили на всевозможные диагностики, брали анализы и постоянно опрашивали. Я понимал, что такому повышенному вниманию обязан, прежде всего, своему отцу, который наверняка хорошо оплатил приход каждого эскулапа и, конечно же, мою отдельную палату.

Аси не было. Да, я весь день себя обманывал — ждал её несмотря на то, что сам же вчера сказал ей не приходить.

Татевик тоже не пришла, чему я очень сильно обрадовался. Мама со скорбным лицом с самого утра принесла хорошую вест, что у девушки сегодня срочная командировка на весь день, и ждать её прихода нужно только завтра.

А вечером ко мне пришел мой друг Тихон вместе со своей женой.

— О, отец! — приветствую его радостным восклицанием и тяну свободную руку для приветствия. Прозвище «отец» мы с друзьями стали использовать, когда Тихон стал священником — называть батюшку (даже если знаешь его с детства) по имени совсем несолидно, поэтому мы сократили «отец Тихон» до просто «отца».

— Здорово, болящий, — подкалывает меня всегда веселый друг и, осенив крестом, приобнимает, насколько это возможно в моём положении.

— Привет, Давид, — Даша тоже подходит и быстро целует в щеку. — Ты чего это тут так долго залежался?! Второе воскресенье подряд апостол Зинаида читает — народ уже возмущаться начал, — она, как всегда, шутит. Поддержка Даши всегда проявляется в таких беззлобных подтруниваниях. Она сама никогда не ноет, и не поощряет это у других.

— Боюсь, придется вам терпеть Зинаиду еще долго, — как ни старался скрыть горечь за улыбкой, но, видимо, не получилось. — Ну или Анатолия всё-таки научить...

— Так, отставить уныние, а то мой муж тебе епитимию сейчас влепит, весь лоб сотрёшь поклоны бить, — улыбаюсь уже без грусти.

— Серьезно, брат, — да, я его «отец» зову, а он меня по старинке «братом», — я тебя не узнаю! Ладно, девчонки плачут — им положено, но мы, мужики, должны сильными быть, несмотря ни на что...

— Какие девчонки плачут? — не укрылась от меня соскользнувшая с языка фраза.

— Я в принципе говорю, — у Тихона забегал взгляд — не умеет он врать.

— Ой, да ладно тебе, пап, — вмешивается Даша, обращаясь к мужу, а потом говорит уже мне: — Вчера девушка твоя приходила в храм.

— Даша! — пытается не дать жене говорить друг, но уже поздно — если матушка начала, она всё выдаст.

— Ну что тут такого? — спрашивает у мужа, который пытается что-то ей сказать одними глазами. — Это что секрет какой-то? Да её весь храм видел, как слезами все иконы нам омывала.

— Ася приходила? — у меня не укладывается пока это в голове, но по глазам понимаю,

что всё-таки я правильно понял. — Но зачем? Почему она плакала?

Тихон молчит как-то странно, будто хочет что-то сказать, но не по каким-то причинам не делает этого.

— А ты сам не догадываешься, почему? — упирает руки в бока Даша.

— Она на исповеди была, — не даёт мне ответить Тихон

— А ты её выгнал, — снова вклинивается его жена.

— Подождите-подождите, — поднимаю вверх руку, чтобы они притормозили и дали мне хоть немного разобраться в услышанном. — Ася пришла в храм и на исповеди тебе рассказала, что я её выгнал?

— Да ты что! Господи, помилуй, — истово крестится отец Тихон наподобие того, как невоцерковленные люди в таких случаях плюют через плечо или стучат по дереву, — стал бы я кому-то рассказывать то, что на исповеди было! Это она мне в беседе рассказала, а я матушке по секрету, — глядя выразительно на жену сквозь зубы проговаривает Тихон, показывая своё отношение к её несдержанности.

— Ну что тут такого? Девушка вон как переживает!

— Даш, это нас с тобой не касается, — спешит сменить тему друг. — Дружище, ты главное — поправляйся, а на всё остальное — воля Божия. Может, это и не твоя судьба... — говорит как-то задумчиво, в глаза почему-то не смотрит.

— Отец, ты что-то не договариваешь? — с сомнением смотрю на всегда веселого шутника Тихона, который сейчас улыбается настолько неправдоподобно, что становится не по себе.

— Конечно, не договариваю! — словно берет себя в руки и снова выдает очередную шутку. — Я здесь уже почти полчаса, а еще ни разу тебе не сказал про крышу! Вот, послушай что у нас опять приключилось...

Отец Тихон рассказывает мне сначала в шутку, а потом абсолютно серьезно о том, как продвигается ремонт кровли храма. Эта эпопея с крышей длится уже второй месяц: сначала закупили некачественный материал, который к тому же и привезли невовремя с большим опозданием, потом катавасия с отправкой его обратно, присланный повторно профиль пришел не того цвета... Потом работники чудили... В общем, тема крыши стала для батюшки своеобразным мемом. При любом удобном и неудобном случае он затевал разговор на эту тему.

Вечером пришла Анаит. Моя тётя и подруга с самого рождения. Мы жили всегда вместе, поэтому я её воспринимал скорее как сестру. Вчера как пришел в себя видел её только мельком, сегодня же смотрю и не понимаю, что в ней изменилось?

— Аня, — такое сокращение её имени я могу позволить только когда мы наедине, и нас не слышат родственники. Анаит нравится, когда её так называют и друзья все к ней так и обращаются. — Что с тобой случилось, пока я был в отключке? Ты словно светишься?

— Брось, Давид, — смущенно прячет улыбку, — я просто рада, что ты вышел из комы.

— Кого ты собираешься надурить? Я ж чувствую, что у тебя случилось что-то, не расскажешь?

— Да, ничего не случилось, просто настроение хорошее, — ладно, не хочет говорить, не буду пока настаивать, сама расскажет, когда придет время. — Лучше расскажи, Ася приходила к тебе?

Теперь тему поменять хочется мне. Но я не успеваю ничего ответить, потому что в

палату входит мой лечащий врач.

— Ну что, Давид Ашотович, готовы завтра на операцию? — я теряюсь от такого вопроса. Почему-то думал, что у меня в запасе как минимум несколько дней... — Да, мы решили, что тянуть в вашем положении ни к чему, — видя моё замешательство и не дожидаясь ответа продолжает, — поэтому сегодня провели все необходимые диагностики и завтра во второй половине дня, как только получим последний результат анализов, повезем вас оперировать.

— Хорошо, доктор, я понял, — говорю, по ходу переваривая информацию.

— Я уже сменяюсь, — вдруг совсем другим тоном говорит Максим Сергеевич, будто волнуясь, и только тут я замечаю, что он слишком уж часто поглядывает не на меня, а на мою посетительницу, которая сидит затаив дыхание и почему-то покраснев. — Уже поздно... Анаит Самвеловна, может вас подвезти?

— Я... Даже не знаю... — Анаит испуганно смотрит на меня, будто боится моей реакции. Зря, я ведь не моя мама и даже не Каринэ.

— Ань, Максим Сергеевич прав — уже стемнело, как ты будешь добираться? Поезжай, я буду спокоен.

Карие глазки засветились еще ярче, чем когда она вошла ко мне в палату. Теперь понятно, кто зажег этот огонек...

— Анаит Самвеловна, я вас у входа буду ждать через десять минут, — доктор уходит, а я не могу сдержать счастливой улыбки — как я рад, что у Ани за столько лет наконец-то появился ухажер, которого она не отталкивает уже на подходе.

— Давид, не смотри так, — пеняет мне родственница. — Зачем ты сказал, чтобы я поехала? Только представь, что будет, если наши увидят меня, выходящей из чужого автомобиля.

— Ты хотела сказать, из автомобиля с русским водителем.

— Тем более! Мне жизни не будет после этого... Если вообще из дома не выгонят.

— Аня, прекрати! — говорю довольно строго, чтобы немного взбодрить её. — Ты такая же хозяйка того дома, как и все! Имеешь равные права с моим отцом. И ты уже взрослая девочка...

— Ага, настолько взрослая, что успела стать разведенкой.

— Хватит цитировать мою мать! То, что ей повезло с замужеством, а тебе нет, не делает её великой личностью, чьи фразы стоит заучивать наизусть. Аня, ты имеешь право встречаться с теми, с кем захочешь.

— Я знаю... Но, Давид... А если я снова ошибусь? Отряхнуться и пойти дальше я уже не смогу...

— Сможешь, — говорю уверенно. — Ты что же думаешь — никто не ошибается? Ошибаются. И ты и на это, представь себе, имеешь право.

— Хорошо говорить с юристом — все права мои знает, — Аня наконец повеселела от своей же шутки, и напряжение разговора спадает. — Ладно, пойду я, а то неудобно заставлять человека ждать.

Она целует меня в щеку, а я пытаюсь поймать её взгляд, чтобы увидеть эти искорки предвкушения встречи, но упрямица специально меня игнорирует. И только у выхода на секунду задерживается и выпаливает мне на прощание:

— И не смотри так на меня! Прибереги свои взгляды для Аси!

Анаит всё-таки бросает мне быструю счастливую улыбку и ускользает за дверь, не

успев заметить грусть, вернувшись ко мне после упоминания любимого имени.

Ася... Весь день гнал от себя мысли о ней, и вроде бы даже получалось — родственники и медперсонал даже в тихий час не дали мне остаться одному. И вот теперь вечер, палата опустела, и мысли, будто слетев с ручника, понеслись в мою голову.

Вот она стоит передо мной в растянутой домашней футболке, вся в штукатурке, с каким-то платком на голове, перекосившемся и съехавшим на бок. Смешная и такая маняще близкая. Так и хотелось прижать к себе. В принципе, я это и сделал, когда снимал её с дивана за секунду до падения. И отпустить было очень сложно — руки не желали слушаться, сцепляясь на тонкой талии...

Вспомнил, как она пробовала впервые долму... Смотреть, как Ася ест — это вообще отдельное искушение. Испачканные соусом губки так и хотелось поцеловать...

А ведь поцелуй едва у нас не случился. Чуть позже, когда мы катались на велосипедах в парке. Помню каждую деталь того момента, и Асино лицо, испуганное и застывшее перед моим. Как бы она отреагировала, поцелуй я её тогда? Если бы была возможность у людей отматывать время назад, то из всей своей жизни я бы выбрал тот день и всё-таки поцеловал. Я тогда боялся, что спугну её и она оттолкнёт меня, закроется... Сейчас же я понимаю, что, возможно, мы больше не увидимся с ней никогда, и безумно хочу хотя бы узнать вкус её губ.

Замечтавшись, я и не заметил, что в палату кто-то вошел. Густые сумерки не дают рассмотреть посетителя.

— Мама, это ты? — всматриваюсь в темный силуэт, который молча приближается к моей кровати...

Больничная палата практически полностью погрузилась во тьму. Из незашторенного окна внутрь проникает тусклый свет уличного фонаря, но он падает на вошедшую со спины и не даёт разглядеть лицо. В том, что вошла именно женщина, я не сомневаюсь: тонкая комплекция и плавная походка никак не ассоциируется с мужчиной.

— Каринэ? — зачем-то называю имя сестры, хотя на языке крутится совсем другое имя, которое я пока не решаюсь назвать. Боюсь? Да, но скорее того, что это может быть не она...

— Привет, — слышу знакомый голос и чуть не подскакиваю на кровати. Многочисленные повреждения препятствуют перемене положения тела даже на считанные сантиметры.

— Ася... Ты пришла?

— Я не могла не прийти...

Стараюсь рассмотреть её лицо, но ничего не выходит — противный свет в окне будто стал ярче и слепит меня, оставляя облик напротив в черной неизвестности.

— У меня завтра операция...

— Я знаю, — отвечает мгновенно, предупреждая и будто обрубая дальнейшие мои сомнения насчет её исхода. — Всё будет хорошо.

— А если нет? — сам не понимаю, почему задаю этот вопрос ей, я ведь решил, что не буду ставить Асю перед нравственным выбором.

Ася ничего не отвечает, а садится на край моей кровати — так близко, что мне достаточно протянуть руку и я смогу её коснуться, и в то же время она совершенно недостижима — рука, которая могла бы дотянуться до неё в гипсе и примотана к туловищу.

— Ася, я не могу рассмотреть твоё лицо, — это становится настоящей пыткой! С каждой секундой я понимаю, что больше всего на свете мне сейчас нужно её увидеть!

— Ты же слышишь меня, разве этого не достаточно? — как будто бы усмехнувшись отвечает и склоняет голову на бок.

— Я хочу запомнить тебя...

— Хорошо, — вдруг соглашается девушка и легко проводит ладонью по моей щеке. От этого простого и такого теплого прикосновения у меня внутри словно заводится какой-то механизм, который начинает отбивать ритм, набатом отдаваясь в ушах.

И тут она поднимается с кровати и начинает отходить.

— Куда ты? — я хочу её задержать, но тело меня не слушается, невидимые веревки примотали меня к больничному ложу и не дают пошевелиться. — Не уходи!

— Я не уйду, — слышу спокойный ровный голос, — только включу свет. Не бойся!

Я успокаиваюсь, видя, как она подходит к выключателю. Щелчок.

Яркий свет ударяет в глаза. Я вижу свою палату, озаренную утренними лучами не ноябрьски слепящего солнца. У моей кровати стоит мама и Максим Сергеевич, которые увидев, что я открыл глаза, начинают приветственно улыбаться.

— Доброе утро, сынок, как ты себя чувствуешь?

— Как спалось? — это уже доктор. — Выглядите отдохнувшим. Пришли ваши анализы, всё в норме. Сегодня будем оперировать.

— А где Ася? — удивительно, но сегодняшние слова про операцию, которой я так боялся вчера, меня нисколько не трогают — будто бы док говорит о ком-то другом. Мне же

сейчас намного важнее услышать ответ на этот вопрос.

— Я не знаю, — удивленно поднимает бровь мама. — Она к тебе приходила?

— Сегодня посетителей не было — вы первые, — отвечает за меня Максим Сергеевич.

«Вчера», — чуть не вырвалось у меня, когда я вдруг понял, что вчера Ася тоже не могла прийти. Доктор сменился, а это значит, что время посещений тоже закончилось. Получается, она мне приснилась...

Они продолжают что-то обсуждать по поводу предстоящей операции, но я не могу сосредоточиться на произносимых словах. В голове звучат слова Аси «Не бойся!» и «Всё будет хорошо».

Я закрываю глаза и тихо улыбаюсь.

Ася

Операция длится уже третий час. Вчера я приходила в больницу, но к Давиду так и не решилась зайти. Зато встретила Анаит, которая, словно бабочка, выпорхнула из отделения и сразу наткнулась на меня.

Девушка рассказала о состоянии Давида и поведала о том, что операция будет проведена уже на следующий день. Хотелось бы мне подольше с ней поговорить, но Анаит впервые была какая-то счастливо-взволнованная и явно торопилась, поэтому я не стала её задерживать.

Погода в вечерний час была вполне приемлемой. Ветер, бушевавший весь день, видимо, устал и стих, и так вдруг стало тихо на улице, спокойно... Больничный двор почти опустел и мне захотелось немного прогуляться прежде чем возвращаться домой.

«Интересно, где здесь окно палаты Давида?» — думала я, глядя на огромное здание с вереницей одинаковых окон. Пробегаю взглядом цепочку третьего этажа, на котором находится отделение терапии. Взгляд спотыкается на единственном окне, которое черной дырой зияет на фоне светящихся ячеек. От этой черноты веет какой-то безысходностью... Время совсем еще не позднее, а в этой палате свет не включили. Почему? Вдруг там лежит одинокий больной, которому некому включить свет? Или там пытается уснуть человек, которого замучали капельницами и уколами, и он хочет поскорее забыть этот день...

А может, эта палата и вовсе пустая? Нет там никого, вот и свет не нужен...

Останавливаюсь перед этим окном, и в голове начинают спорить мысли, сменяя одна другую.

«Чем, интересно, он сейчас занят?» — глупый вопрос: чем может быть занят человек, прикованный к кровати? — «Спит?» — продолжал рассуждать мой неутомимый внутренний голос. — «А если не спит, думает ли обо мне? Вспоминал ли меня сегодня?»

«А может он хочет забыть о моём существовании? Вдруг я ассоциируюсь у него с аварией, и он действительно вычеркнет все, что напоминает о ней, из своей жизни?»

«А если завтрашняя операция пройдет плохо? Вдруг Давид навсегда останется в инвалидном кресле?» — я всегда буду рядом! тут же отвечаю своим мыслям.

«Ты еще обрадуйся этому! Собираешься воспользоваться его немощью, чтобы стереть своё падение?» — какой же пронизательный этот внутренний голос...

«Нет, Ася, пообещай: даже если Давид не сможет встать на ноги, ты дашь ему право выбора и расскажешь о том, что совершила. Пусть он узнает правду, и тогда решает, нужна ты ему или нет».

«Я лучше буду молиться, чтобы он встал на ноги, — отвечаю самой себе. — Он

поправится, женится на Татевик и будет счастлив. А я не достойна его».

С такими мыслями возвращаюсь домой. А уже на следующий день в означенное Анаит в сообщении время, я снова стою под окнами.

А что? Тут свежо. Мелкий дождик совсем не холодный, разве что самую малость. Не холодней, однако, взглядов родственников Давида, которые находятся внутри и так же, как и я, ждут вестей. Хороших вестей. Мы все надеемся на лучшее. А там — на всё воля Божия.

Когда мы все толпимся у дверей отделения реанимации, то внутри поселяется какое-то липкое ощущение дежавю. Всё это уже было — этот коридор, эти стены, в которых я знаю каждую трещинку, эти же люди, такие чужие и такие близкие в единении одной цели — мы ждали, когда Давид очнется. Тогда от этого зависела его жизнь в прямом смысле слова. Сегодня от исхода четырехчасовой операции будет зависеть его жизнь, но уже в совершенно другом смысле. Однако волнуются все не меньше.

Вот уж как удивительно устроен человек... Сначала ты мечтаешь просто жить, дышать... Спроси в тот момент: а если навсегда будешь, например, слеп? Ничего — главное это жизнь. И вот ты получаешь жизнь. Но как же не видеть мира вокруг? Не посмотреть в любимые глаза, не узнать как выглядит твой новорожденный малыш? И уже ты молишь Бога дать тебе зрение.

Проходит время, и видеть становится нормой. Ты привыкаешь к полноценной жизни и хочешь большего. И вот тут два пути — вниз и вверх. Деграция человека начнется в момент, когда он начинает желать материального. Если первой молитвой к Богу становятся просьбы о новом доме, машине, повышении зарплаты — считай, что ты не оправдал подаренной тебе жизни.

Я сейчас думаю, что получив свою заветную мечту, не нужно больше просить ни о чем у Бога. Не злоупотребляй милостью. Благодарю! Всю жизнь. До последнего вздоха — благодарю.

Эта мысль так решительно ворвалась в моё сознание, что мне вдруг стало очень легко на душе. Я перестала теревить край своей кофты, моё лицо озарилось таким спокойствием, что это не осталось незамеченным для других.

— Ася, у тебя всё хорошо? — обеспокоенно спросила подошедшая Анаит.

— Да, — просто ответила и улыбнулась.

Улыбки в этом маленьком коридорчике были под негласным запретом, поэтому меня, видимо, приняли за умалишенную. Чтобы далее не провоцировать никого своим внезапно нахлынувшим счастьем, я решила отойти в сторонку. И в эту минуту заветная дверь открылась...

— Операция закончилась, — констатировала медсестра. — Доктор скоро вам всё расскажет.

Опять вздохи родственников, метания от одного к другому. Нервы накалены.

Наконец, спустя минут двадцать, из той же двери выходит Максим Сергеевич. Выглядит он уставшим и сосредоточенным. Моё спокойствие начинает постепенно таять...

— Максим Сергеевич, ну что? — тут же обрушивается с вопросами мама Давида. — Как прошла операция? Он будет ходить?

— Это вы далеко замахнулись, — серьёзным и даже недовольным тоном отвечает доктор. — На сегодня могу сказать только то, что операция прошла успешно. Впереди теперь реабилитация. И тут уже всё будет зависеть только от него. Простите, я должен идти. Завтра на осмотре всё расскажу подробнее.

— Подождите, доктор! — практически бежит вдогонку тетя Мариам. — Он уже отошел от наркоза? Когда мы сможем его увидеть?

— Сегодня Давид Ашотович останется в реанимации. Наркоз уже постепенно отходит,

но ему нужно постоянное медицинское наблюдение. Если всё хорошо, то завтра с утра сможете прийти к нему в палату.

Максим Сергеевич пронесся мимо очень быстро. Однако я успела заметить, как он притормозил возле Анаит и едва уловимо кивнул ей, получив такой же полукивок в ответ. Поймала испуганный взгляд девушки, но так и не нашла причин для него. Ладно, всё это пока не так важно.

— Ася, пойдём, я тебя провожу, — окликает меня Анаит и, догнав, вдруг подхватывает под локоть. Раньше она не демонстрировала перед своими родственниками наши теплые отношения.

Мы идём к выходу, перебрасываясь общими фразами, но я чувствую, что Анаит хочет о чем-то поговорить. И мои подозрения подтверждаются сразу же, как только мы оказываемся на улице.

— Ася, что тебе сказал Давид? — прямо без предисловий спрашивает Анаит.

Я теряюсь от такого внезапного вопроса.

— Он сказал, чтобы ты не приходила, так ведь? — отвечает за меня.

— Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Я знаю Давида, и поэтому предположила, что он тебя оттолкнёт.

— Но... почему? — всматриваюсь в глаза девушки, ища в них ответа.

— Потому что Давид такой. Он всегда готов пожертвовать собой и своими интересами ради других.

— Я тебя не понимаю. Как это связано с тем, что он решил жениться на другой?

— Какой другой? — пришло время Анаит удивляться. — Как жениться? С чего ты взяла?

— Он сам мне об этом сказал. Даже хотел представить меня своей невесте, Татевик, кажется, — ничего мне не кажется, я прекрасно помню её имя — еще в первую встречу с его семьёй запомнила.

— Невеста? Татевик? — усмехается Анаит. — Это возможно только во снах и фантазиях моей дорогой невестки! Давида она не интересуется, как и он её. Но то, что он так её представил только подтверждает мои подозрения.

Мы садимся на нашу любимую лавочку под опавшим кленом и она продолжает.

— Давид боится... Хотя нет, «боится» — это точно не про Давида. Он думает, что может не встать на ноги и остаться в инвалидном кресле навсегда, поэтому не хочет обрекать тебя на такую участь — жить с инвалидом.

— А у меня он поинтересоваться не подумал? Или его не волнует, чего я хочу? — я вскакиваю, порываясь вернуться в больницу, но вспомнив, что сегодня Давида всё равно не увижу, сажусь обратно. — Это у вас в семье так принято — решать за других? Или это еще одна черта характера твоего племянника, о которой я не знала?

— Не злись на него, пожалуйста, — с грустью говорит Анаит, и мне становится стыдно: Давид сейчас в таком состоянии, а я веду себя как истеричка. Ну, ничего, я подожду, пока он поправится и уж тогда выскажу ему всё, что думаю...

— Ася, Давид по-особенному к тебе относится... — девушка выделяет последнее слово, словно вкладывая в него какой-то сакральный смысл. — Сегодня он спрашивал о тебе, — она делает паузу, а у меня внутри всё переворачивается. — Ты придёшь завтра? — спрашивает будто с мольбой, хотя я и так собиралась прийти. — Пожалуйста, приходи! Ему сейчас так важна твоя поддержка.

— Конечно, приду, — уверенно произношу.

Что мне помешает? Хоть камни с неба посыпятся — я всё равно завтра увижу Давида.

Ася

Просыпаюсь от странных звуков. Отряхиваю мысли от сонного тумана и понимаю, что в комнате кто-то стонет. Бабушка!

— Ба, что случилось? Тебе плохо? — запутываясь в одеяле, подлетаю к соседней кровати.

— Нет, — слабо раздаётся хриплый голос. — Не волнуйся, Асюша, ложись, ещё рано.

Вот она опять — больше обо мне думает, и не хочет поделиться тем, что её беспокоит.

— Ба, может водички? Что у тебя болит? Корвалолу накапать?

Постоянно так — приходится угадывать методом перечисления, чем я могу ей помочь.

— Да, водички, если можно, чуть-чуть...

Закатываю глаза от этого «чуть-чуть» и иду на кухню. Вот что за человек!? Ну если плохо, скажи, что болит, чем я могу помочь, а она постоянно замалчивает и тянет до последнего, пока уже не припечет.

Бабуля пьёт воду, с трудом приподнявшись на кровати.

— Может, всё-таки Корвалол? — подозрительно осматриваю её состояние.

— Ну, давай, — так говорит, словно я её уговорила выпить его.

Отсчитываю нужное количество капель в столовую ложку и кладу кубик рафинада — бабушка покупает его специально для приема этих горьких капель.

— Спасибо, Асюша. Прости, что побеспокоила тебя среди ночи.

Бабушка ложится, и я вместе с совестью практически мгновенно засыпаю.

— Ася... Асенькаааа... — шепот бабули врывается в очередной мой сон.

— Да, бабуль, что, что случилось? Тебе плохо?

— Да... — лицо искажается болезненной мукой.

— Скорую? — зачем-то спрашиваю, хотя и так понятно, что сама я не справлюсь.

Бабушку забирают в отделение. Прошусь поехать с ними, ведь в такое время общественный транспорт ещё не ходит, да и я боюсь оставлять её одну сейчас.

Собрав наспех только документы и набросив первые попавшиеся джинсы и свитер, я прыгаю в Газель с красным крестом...

Примерно к обеду удастся добиться от лечащего врача диагноз — микроинфаркт второго типа.

Весь день проходит в беготне и ожидании. И ни того, ни другого исключить не получается. Приходилось не только несколько раз обойти поликлинику, собирая направления на анализы, а потом ещё и съездить домой на такси, чтобы собрать необходимые вещи и лекарства.

К концу дня я выгребла из кошелька последние пятьдесят рублей и, запрыгнув в последнюю маршрутку, поехала к Давиду.

В девять вечера все посещения в больнице прекращаются и в отделение к нему не попасть. Я, конечно, это хорошо помнила, но вот поторопить водителя ехать чуточку побыстрее, не решилась. Итог: без пяти минут девять я вбегаю в холл дневного стационара.

— Девушка, вы куда? — вылетает мне навстречу опешившая вахтерша-охранница.

— Я в терапию, к Карапетяну, — говорю, на ходу натягивая бахилы.

— Вы время видели? — с вызовом говорит и идет мне навстречу.

— Да, еще пять минут есть! — выпаливаю с надеждой.

— Какие пять минут!? Вы что, смеетесь??? — смеётся как раз она. Точнее — насмехается.

— Ну, пожалуйста, — делаю жалобное лицо и складываю руки в просительном жесте.

— Нет, — отрезает не так грубо, но безапелляционно. — Заведующий сегодня дежурит. А я не хочу под раздачу попадать. Завтра приходите.

Ну вот — даже камни с неба не посыпались, а я не смогла сдержать своего обещания.

На следующий день я бегу сначала в больницу к бабушке.

Вчера деньги так неожиданно кончились, что мне даже не осталось на билет на маршрутку. Пришлось идти пешком. Страшно было, конечно... Зато быстро добежала — за двадцать минут, хотя в дневное время то же расстояние спокойным шагом преодолела бы не менее чем за сорок.

Сегодня я снова могу немного побереечь свои ноги и время и еду в транспорте. Родители перевели мне деньги на карточку. Теперь можно докупить и недостающие лекарства, на которые мне вчера не хватило.

Проведав бабушку, поговорив с доктором и докупив всё необходимое, я, наконец, смогла вырваться в больницу, где лежит Давид.

Тот же коридор, те же стены, но внутри неприятно щекочет какое-то подозрение. И только войдя в палату, я поняла, что меня смущало, когда я подходила сюда — в коридоре не было его родственников. Как, собственно, и Давида в палате.

Где-то под ребрами начинает сжиматься какой-то комок, пока я набираю номер Анаит.

— Ася, привет! А я как раз собиралась тебе звонить. Давид сегодня улетает в Германию на реабилитацию.

— Что?.. Как?.. Как улетает? — слова пугаются, не говоря уже о мыслях...

— Я сама только утром узнала. Ашот, оказывается, еще вчера договорился с клиникой, но никто, кроме него и Давида из наших не знал.

— А надолго эта реабилитация? — задаю глупый вопрос и тут же понимаю это, когда Анаит отвечает.

— Да кто ж это может сказать точно... Пока на месяц, а дольше будут смотреть по состоянию.

— Понятно, — больше не знаю, что сказать. — А когда у него вылет? Могу я прийти попрощаться? — ведь это же неправильно, чтобы он вот так уехал, не взглянув на меня, не услышав того, что я давно должна была ему сказать...

— Ась, боюсь, что уже поздно. У них уже объявили регистрацию на рейс...

— Ась, присмотришь за Тишкой? Я через десять минут прибегу, — бросает мне на ходу Даша, она же матушка Дарья, накидывая пальто. — Я его кормила... — она задумывается, а потом просто машет рукой. — Нет, его не кормила. Покормишь, ладно?

— Ну, конечно, — улыбаюсь в ответ.

— Да и к тому же, он так любит, когда ты его кормишь, — подмигивает и уносится ветром из дома.

Ну да, конечно! Раньше я бы поверила тому, что я действительно так хорошо влияю на ее младшенького, но со временем поняла, что это она так «подмазывается», чтобы я охотнее её выручала.

На самом деле, мне совсем не сложно посидеть с двухлетним малышом, тем более с таким обаяшкой, как Тишуня. Это их восьмой ребёнок и первый, названный не по святым, а в честь отца — Тихоном.

Откуда я всё это знаю? Да потому что вот уж пятый месяц я тесно общаюсь с этим семейством.

Да, именно столько прошло с момента отъезда Давида за границу.

Как я жила всё это время? Ну... Так, будто у меня нет одной ноги. Или руки. В принципе, сносно, но постоянное ощущение неполноты. Нет, не то слово — неполноценности! Да, вот именно так. Смотришь на мир вокруг — всё как всегда, ничего существенно не изменилось. Прошли новогодние праздники, потом традиционные 23 Февраля, 8 Марта... Майские... Люди веселятся, отмечают, а у меня на душе такая тоска, будто в груди кто-то дырку проковырял, и через неё постоянный сквозняк внутри.

Давид за всё это время не давал о себе знать. Лишь однажды мне позвонил — на Рождество. Ночью. Я как раз возвращалась с праздничной службы в храм, и тут раздался звонок с незнакомого номера.

— Алло, — ответила, ожидая очередного спама от стоматологии или пластиковых окон, но трубка вдруг заговорила голосом, который в миг вышиб из груди весь воздух.

— Здравствуй, Асья, — такой родной тембр слегка подрагивал. — С праздником тебя, — не дождавшись моего ответа продолжил Давид.

— Спасибо, — выдавила наконец. — И тебя.

— Спасибо, — разговор зашел в тупик. Если он сейчас ничего не спросит, мне нужно срочно что-то придумать, чтобы продлить этот звонок. — Как ты поживаешь?

— Хорошо. А ты?

Я просто не могу поверить, что мы говорим друг другу эти пошлые банальности! Мне столько нужно ему сказать, о столько спросить... Уже спустя время после нашего разговора я анализировала каждое слово. И до сих пор помню его наизусть...

— Я тоже.

— Давид, я хотела тебе сказать...

— Асья, сегодня большой праздник, я бы не хотел говорить о грустном, — мягко оборвал меня парень. — Расскажи, как ты будешь праздновать? У вас снег выпал?

Голос Давида тихий, как будто с надрывом. Что же он на самом деле хотел сказать? Или спросить? А может, и зря ищу второй смысл в этом разговоре...

Я ответила на вопросы о погоде, но всё же попыталась узнать хотя бы о самочувствии

парня.

— Всё хорошо. Ася, я очень рад был тебя слышать, — говорит так проникновенно, что у меня сжимается горло, затрудняя и без того тяжелое дыхание. — Мне уже пора.

Сердце замирает от понимания, что это всё. Я толком ничего не сказала и ничего не спросила. Слезы разочарования уже подкатывают к ресницам, готовясь пролиться. Я не смогу сказать ему слов прощания...

— Прости меня, Ася, — говорит Давид и отключается.

Иду по инерции. Спустя какое-то время понимаю, что прошла уже половину пути. В голове снова и снова прокручиваются его слова, его голос.

Зачем он позвонил?

Нет, я ждала этого звонка... Ждала, наверное, слишком долго. Я столько раз представляла, что скажу ему, если он позвонит. И что же в итоге? «Как дела?» — «Нормально, а у тебя?»...

Из воспоминаний меня вырывает Тишкин визг. Пока я разогревала ему суп, этот шустрый парень был в комнате старших братьев. Неужели они не досмотрели и малыш куда-то всё-таки влез?

Прибегаю на звук и застываю в дверном проёме. Картина маслом: старший Димка держит Тишку за ноги и опускает к кровати, на которой лежит Сёмка, веселый добряк лет десяти и притворяется спящим. Малыш, приближаясь своими ручонками к лежащей у брата на лбу игрушке, пытается её схватить, но тот в последний момент просыпается и делает вид, что испуган. До того смешно у него это получается, что малыш не просто хохочет, а радостно верещит от этой игры.

— Тиша, пойдём кушать? — зову спустя некоторое время.

Малыш не хочет уходить от братьев, но всё-таки соглашается поесть.

— А ми падём упатя? — лопочет мальчик, доедая свою порцию.

— Конечно пойдём, — с легкостью расшифровываю фразу «А мы пойдём купаться?». — Только сначала поспим, а потом обязательно искупаемся в бассейне.

Дело в том, что, уходя, Даша сказала, что вернется через десять минут, но я не питаю иллюзий по этому поводу. Ради десяти минут меня бы сюда никто не звал. Час — минимум. Поэтому я спокойно иду в детскую, чтобы уложить Тишку на дневной сон.

Мы уже выбрали сказку, которую будем читать, но открыть книгу я не успеваю. В комнату входит старшая сестра этого сладкого пирожочка и говорит: «Тетя Ася, я уложу Тишку, а вас там мама зовёт на кухню».

Даша? Так быстро вернулась?

Ладно, значит попьём чайку, а если детвора еще все не смела, то и с пироженками, не могла же она вернуться из центра без них...

Спускаюсь на первый этаж и только подходя к кухне слышу голоса и смех отца Тихона. Батюшка тоже вернулся так рано... Странно...

Вхожу большую просторную комнату, где стоит длинный стол для большой семьи, и уже готовлюсь приветствовать хозяина дома, как вдруг замираю от шока. Прямо передо мной стоит Давид.

На нём белая футболка-поло, какие он, как я уже поняла, всегда носит, светлые потертые джинсы. Он стоит, оперевшись рукой на спинку стула, и я ловлю себя на мысли, что его образ я ни раз не видела в этом, таком привычном мне, интерьере. И он сюда очень органично вписывается. В целом, он почти не изменился — разве только волосы отрасли, и он их теперь зачесывает назад и борода появилась. Густая и черная. Передо мной тот же Давид, будто и не было этих долгих пяти месяцев...

— Привет, — говорит словно смущаясь.

— Привет, — да, похоже мы оба чувствуем себя как на знакомстве-сватовстве.

Молча просто смотрим друг на друга, пока отец Тихон не прерывает затянувшуюся тишину очередной шуткой:

— Брат, ну и бороду ты отрастил! Скоро больше моей будет!

— Не будет, отец, — улыбается парень, и на душе тут же теплеет — это «мой Давид», тот, которого я всегда знала, а не тот, который был при последней нашей встрече, — я просто до своего цирюльника еще не доехал, а немецким ребятам я не решился доверить свои волосы — их либеральная повесточка, знаешь ли, чревата сюрпризами.

Эта шутка и меня заставляет улыбнуться. Однако неловкость не проходит.

— Ась, поможешь мне чай сделать? — подмигивает мне Даша. — Ты ставь пока чайник, а я быстро — только Тишку проверю.

Батюшка с Давидом садятся за стол, а я готовлю чашки и приборы, рыскаю в поисках «к чаю», всё это время чувствуя на себе взгляд. Отец Тихон что-то скороговоркой спрашивает у друга, а тот отвечает с заминками, иногда невпопад. Моё волнение еще больше нарастает, когда я слышу с лестницы голос Даши:

— Пап, на минуточку можно тебя?

Я понимаю, что мы сейчас останемся наедине, и как только Тихон выскакивает за дверь, у меня из рук с грохотом падают ложки, разлетевшись по всей кухне. Бросаюсь на пол их собирать. Давид делает то же одновременно со мной.

Мои руки дрожат. Собранные приборы то и дело снова выскользывают. Я боюсь поднять голову и встретиться взглядом с черными омутами. Сердце колотится, чем ближе приближается ко мне Давид...

Он молчит. До меня остается пара приборов. Нужно протянуть руку за последней чайной ложечкой... Но я так волнуюсь, что всё, собранное мной, в последний момент вываливается снова, и я понимаю, что нервы мои сдали.

Сажусь на пол и откидываюсь на фасад кухни. Слезы почему-то брызнули из глаз, и я, спохватившись, закрываю лицо руками.

Давид реагирует мгновенно, его ложки тоже разлетаются по полу, а сам он садится рядом и заключает трясущуюся меня в свои объятия. Я чувствую его запах, такой родной и такой почти забытый за столько времени. Прижимаюсь носом к его груди, но смелости обнять в ответ не хватает. Тихо всплакиваю, а он молча гладит меня по голове.

— Асья... — шепчет где-то над моей макушкой. — Почему ты плачешь?

Я не знаю, что ответить. Я плачу, потому что держалась пять месяцев, потому что давила в себе слезы всякий раз, когда отец Тихон рассказывал новости о Давиде, когда слушала, что у него есть положительная динамика. Не плакала, когда этими новостями со

мною перестали делиться, когда неизвестность подкидывала мучительные мысли о том, что Давид забыл обо мне, возможно даже, завел роман там, в Германии...

И вот теперь, когда я вижу его, когда он так близко, все нервы, натянутые как струна, вдруг заиграли, и эта мелодия души сработала как катарсис...

Поняв, что я не отвечаю на вопрос, Давид берет мою ладонь свободной рукой. Сначала гладит большим пальцем тыльную сторону, а потом вдруг подносит к губам и оставляет невесомый поцелуй.

— Прости, что не звонил, не писал... И отцу Тихону запретил рассказывать тебе обо мне...

— Почему? — а ведь и правда — если бы Давид не лишил меня своего общения, может быть переживать разлуку было бы легче?

— Ася... Это не объяснить в двух словах... — Давид опускает свой подбородок мне на макушку и молчит, задумавшись, несколько секунд. — Понимаешь, я не знал, смогу ли нормально ходить. Хотел этого, но всякий раз зарывался в сомнения... Хотел вернуться к тебе здоровым, на своих ногах.

Не выдерживаю и всё-таки несмело обнимаю Давида за талию. Не хочу поднимать голову, хочу вот так сидеть и слушать его голос.

— Ася, я хочу сказать тебе... — он запинается и издаёт какой-то глухой стон. Я, волнуясь, что сделала ему больно своими объятиями, отстраняюсь и испуганно смотрю на родное лицо.

Но, похоже, я неправильно растолковала его эмоции. Давид нервно проводит рукой по волосам и продолжает:

— Это всё не так должно было быть... Ну точно не в этом месте, — он обводит рукой кухню наших друзей, где повсюду разбросаны ложки, в углу валяется Тишкина машинка, а на полу в полуметре от нас рассыпана мука после кулинарных экспериментов девчонок. — Не так признаются в любви девушке, но...

Маленькая заминка в его речи заполняется внутри меня целым фейерверком различных чувств. Неужели он только что хотел сказать мне...

— Давид... — я готова броситься ему на шею. Столько счастья свалилось в один день, что я даже боюсь в это поверить...

— Сёмка, ты колбасу всю съел? — в двух метрах от нас хлопает холодильник, и я понимаю, что нас вот-вот обнаружат. — Кто все ложки раскидал? Ну, Тишка! — Андрюха поворачивает голову и замирает, глядя на нас, сидящих между столом и кухонными шкафами. — Ой, ззздрасьте...

— Привет, Андрюш, — говорит Давид, поднимаясь и протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. Я смущена, будто меня поймали за чем-то неприличным. Но вот это-то и обидно, что подумать можно ого-го что — а мы просто сидели и разговаривали...

— Андрей, — влетая на кухню, сквозь зубы шипит отец Тихон, но увидев нас, улыбается и продолжает уже обращаясь ко мне и Давиду: — Ну что, чай-то будем пить?

— Господи, помоги мне! Я не знаю, что мне делать... — я снова реву у иконы Спасителя. Благо, в храме совсем пусто, и меня почти никто не видит. — Я знаю, Ты дал мне свободу выбора, но у меня нет сил сделать его... Дай мне смелости... дай сил пережить последствия...

После нашей встречи с Давидом в доме отца Тихона прошло уже почти две недели. Наши отношения закрутились в тот же вечер — Давид подвез меня домой, но расстаться мы смогли только ближе к полуночи после второго звонка бабушки. Мы целовались... В машине. Это были такие поцелуи, которые не хотелось заканчивать. Я в прямом смысле не могла оторвать себя от Давида. Он признался мне в любви, и я не стала держать интригу и тоже раскрыла ему свои чувства...

Мы виделись каждый день — гуляли в парке, ходили в кафе и на аттракционы, постоянно держась за руки и целуясь в первом попавшемся худо-бедно укромном уголке. Всё было не просто хорошо, всё было чудесно! Я порхала, как бабочка-однодневка, отбрасывая все мысли о будущем.

И вот наступило воскресенье. Давид, узнав, что я тоже начала ходить на службы в храм, был очень счастлив, и предложил заехать за мной. Я сидела на пассажирском сиденье, сжимала свободную ладонь своего парня, и была просто счастлива.

— Ася, — позвал меня Давид, не отвлекаясь от дороги, — я не могу поверить, что Господь дал мне тебя... — услышать такие слова, наверное, мечтает каждая девушка. Но я вся напрягаюсь, от того, как быстро всплывают в памяти моменты моего «падения». А Давид, не замечая моей реакции, продолжает: — Я молился и просил именно такую, как ты — добрую, честную, чистую... Сказать по правде, я с детства мечтал стать священником, а не юристом, — эти слова повергают меня в ступор. Я внутренне вся сжимаюсь. И не зря. — Ася, ты согласишься стать матушкой?

Давид, мельком смотрит на меня, ожидая ответа, а меня словно взяли за горло и душат. Мне только что сделали предложение выйти замуж! Сказать, что я бы не хотела всегда быть рядом с Давидом — значит нагло соврать. Но я совершенно не готова к такому повороту — стать женой священника.

Дело в том, что сдружившись с семьёй отца Тихона, мы много говорили с матушкой Дашей на тему семьи и брака. От неё-то я и узнала, что рукоположение в священнический сан — очень непростое дело и требует соблюдения целого ряда условий: в частности, и муж и жена должны быть единобрачные, то есть не состоять ранее в отношениях с другими...

Наслаждаясь своим счастьем с Давидом, я малодушно планировала не говорить ему о постыдном эпизоде своего прошлого, но его слова сейчас словно содрали начавшую зарастать рану.

Мы стояли в храме, а я не могла ни о чем думать, кроме как о том, что Давид сказал в машине. Я не ответила ему внятно на вопрос, что-то промычала и перевела тему. Парень сделал вид, что не заметил этого — он всегда был очень деликатным, и, видимо, решил вернуться к этому вопросу чуть позже.

После этого воскресенья всё и пошло наперекосяк. Меня бросало из крайности в крайность: то я закрывалась от Давида, пыталась дистанцироваться, то, наплевав на всё, бросалась в объятия и чуть не рыдала. Парень недоумевал и всё время спрашивал, что со

мною происходит. Но я не могла ему сказать. У меня всякий раз не хватало духа признаться.

И вот впереди воскресенье. Завтра я снова буду стоять здесь с Давидом, чувствуя себя воровкой, мошенницей, которая выдает себя за другого человека. Поэтому сегодня я и дошла до крайней точки своего нервного состояния. Тянуть дальше нельзя — будет только хуже.

А ещё, я никак не могу принять решение, как мне поступить: с одной стороны, было бы честнее рассказать всё, как есть. Тогда выбор будет у Давида — простить или не простить. Зная его характер и отношение ко мне — он точно простит. Но что это будет значить для меня? Я буду всю жизнь жить с этим чувством вины: мало того, что буду чувствовать себя падшей женщиной, так я еще и лишу парня его мечты — стать священником. А он был бы действительно хорошим батюшкой — мудрым, терпеливым, чутким...

Если же не сказать — то получится, что я обманываю Давида. А ведь правда всё равно вскроется, причем в первую же брачную ночь...

Вот и прошу я сейчас помощи у Того, Кто единственный может решить неразрешимое.

Есть, правда, еще третий вариант. И он с каждым днём всё навязчивее укореняется в мыслях: не говорить Давиду правду, но и не обманывать его. В общем, придумать повод и расстаться. Да, будет больно. Причем нам двоим. Знаю, что это самый слабовольный и трусливый выход из положения — по сути, я решаю за двоих, не даю Давиду право выбора, как поступить, но ничего не могу с собой поделать — малодушие одерживает верх...

Я прихожу домой и закрываюсь в ванной, боясь, что меня позовет бабушка и собьёт весь настрой. По дороге я уже сформулировала текст и теперь уверенно набираю сообщение в мессенджере.

Да, я знаю, что сообщать о расставании по смс — невоспитанно и пошло, но боюсь, что в разговоре или, тем более, личной встрече, включу заднюю и снова не смогу отказаться от Давида.

Я: Давид, прости, у нас с тобой ничего не получится. Я еще слишком молода, чтобы выходить замуж. Я не готова к серьезным отношениям. Всё что между нами сейчас — ошибка.

Фу, аж самой тошно — как в тупых американских фильмах. Отправляю и еще несколько минут просто смотрю на экран. Появляются две серых галочки — сообщение доставлено, но не прочитано. Смотрю на время — Давид сейчас на вечерней службе в храме. Накатывают новые мысли — расставшись с ним, я не смогу приходить в храм, где служит отец Тихон, мне придется прекратить близкое общение с матушкой Дашей, к которой я так прикипела душой за эти месяцы.

Становится горько и как-то пусто внутри. Подхожу к раковине, плещу воду в лицо. Плакать хочется, но это только напугает бабушку, а ей после перенесенного микроинфаркта лишние волнения ни к чему. Замираю, рассматривая себя в зеркале. Кто эта затюканная девчонка с глазами побитой собаки? Ведь всего несколько дней назад на меня смотрели два лучащихся счастьем глаза...

Эх, жизнь... Почему ж ты такая полосатая!?

Выхожу из ванной и, минуя комнату, где бабушка смотрит сериал, направляюсь в кухню. Безумно хочется сладкого...

Где мой секретный пакетик? Подставляю стул, чтобы достать конфеты с антресолей, куда запулила их в прошлый раз.

Но достать его не успеваю. Раздается звонок телефона. Давид. Прочитал моё сообщение и теперь хочет прояснить ситуацию. Я почему-то даже не подумала, что буду делать, когда

он позвонит. А если захочет приехать?

Подхожу к телефону и вижу на экране совсем неожиданного в данный момент абонента.

Мама.

В голове мгновенно созревает идея, и я спешу принять вызов.

— Привет, мам! Я так соскучилась по вас — сможете встретить меня сегодня с электрички?

Решение поехать к родителям пришло спонтанно. Хотя мы и живем не вместе, но довольно часто видимся. До бабушкиного сердечного приступа они приезжали один-два раза в месяц, иногда я ездила домой на выходные или новогодние каникулы. После же того, как бабушка заболела, мама с папой навещали нас почти каждые выходные, а вот я дома не была ни разу.

Бабушка уже вполне сносно себя чувствует, снова начала сама готовить, порывалась даже уборку делать, но я вовремя заметила её с тряпкой. Уехать на пару дней, думаю, не будет проблемой. Да и дядя Вася к нам зачастил — в случае чего присмотрит за бабулечкой.

— Асюш, как же ты поедешь в ночь? — взволнованно спрашивает бабушка, глядя, как я собираю дорожную сумку. — Может, завтра поедешь с утра, Давид бы тебя до станции подвез.

Опять Давид... Бабушка уже привыкла за прошедшую неделю видеть его в нашем доме. То, что мы встречаемся, она догадалась сама, видя наши счастливые лица и переплетенные пальцы рук. О том, что я бегу как раз от него, я ей не сказала. Да и не знаю, как вообще смогу это сказать... Мне кажется, для неё это будет ударом.

— Ба, не переживай, я до станции доберусь по-светлому, а в Ефремовке меня папа встретит.

Бабуля неуверенно кивает и еще пытается что-то спросить, но её прерывает звонок моего телефона. Я снова вздрагивая, ожидая увидеть входящий от Давида, но снова мимо. Ника.

— Алло.

— Привет, Ась.

— Привет, — стараюсь говорить бодро.

— Как твои дела, Джульетта? — Нике тоже придётся как-то сказать о своём решении.

— Нормально. Вот, собираюсь домой на пару дней съездить. А ты чем занимаешься?

— А я только вернулась из Москвы. Хотела тебе предложить встретиться...

Голос подруги грустный. Я знаю, что она ездила в Москву к своему парню, и теперь им опять скучать друг по другу в разлуке.

— Слушай, Ник, — вдруг возникает неожиданная идея, которую я даже не успеваю как следует обдумать. — А хочешь со мной поехать в деревню? Сегодня в восемь электричка. А там папа мой встретит.

— Ася, я даже не знаю... А удобно ли будет? — голос действительно звучит растерянно, но теперь я уже загорелась этой идеей — ведь мы и правда давно не могли нормально пообщаться с ней, да и наверняка нам удастся отвлечь друг друга от грустных мыслей.

— Конечно, удобно! Посмотришь, где прошло моё беззаботное детство, познакомишься с моими родителями и младшей сестрой. Да, в конце концов, развеешься, сменишь обстановку.

— Уговорила, — весело соглашается Ника, и уже спустя 2 часа мы с ней встречаемся на вокзале.

Электричка приходит в мою родную деревню глубокой ночью, и мы с Никой почти не успеваем за время пути поговорить о чем-то серьезном. Утро и день следующего дня проходят также в заботах и общении с родными. Мой телефон дважды пытался уговорить

меня ответить на звонок Давида, но я его проигнорировала. Однако, это не осталось незамеченным для Ники.

— Ась, у меня еще вчера были такие подозрения, а сегодня я убедилась наверняка — вы с Давидом поссорились. Не хочешь рассказать, что случилось?

Подруга всегда была деликатным человеком, и сейчас она тоже начинает разговор именно тогда, когда мы, наконец, остаемся одни на берегу нашей речки-вонючки. Конечно, мы пришли сюда не купаться, а просто позагорать и насладиться красотой природы вокруг родного села.

— Мы расстались, — говорю без предисловий, хотя и с небольшой паузой, которая помогла собраться с духом.

— Ась, ну зачем ты так сразу говоришь? «Расстались» — это очень серьезно. Разве можно так сразу «расставаться», если произошла очередная ссора?! Знаешь, сколько их будет ещё!

— Мы не ссорились, — обрываю подругу тихим заключением.

— Ничего не поняла... Если вы не ссорились, то почему тогда расстались?

Я собиралась рассказать Нике эту историю, тем более, что она и так является частично свидетелем всего произошедшего со мной в доме Марио. Но возвращаться, пусть даже мысленно к тем событиям, мне настолько тяжело и противно, что я уже собираюсь сменить тему.

— Подожди, подожди, — снова настаивает Ника, когда я отворачиваюсь в сторону, пытаюсь отвлечься и не показать свои истинные чувства. — Это не из-за семьи Давида? — я продолжаю молчать, пытаюсь подобрать слова. — Тебя обидела его мама? Или сестра?

— Нет, они не при чём, — пытаюсь закрыть тему родственников, ибо к сложившейся ситуации они уж явно не имеют отношения. — Я сама всё испортила.

— Как испортила? Это Давид сказал? Он тебя обидел? Ася, ну не молчи, ты ведь съедаешь сама себя! — Ника чувствует, что я на грани, и стремится помочь мне. Её равнодушие действительно разрушает ту стену, которую я собиралась построить, чтобы не пускать никого в самый грязный уголок своего прошлого.

— Я не подхожу Давиду, — говорю уже сквозь слёзы. — Понимаешь, сначала я думала, что мне не подходит... Боже, какая же я была дура! — рыдания не прекращаются несколько минут, при бабушке я не решалась дать слабину, а теперь очень подходящее время и место.

— Ась, может ты преувеличиваешь, как всегда? — утешая, спрашивает Ника, продолжая гладить меня по спине. — Ну с чего ты взяла, что не подходишь ему? Ты умная, красивая, добрая и честная. Ася, ну ты ведь всего лишь накрутила себя из-за какой-то ерунды, так ведь?

— Ника, я бы всё отдала, лишь бы это было так, — с горечью отстраняюсь от плеча подруги и отворачиваюсь, переводя взгляд на водную гладь, отражающую последние лучи заходящего солнца. — Понимаешь, Давид заслужил быть счастливым. Он столько всего пережил...

— Так ты до сих пор винишь себя в той аварии, что ли? — не выдерживает Ника.

— В аварии я себя виню и буду винить всегда, — спокойно отвечаю. — Но я сейчас не о ней. Давид хочет стать священником. Он недавно признался мне.

— И? — непонимающе смотрит на меня подруга. — Ты что против?

— Нет, конечно, это его выбор, и я думаю, что он станет прекрасным батюшкой. Но не

со мной.

— Почему?

— Ты же помнишь, что было тогда у Марио на вечеринке? — я надеялась, что подруга сама догадается, но, видимо, придётся ей напомнить.

— Помню, конечно, в отличие от тебя, — Ника усмехается, а мне становится обидно. Не хочется больше продолжать этот разговор. — Только не пойму, как это связано с Давидом?

— То есть ты считаешь то, что я отдала себя непонятно кому — совсем не связано с Давидом? Будущий священник должен быть единобрачным, как и его жена. А я даже не уверена, что у меня был кто-то один. Ника, ну зачем ты заставила меня всё это вспоминать!?

Я поднимаюсь с места и иду к реке. Я не могу сидеть рядом с Никой, не могу смотреть ей в глаза, мне хочется сейчас прыгнуть прямо с этого крутого берега прямо в затянутую тиной воду — лишь бы смыть с себя воспоминания того дня.

Я подхожу к самому краю небольшого обрыва, но за секунду до прыжка, меня резко дергают назад.

— Ты с ума сошла?! — вскрикивает Ника.

— Нет. Тут совсем неглубоко, утонуться не получится. да я и не собираюсь, — усмехаюсь теперь уже я.

— Я не об этом, — серьезно обрывает меня. — Ты же мне сказала, что на вечеринке не было ничего, — глаза Ники сейчас выпадут от негодования. — Марио, козлина, обманул меня?!

— Ник, я не знаю, что тебе сказал Марио, но может и не обманул — я не знаю, с кем я была. Может, это был и не Марио. Это ведь ничего не меняет.

— Меняет! — чуть не плюётся от злости подруга. — Он мне обещал, что лично за тобой проследит и даже на шаг не подпустит к тебе никого. А на утро клятвенно доказывал, что никто тебя не тронул.

— К сожалению, тронул... — утираю рукой слёзы и начинаю надевать сарафан, чтобы идти домой. — Хорошо еще, что я ничего не помню, так бы меня эти воспоминания точно с ума свели.

— Постой, что значит «не помнишь», совсем?

— Совсем.

— А у доктора ты была?

— Нет, конечно. Я мечтала забыть обо всём, а не усугублять своё состояние еще и осмотрами гинеколога. Ник, мне не нравится эта тема, может, закончим уже...

— Ася, прости, но давай разберемся: у тебя были какие-то следы на теле?

— Слава Богу, нет. Но я понимаю, к чему ты клонишь — неопровержимые доказательства того, что всё точно было, у меня есть. Вернее, были. Я от них избавилась, чтобы забыть. А ты опять напоминаешь!

— И что же это за доказательства? — не унимается упрямая подруга.

— Мои окровавленные вещи. Ты, кстати, сама же их и собирала в мой рюкзак. Не заметила, что всё бельё в крови?

— Это всё? — спрашивает после небольшой паузы, во время которой, вероятно, что-то обдумывала.

— Я проснулась в чужой рубашке и с голым парнем. Теперь ты довольна? Достаточно тебе аргументов?

Вместо ответа Ника пару минут вглядывается в моё лицо, а потом начинает хохотать. Благо длится это недолго, потому что от её смеха моё сердце всё сжимается. Что смешного я сказала?

— Ася, ты просто дурында! Моя любимая дурында! — Ника пытается меня обнять, но я отскакиваю в сторону.

— Ты смеёшься над тем, что разрушило мою жизнь, и считаешь, что я буду с тобой обниматься после этого?

Подхватываю с земли покрывало, на котором мы сидели и разворачиваюсь, чтобы уйти, но Ника меня окликает.

— На твоих вещах не было крови!

Эти слова заставляют замереть на месте. Не чувствуя под ногами опоры, оборачиваюсь и смотрю на подругу.

— Это глупо, Ник... — с досадой понимаю, что она не собирается брать свои слова назад. — Я потеряла сознание как раз от того, что увидела свои окровавленные вещи.

— Да с чего ты взяла, что они были в крови?! Ты их хотя бы в руки взяла, рассмотрела нормально?

— Конечно, я их брала в руки! Рассмотреть хорошо всё равно бы не удалось — там ведь лампочка в ванной еле светила... — пытаюсь вспомнить, что увидела и в памяти всплывают только красные разводы на джинсах и белое нижнее бельё почти полностью окрашенное в красно-коричневый цвет, я еще тогда решила, что это кровь, высыхая становится такого оттенка. — Подожди, но если это не то, о чём я подумала, тогда — что???

— Вино. Обыкновенное красное вино, — да, я пила его, помню, но как оно оказалось на моей одежде? — Марио сказал, что, когда тебе стало плохо, и ты начала извергать содержимое своего желудка...

— Чего??? Меня еще и стошнило там? Почему ты мне раньше не сказала?

— Я не знала, что ты и это не запомнишь. Тем более подумала, что тебе, наверняка, стыдно будет вспоминать, как ты это сделала прямо на диван в гостиной.

— Какой позор, — закрываю руками лицо, хотя на самом деле мне становится почему-то смешно. — Ну ладно, так что там случилось после извержения моего вулкана?

— Тебя хотели отвести в ванную, но не могли поднять. Ты отключилась. В итоге решили отодвинуть стол, чтобы хоть как-то к тебе пробраться. И в этот момент бокал с вином как раз и упал аккурат тебе на колени. Собственно поэтому ты и проснулась в мужской рубашке — лишних вещей с собой никто не брал, они были только у хозяина дома.

— А как же голый парень? Почему я оказалась в постели с ним?

— Нууу, — улыбается Ника, и теперь эта улыбка вместо обиды вселяет в меня надежду, — кое-кто подпортил диван, а соответственно лишил двух человек спального места. Марио сказал, что пришлось положить тебя с Витьком, он единственный, кто к тому времени уже спал и не видел твоего феерического извержения.

— Ну, Ника! — я смеюсь. Мне должно быть стыдно за всё, что рассказывает подруга, но я ужасно счастлива!

— Что? — картинно удивляется девушка и тоже широко улыбается. — Не трогал тебя никто на той вечеринке — Марио сказал, что ему лично пришлось тебя переодевать, преодолевая рвотные позывы, потому что никто больше не согласился к тебе даже приблизиться.

— Это просто КОШМАР! — весело говорю и просто подпрыгиваю на месте!

— Ты в курсе, что твои слова и действия друг другу противоречат? — хохочет мне в ответ Ника.

— Ага, — заливаясь дурацким смехом, я хватаю подругу за руки начинаю с ней кружиться. Так хорошо, как сейчас мне было только в детстве. Легкость, свобода и счастье!

— Мамочка-мамулечка! — забегаю в кухню через заднюю дверь и тут же накидываюсь с поцелуями на свою родительницу. — Папочка-папулечка! — он стоит тут же и я,

ухватившись за его шею, запрыгиваю на него, как обезьяна, и начинаю целовать. Да, глупый поступок, но я сейчас и не претендую на звание взрослой и серьезной. — Я так вас... люблю.

Последнее слово произнесла уже по инерции. Из-за своей эйфории, я даже не заметила, что в кухне помимо родителей, есть тот, кого я совсем не ожидала тут увидеть. Прямо передо мной за нашим обеденным столом, замерев с чашкой в руке, не донеся её до открытого рта, сидит Давид.

Давид

— И вот представь: я поднимаю голову вверх, а там черепица вверх ногами уложена! А мне ж материться нельзя. Вот я, смотрю то на них, то на крышу, и слова мысленно подбираю. И тут эти... работнички... представляешь, наверное подумали, что я работой восхищаюсь, и говорят мне, значит: "Да, батюшка, молиться теперь будешь за нас до самой смерти". И вот спасибо им в тот момент захотелось сказать, что слова нужные мне подсказали! Правда я, прежде чем сказать, сам даже не понял, как за дрын от арматуры ухватился, и вот как-то потянуло к ним. Я и говорю: "Ага, прям вот сейчас и начну молиться за вас, пока живы, а то неровен час..." В общем, в этот раз они оказались пронциательнее и ломанули от меня вокруг храма.

— И что, неужели ты не догнал их? Теряешь хватку, отец, — сквозь смех выдавливаю из себя вопрос, интересно же узнать, чем дело кончилось.

— Да я бы догнал, но после первого круга подостыл немного. В добавок эти горекровельщики так смешно стали причитать: «батюшкааа, батюшкааа», что мне сразу вспомнилось: «насяльникааа». В общем, до того смешно стало, что пришлось простить негодников, — смеётся отец Тихон. — Да и переложить черепицу правильно кто-то же должен.

В этом весь мой друг — прагматичность и расчетливость вполне органично соседствуют с добродушием и милосердием.

Мы беседуем еще некоторое время, пока не слышим удар колокола — начинается вечерняя служба.

— Пора, — говорит отец Тихон и быстро встает с места. — Кстати, как у вас с Асей? — спрашивает, когда мы выходим из трапезной.

— Всё отлично! — не могу сдержать радости. — К сентябрю готовь венцы.

— Ого! — Тихон даже останавливается. — Ты уже и предложение сделал?

— Нет, официального предложения пока не было, но долго тянуть я не собираюсь. Не мальчик уже.

— Брат, ты прости, но может не стоит спешить в этом деле? — как-то скептически и чересчур серьезно спрашивает.

— Возможно, я немного тороплю события, но после нашего обоюдного признания в чувствах я совершенно не сомневаюсь в том, что Ася — моя. Мы с ней на одной волне, понимаешь. Даже без слов я чувствую, что она хочет сказать.

— И что же, ты ради неё готов даже отказаться от мечты стать священником?

— Почему отказаться? — мне становится не по себе от такого вопроса — что он имеет ввиду?

— Нууу... — в глазах друга растерянность? или мне это кажется? — Вдруг Ася не захочет стать попадьёй.

Попытка пошутить прошла очень неубедительно.

— Отец, ты темнишь?

— Да глупости какие! — восклицает Тихон. — Давай поторопимся лучше, не то Людмила мне не простит опоздание.

На службе я почти забыл об этом разговоре, однако необъяснимое волнение не

покидало. Даже сосредоточиться на молитве толком не получалось. Что ж такое-то?!

И только выйдя из храма, понял, что предчувствия терзали меня ненапрасно. Сообщение от Асьи имело эффект ледяного душа. Но нет, не такого, который так приятно бодрит жарким днём, скорее это было болезненное возвращение в реальность. Мои мечты и грёзы растаяли, как дым.

Звоню Асье. Не отвечает. Повторять звонки не вижу смысла. Раз она решила не брать трубку, значит, нужно разговаривать вживую, глаза в глаза.

Дома застать беглянку не удалось. Но, спасибо Алевтине Михайловне, у меня теперь есть записка с адресом, по которому я поеду завтра сразу после службы.

Ни разу не знакомился с родителями девушки. С новыми людьми в силу своей профессии схожусь я легко, но тут ситуация не совсем однозначная. Хорошо, если родители Асьи осведомлены о моём существовании, можно будет представиться и проще объяснить цель своего приезда.

А если нет? Как будет выглядеть моё появление на пороге их дома? Взрослый (а рядом с их дочерью, можно смело сказать — старый) армянин представляется парнем их принцессы. На что я могу рассчитывать в такой ситуации? Меня просто прогонят или сначала побьют? Я точно сумасшедший...

По пути заехал в супермаркет — решил немного подстраховаться, ну и в принципе я не привык приходить в гости с пустыми руками. Дабы не быть банальным, явившись со стандартным набором: торт, цветы, алкоголь, — решил заменить выпечку орехами и специальным шоколадом для диабетиков, который можно моей Асье, а алкоголь — набором чая с разными вкусами. А так как я не люблю срезанные цветы, да и купить нормальный букет можно далеко не в каждом цветочном магазине, то я решил заменить их на цветок в горшке. Выбираю самый красивый куст с белыми цветами, чем-то похожими на каллы.

— Это спатифиллум, или, как его в народе называют, — Женское Счастье, — просвещает меня цветочница возраста моей матери. — Помогает найти настоящую любовь, семейным — сохранить счастье на долгие годы.

Невольно усмехаюсь этим словам — в приметы я не верю, точно зная, что цветок не может изменить судьбу человека. Будущее зависит только от нас, однако слова продавщицы всё-таки приободряют. Счастье, семья, любовь — кажется, чем чаще их повторять, тем привычнее эти понятия войдут в нашу жизнь.

Деревня, в которой живут Асины родители, да и жила сама Асья до поступления в университет, выглядит типично: асфальтированная центральная улица, по которой свободно расхаживают коровы, куры и прочая домашняя живность, погоняемая мальчишками без маек, цветом кожи мало чем отличающихся от жителей северной Африки. Навигатор выстраивает маршрут по вбитому мной адресу с бумажки Антонины Михайловны, но неуверенный голос Алисы намекает на то, что искусственный интеллект сам не уверен, правильно ли он меня ведёт. После очередного: «Поверните направо, а затем налево и развернитесь», я понял, что пора возвращаться к старому верному способу узнать дорогу, выраженному нашим мудрым народом емким выражением «язык до Киева доведет».

Спрашивать у детей не решаюсь — лучше довериться взрослому. Желательно мужчине. Ничего не имею против женщин, но боюсь, что назови я нужный мне адрес, к тому времени, как я доеду до места назначения, о моём визите будет осведомлена уже вся деревня.

Как назло по пути не попадается ни один мужик. Ну, в принципе, это логично: лето —

горячая пора, все представители сильного пола работают в полях. Ну, или едут на поле — как вон тот трактор вывернувший впереди меня с телегой, загруженной сеном так, что издали кажется, что по дороге едет огромный стог. Медленно едет, не спеша. И вот я решил, что можно его обогнать, ну а по ходу обгона спросить дорогу. Включаю левый поворотник и начинаю выворачивать руль, выезжая на совершенно свободную встречу. И тут происходит совершенно непредвиденное: трактор начинает тоже двигаться влево, а именно — на меня. Понимая, что до столкновения остаются считанные секунды, изо всей силы жму на тормоз и одновременно — на центр руля. Резкий звук, видимо, отрезвляет водителя трактора, и огромная махина делает резкий возврат на свою сторону дороги. Столь крутой вираж не остается без последствий — телега с сеном сначала покачивается, как дядя Петя в день полочки, а затем всё её содержимое вываливается... на мою машину.

Хорошо, что в салоне работал кондиционер и окна были закрыты, сижу теперь, как внутри стога, и прежде чем успеваю принять решение, что делать дальше, сено с моей стороны начинает шевелиться, и спустя несколько мгновений свет проникает в темную берлогу, а вместе с ним — лицо злющего мужика.

Он стучит в стекло, а у меня возникает такое настойчивое желание нажать на газ и испариться отсюда, но останавливают меня сразу несколько факторов. Во-первых, я так и не узнал, как проехать к дому Асьи. Во-вторых, лицо мужика говорит о том, что избежать его праведного гнева мне не удастся. Ну, и в-третьих, сено, лежащее на переднем стекле и полностью загородившее обзор, очень красноречиво намекает на неоправданный риск такого маневра.

— Здравствуйте, — как можно приветливее произношу это слово, но, по-моему, моя шикарная улыбка создаёт сейчас совершенно противоположный эффект, ибо насупленная бровь и напрягшиеся желваки моего собеседника непрозрачно намекают: «Беги!».

— У меня тут ваше сено... — да, это я не придумал ничего умнее, как сообщить очевидную вещь человеку, желающему мне, судя по глазам, чего-то плохого. — А давайте, я помогу вам его собрать? — как-то затянулось это неловкое молчание, надо же налаживать контакт.

— А давай! — вдруг подхватил моё предложение мужик. — Прямо обведу сегодняшнее число в кружочек в своём календаре памятных дат, как день работы армянина на русского за бесплатно.

Ясно... Еще один поклонник глупых стереотипов. Ну что ж, тогда моя сегодняшняя миссия — если не разрушить их, то хотя бы существенно пошатнуть.

Выхожу из машины и тут же попадаю под «сканер». Презрительно осмотрев меня, мужик скептически прищуривается и спрашивает:

— Ты в этом что ли собрался сено грузить?

— Ну да, а что такого? — запросто отвечаю, снимая часы, чтобы не мешали.

Согласен, мой костюм не лучшим образом сочетается с вилами, но ведь и я ехал сюда не за этим. Белая рубашка с коротким рукавом должна была произвести впечатление на будущую тещу, а не на тракториста... кстати, как его зовут?

— Давид, — протягиваю руку для знакомства.

— Сергей Петрович, — с долей сомнения, но всё же пожимает мою ладонь.

Спустя полчаса мы собрали рассыпавшееся сено. Удивительно, но нам на помощь без всяких просьб прибежали пятеро мальчишек, которые трудились словно муравьи, и когда работа была окончена, мой новый знакомый просто махнул им в знак благодарности, и те,

как ни в чем ни бывало испарились.

— Ну что, Давид, вилами ты, конечно, работаешь не лучше, чем баранку крутишь, — начал Сергей Петрович, подходя ко мне, — но всё-таки спасибо.

Ну надо же — прям выдавил из себя это слово. Видимо, нечасто ему приходится его произносить.

— Справедливости ради, стоит отметить, что это вы нарушили правила движения и чуть не въехали в меня... — не могу не напомнить ему, кто тут вообще-то пострадавшая сторона.

— Ну ладно, уговорил, — я уже приготовился услышать извинения, но, очевидно, зря. — Поехали за мной.

— Куда? — не понял я.

— Как куда? Помыться, конечно. Не поедешь же ты дальше в таком виде.

Дааа, видок у меня и правда «шикарный» — весь в траве, в пыли — не лучший вариант для знакомства с родителями девушки.

Мы подъезжаем к невысокому, но очень уютному домику, обитому деревянным шпакетником и утопающему в цветах. И тут я снова натыкаюсь на подозрительный взгляд, теперь уже женщины лет сорока пяти, развешивающей бельё во дворе.

— Моя жена, Ольга Владимировна, — представляет её мне Сергей Петрович. — А это Давид, — говорит уже женщине. — Оля, налей-ка нам борща с пампушками, да принеси полотенце и что-то из моих вещей, а я Давиду душ покажу.

Женщина пребывает в настоящем шоке и какое-то время просто смотрит на нас, даже не моргая. Потом «отмирает» и «просканировав» меня, быстро удаляется в дом.

— Пойдём, покажу, где можно помыться у нас, — говорит Сергей Петрович уже совсем другим тоном, нежели какой был при нашей первой встрече. Сейчас он дружелюбный и немного виноватый. — Можно, конечно, и в доме в ванной искупаться, но в летнем душе тебе должно понравиться,

— Я с удовольствием искупаюсь, спасибо.

Душ, действительно, выглядит комфортным и вполне приемлемым. Чувствуется мужская рука, которая обустроила тут всё на совесть.

Приведя себя в порядок и нарядившись в футболку и треники Сергея Петровича, я иду к дому. Здесь, как сказал хозяин, на террасе, его жена должна была накрыть стол. Но только вот, почти подойдя, я не успеваю выйти из-за угла, как слышу разговор хозяев дома, который заставляет меня замереть на месте.

— Зачем ты этого армяна к нам притащил? — шипит на мужа Ольга Владимировна. — Учти, я с их братом больше связываться не собираюсь и к сараю его не подпущу на пушечный выстрел.

— Оля, успокойся, этот нормальный. Я его проверил. Да и он не будет нам сарай делать.

— Что тогда он здесь забыл?

— Не знаю, что он забыл, но мне парнишка понравился — трудолюбивый, воспитанный, культурный. Хочу нашу егозу с ним познакомить. Где она, кстати?

Ээээ, нет. Этого еще не хватало.

Выхожу из-за угла и сразу даю о себе знать легким покашливанием.

— Спасибо за душ.

— О, Давид, садись за стол, Оля сейчас борщ принесет, — приглашает меня Сергей Петрович.

Отказываться от борща не в моих правилах, тем более, когда к нему подают еще и свежее испеченный хлебушек и домашнее сало с горчишкой.

За обедом мы с Сергеем Петровичем нашли сразу несколько общих тем для разговора, и Ольга Владимировна тоже немного расслабилась и начала принимать участие в беседе. Даже улыбнулась два раза, правда, попыталась быстро это скрыть.

— Спасибо вам большое за гостеприимство, но мне уже пора, кстати... — я только собирался спросить то, ради чего, собственно, и завязалось наше знакомство с мужиком, но мне снова не дали этого сделать.

— Ну что вы, Давид! — неожиданно воскликнула женщина. — Я же чай заварила, пирог только недавно испекся — не отпущу вас, пока не попробуете!

Приятно, чего уж тут сказать, когда люди меняют своё отношение и отказываются от своих устоявшихся стереотипов. А я с удовольствием соглашаюсь на пирог — тем более, Ольга Владимировна, как я уже смог убедиться, готовит превосходно.

— Чай на травах: чабрец, мята, мелисса — всё сами собирали. Вернее, дочь наша старшая собирала. Она увлекается у нас травами, все знает названия и полезные свойства. Кстати, она должна уже подойти, расскажет вам, что тут еще есть.

Женщина продолжает расхваливать свою дочку, а я, невольно услышав их разговор, понимаю, что это неспроста — меня уже сватают тут во всю. Пора сматывать удочки, а то до Асьи так и не доберусь сегодня.

Поднимаю чашку, чтобы одним махом допить её содержимое, но тут происходит то, чего я меньше всего ожидал. На террасу распахивается задняя дверь и в комнату влетает маленький ураган — моя Асья!

— Ддавид? — я смотрю на него, пытаюсь понять, что это не сон и не галлюцинации. — Что ты здесь делаешь? — так и не найдя в своей голове ни одной здоровой мысли, отвечающей на вопрос, что тут происходит, решаю просить помощи зала. Перевожу взгляд на родителей, они тоже выглядят удивленными, а отца можно смело назвать шокированным.

— Чай пью, — вдруг, придя в себя, с улыбкой отвечает Давид, и светится при этом как начищенный чайник. — Кстати, Сергей Петрович мне обещал увлекательный рассказ одной местной травницы. Что за чудесный сбор я сейчас попробовал!? Эффект потрясающий: один глоток — и мечты сбываются!

Я сначала ровным счетом ничего не поняла из его речи, а потом как понялаааа... Это ведь я, получается, «травница». И... «мечта» тоже я, что ли?...

— Ну ничего себе, совпадение! — смеётся папа, прихлёбывая чай. Он бы, конечно, прихлебнул ради такого случая чего покрепче, но ему уже давно пора возвращаться в поле, и «прихлебнуть» удастся не раньше десяти часов вечера, когда доберется до дома. — Асюха, а ты почему не рассказывала нам, что у тебя жених появился?

Блин, папаааа. Я прячу глаза от Давида, и пытаюсь оправдаться, моментально краснея.

— Пап, ну какой жених, что ты...

Договорить не успеваю. Вернее, мне не даёт это сделать один до безумия красивый тембр с армянским акцентом.

Постойте! Что я сейчас подумала? Что мне нравится армянский акцент?

Похоже, что да. Да и не только он. Мне нравится всё, что связано с Давидом. И сейчас, когда он начинает говорить, я засматриваюсь на его мимику. Не в силах оторвать взгляда, люблюсь каждой черточкой его лица...

— На самом деле, это моя вина. Я собирался сделать Асье предложение сегодня в Измайловске, а потом поехать к вам вместе. Но, видимо, я затянул с этим и запутал Асю. Что ж, так даже лучше. Сергей Петрович, Ольга Владимировна, я прошу у вас руки вашей дочери...

— Мы согласны, — хором отвечают родители, почти не задумавшись, а до меня только сейчас доходит смысл всего, что я услышала.

Глупая улыбка сползает с лица, и я испуганно смотрю на родителей.

— Что? — словно страдающая тугоухостью переспрашиваю у них. — Что? — не веря своим ушам, поворачиваюсь к Давиду. — Что? — на всякий случай уточняю у Ники и младшей сестренки.

Наткнувшись повсюду на насмешливые глаза, понимаю, что мне не послышалось, не показалось и мне сейчас действительно...

— Асья, любимая, будь моей женой, — эти слова Давид говорит, взяв меня за руку и проникновенно глядя в глаза.

Едва сдерживаемые улыбки с лиц присутствующих моментально стираются, сменяясь... Даже не знаю, что они там сейчас выражают, потому что сама я уже ни на кого не смотрю, а все силы бросаю на то, чтобы не разрыдаться от счастья.

— Ну ты чего, Асенька? — Давид испуганно сжимает мою ладонь, в очередной раз неверно истолковав мою реакцию — слёз всё-таки не удалось миновать. — Если ты не

хочешь сейчас замуж выходить, то мы ведь можем подождать...

— Я хочу, — пишу ему несвоим голосом. — Я согласна, Давид.

«Я люблю тебя». Эти слова говорю одними глазами, потому что предназначены они только для ушей моего армянина.

— Ежооовый Дед Мороз! Оля, наливай! — после минутного молчания вдруг выдаёт папка, и сам встаёт из-за стола, направляясь к шкафчику, где хранится его самогон.

Давид заключает меня в объятия, и только теперь я замечаю, что мама с Никой тоже плакали, ибо сейчас активно начали шмыгать носом и вытирать остатки влаги со щёк.

Мне так хорошо быть в кольце любимых рук, что совершенно не хочется из него выбираться, однако Давид вдруг отскакивает от меня.

— Я ж кольцо в кармане джинсов оставил!

— Ехиднина телогрейка! — выкрикивает отец, не донеся рюмку до рта. — Мать, ты стирку запустила уже?

Мама тут же подскакивает с места и бежит в сторону ванной, а мы всей толпой несемся зачем-то за ней.

— Эх, быстро крутит, не видно совсем, — с досадой озвучивает наши мысли моя сестра, когда мы уже больше минуты смотрим захватывающее кино «Кольцо в иллюминаторе».

— Хоть бы камень не разбился, — жалобно шепчет мама.

— Ой, за это не волнуйтесь, бриллиант так просто не повредить, — отзывается Давид совершенно обыденным тоном без капли пафоса, тогда как после его слов все замирают в немом шоке.

— Кранты барабану, — заключает отец. — Да и хрен с ним!

И мы, теперь уже не сдерживаясь, все вместе хохочем, возвращаясь на кухню.

— Дочь, может Нике в зале постелить? — шепотом спрашивает меня мама, когда мы заходим в дом после обеденного чаепития, затянувшегося до самой ночи.

Даже удивительно, как Давид нашел общий язык с моими родными. Я боялась, что мои родители окажутся слишком «простыми» для юриста с московским дипломом, да и взгляды на жизнь у них кардинально различаются. Но вышло всё просто замечательно. Или Это Давид такой замечательный у меня? Да... У МЕНЯ! Ведь я теперь НЕВЕСТА!

Кстати, об этом...

— Нет, мам, в зале ляжет Давид, — уверенно говорю, и мама, которая, видимо, хотела уточнить еще раз, не стала этого делать и, многозначительно кивнув, пошла за свежим бельём.

Моя семья считается «среднестатистической». Порой меня даже раздражали слова, которые звучат у нас постоянно: «все так делают», «что скажут люди?», «это нормально». Иногда я ввязывалась в спор, пытаюсь доказать, что необязательно делать всё так, как «нужно». Кому нужно? Большинству? А кто сказал, что большинство делает правильно?

Только придя в храм я поняла, что «большинство»-то чаще всего и заблуждается. В моей семье темы целомудрия никогда не поднимались, а даже наоборот — мама, перед тем как отправить меня в город на учёбу, сунула мне в сумку пачку контрацептивов. Да еще и сопроводила «наставлением»: «на всякий случай, а то будешь как я — недоучкой».

Да, доучиться — это важно. Получить диплом — это нужно. Устроиться на престижную работу — главная цель. Семьи и любви тут не предусмотрено. Возможно, это оттого, что мама сама не счастлива в браке? В этот приезд домой я впервые задумалась об этом: мама хотела бы другой жизни. Она смотрит мелодрамы, следит за жизнью знаменитостей, а мне постоянно твердит, чтобы я гуляла, с кем хочу, но замуж только за того, кто сможет нормально меня обеспечить. Видимо, поэтому она так быстро согласилась, услышав предложение Давида. Обидно немного... Ну, да ладно. Главное, что всё прошло мирно.

— Спокойной ночи, — говорит мне Давид, когда я, заправив его одеяло в пододеяльник, собираюсь уходить в свою спальню. Я поднимаю глаза на парня и вижу в них игривые искорки. Как же хочется его поцеловать! Не целовались всего несколько дней, а кажется, не меньше года.

Мы одни в зале, и вроде бы момент вполне удачный, но... в этой комнате нет дверей, поэтому в любую секунду может кто-то войти или пройти мимо и увидеть нас.

— Спокойной ночи, — отвечаю с разочарованным вздохом.

— Ась... — шепчет Давид и, делая шаг ко мне, берет мою ладонь и легонько тянет на себя.

— Давид, — шикаю на него, пытаюсь отстраниться, — сейчас войдёт кто-нибудь...

— Ну и что? — прижимает меня, игнорируя сопротивление. — Я так соскучился по тебе...

Дальнейшие мои возражения уже потеряли всякий смысл, потому что я улетела. И не обещала вернуться... Ищите меня где-то между седьмым и восьмым небом.

— Да я только пульт от телека заберу, — слышу доносящийся с земли голос отца. С облаков падать оказалось совсем быстро — каких-то полсекунды. А вот отскочить от Давида, когда его руки так и не разомкнулись на моей талии, не вышло даже тогда, когда

сразу после папиных слов послышалось тихое мамино ворчание:

— Зачем тебе этот пульт, когда телевизор только в зале?! Ой, дети, извините, что помешали...

С трудом, но всё же удается отлепиться от моего жениха, и я, не глядя на него, шмыгаю в арку из комнаты.

Ника в моей спальне уже лежала в кровати с телефоном в руках, а на ее лице сияла улыбка.

— Как там у Димки дела? — спрашиваю, пытаюсь унять своё бешеное сердцебиение. Ясно же, с кем она только что разговаривала.

— Скучает... — счастливо вздыхает подруга. — Говорит, что хочет всё бросить и приехать.

— И что ты об этом думаешь? — я примерно знаю ответ, но хочу убедиться в правильности своих догадок.

— Конечно, я ему не позволю всё бросить! — Ника говорит хоть и уверенно, но в словах чувствуется грусть. — Это его мечта, его цель. Знаешь, — Ника садится на кровати и заговорщически смотрит на меня, — я бы лучше сама бросила институт и уехала к нему!

— Так что тебе мешает? — я понимаю, что сама бы легко решилась бросить всё и на край света уехать за Давидом. Если бы не его спектакль с Татевик, я бы так и сделала и этих шести месяцев разлуки у нас бы не было.

— Он не зовёт... — сникшим голосом отзывается девушка.

— Конечно, не зовёт! Он ведь знает, что ты не согласишься на гражданский брак, вот и уважает тебя, ждёт удобного момента, чтобы сделать официальное предложение.

— А что ему мешает сейчас его сделать?! — ну вот, Ника снова расстроилась. Она встречается с Чацким уже полгода и дальше поцелуев они тоже не заходят, вот она и волнуется, что до сих пор не дождалась обручального кольца. (**почему Димка не спешит с предложением, и как в итоге закончится история Ники, читайте в романе «Чацкий, за тобой карета»*)

Ответить подруге я не успеваю, потому что в следующий миг мы слышим стук и замираем. Стучат не в дверь. Что-то ударилось в моё окно...

Когда в темноте комнаты послышался этот звук, мы с Никой сразу же замолчали и притаились.

— Что это? — шепчет мне едва слышно подруга.

— Понятия не имею, — только успеваю произнести, как в стекло снова прилетает мелкий камушек. Похоже, что это вовсе не случайность, а кто-то нарочно бросает их в моё окно.

Крадусь к подоконнику, чтобы посмотреть, что происходит на улице и замираю, увидев знакомую фигуру. Парень в это время наклонился и что-то поднимает с земли.

Не верю своим глазам! Уж от кого никак не ожидала ничего подобного.

— Давид, — шепотом кричу, когда тот выпрямляется, замахиваясь для очередного «хулиганства». Видимо, он не ожидал, что я так быстро покажусь в окне, и поэтому не успел среагировать — камень всё-таки полетел в меня. Это было настолько быстро, что я тоже не смогла увернуться — да и в темноте не особенно видно траекторию полета мелкого кусочка щебенки. — Ааай, — вскрикиваю не столько от боли, сколько от неожиданности.

— Асья, Асья, — запричитал Давид внизу. — Прости, любимая, прости! Я идиот!

Он говорит еще что-то о том, что это была глупая идея, сокрушается, что не додумался

написать в мессенджере, а меня вдруг затопило такой волной нежности. Я всегда считала Давида прагматиком, не способным на романтические глупости, а тут он просто сломал все мои стереотипы...

— Давид, со мной всё хорошо, не волнуйся! Я сейчас к тебе выйду.

Нет, я не собираюсь выходить в дверь. Не для того я получила камнем в лоб, чтобы испортить теперь такой момент! Перекидываю ногу через оконную раму, быстро прощаюсь с Никой и сажусь, примеряясь, как лучше спрыгнуть.

Дом у нас одноэтажный, но довольно высокий: метра полтора от окна до асфальта. Прыгать из окон мне пока не приходилось, поэтому сейчас немного волнительно. Ну ладно, не волнительно. Откровенно страшно!

— Я тебя поймаю, — говорит Давид, расставляя раскрытые руки прямо подо мной. Смотрю на него некоторое время, а в голове проносятся мысли...

«Прыгну к нему, даже если не поймает»

«А если поймает, то на край света пойду за ним!»

«Это не просто прыжок из окна, это прыжок в новую жизнь. С ним. Навсегда»

Смело отталкиваюсь и прыгаю.

Поймал...

Давид

Какой всё-таки красивый этот клён! Жёлтые листья, точно вырезанные по причудливому трафарету, медленно падают под лёгкими порывами ветра и раскрашивают собой облупленную скамью во дворе больницы. Сентябрь уже на исходе, а погода стоит невероятно теплая. Видимо, бабье лето пришло...

Бабье лето! Вот уж, действительно, для меня с этого дня наступает не то, что лето — целая бабья жизнь. Звучит комично, и я усмехаюсь в голос. Проходящие мимо медсестры с какими-то баулами в руках, настороженно оборачиваются. Киваю им — мол, всё хорошо.

Да, всё не просто хорошо — всё так, как должно было быть.

Сегодня я стал отцом.

Асю полчаса назад прооперировали. А еще почти сутки до этого она мучалась в схватках. Не вышло у моей девочки самой родить. Кесарево.

У меня звонит телефон.

— Сынок, как Асенька? — взволнованный голос нарушает ту идиллию, которая окутала меня после известия о том, что операция закончилась.

— Поздравляю тебя, бабушка! — спешу успокоить маму, которой мы решили заранее не говорить о том, что поехали в роддом. — У тебя теперь есть внучка — Катюша!

Мы не говорили родственникам, как хотим назвать ребенка, потому что были уверены, что начнутся споры и уговоры назвать иначе. Я знаю, что моя мама хотела бы дать моей дочери армянское имя. Но для меня этот вопрос был закрыт изначально: как захочет назвать Ася — так и будет.

— Катюша, — повторяет за мной после некоторой паузы мама, словно слушая, как оно звучит. — Катенька... Екатерина! Прекрасное имя!

А вот это неожиданно!

— Спасибо, мам...

И это не за похвалу имени. Мама приняла Асю. Я знаю, скольких душевных сил ей это стоило. Она даже с Каринэ впервые за много лет поссорилась — сестра так и не смирилась с моей женьбой.

— Давид, мы сегодня же выезжаем в Измайловск, — продолжает мама. — Ну почему вы не сказали нам, что у Аси начались схватки?!

— Мам, не нужно сегодня выезжать, — прерываю её. — Это ваш первый настоящий отдых только вдвоём. Ждём вас не ранее, чем в конце недели, — именно тогда заканчивается подаренная нами путевка в санаторий.

— А мы на выписку не опоздаем? — с сомнением переспрашивает мама.

— Не волнуйся, не опоздаете, — успокаиваю её. — Асье сделали кесарево сечение, поэтому пробудет здесь немного дольше.

— Как кесарево?! — спуганно чуть не вскрикивает мама. — Почему кесарево? Ведь было всё хорошо? Или вы нас обманывали? Сынок, немедленно говори, что с Асей!

— Мама, мам, успокойся! Всё хорошо. И было всё хорошо, мы тебя не обманывали. Просто так иногда бывает... Но Ася и Катюша в порядке.

Я на это надеюсь. Ася пока не пришла в себя. Собственно, поэтому я и сижу здесь до сих пор...

— Ладно, сыночек. Я тебя поздравляю с доченькой! А Асеньке я сама позвоню, как она придёт в себя. И вот еще что, — спохватывается мама, — может, вы к нам переедете? Ну хотя бы на первое время? Асе сложно будет первые месяцы, а так мы всегда на подхвате...

Мама говорит нарочито мягко, хотя я понимаю, чего ей стоит уговаривать меня, а не требовать в приказном тоне. Но нет, мы не переедем к ним. Будем вместе справляться с трудностями. Этот вопрос мы с Асьей обговаривали уже много раз и всегда сходились на одном — даже если будет сложно, всегда нужно жить отдельно от родителей, и никому не давать вмешиваться в отношения нашей семьи.

— Мам, ты знаешь ответ, — также мягко отвечаю, чтобы не обидеть её. — Давай потом об этом поговорим — мне, кажется, Ася звонит.

Я быстро скидываю вызов и переключаюсь на видеозвонок от абонента «Асенька».

На экране появляется любимое лицо. Как же я соскучился по ней — сутки не видел этих серых глаз и только сейчас понял, что без них чувствую себя не собой.

— Привет, — измученно улыбается Ася и неотрывно смотрит на меня. Её волосы сбиты в какой-то куль на макушке, а выбившиеся отдельные пряди хаотично рассыпались по подушке.

— Привет, — севшим голосом проговариваю, глядя, с какой любовью смотрит на меня жена.

Мы молча смотрим друг на друга через экран и улыбаемся. А спустя несколько секунд Ася переводит камеру со своего лица чуть ниже. И тут происходит что-то необъяснимое — у меня внутри всё переворачивается, когда я вижу маленький сверточек, из которого выглядывает красненькая сморщенная головка. Шевелится!

Хорошо, что я не сказал этого вслух! Взрослый мужик и так по-детски испытываю восторг от того, что вижу новорожденного. Мою дочь!

— Представляешь, — шепчет мне Ася, поднося телефон ближе к себе, — я теперь МАМА! Давид! У меня молоко в груди!!! Я кормить ребенка могу!

Мне хочется смеяться и плакать. Какая же она еще совсем девчонка! Девятнадцать лет...

Ася рассказывает мне, как прошла операция, как ей сделали эпидуральную анестезию, и она всё видела и слышала. Рассказ о первом крике малышки и первом прикосновении к ней всё-таки сломили броню, и скупая слеза пробивается наружу.

— Ася, я так люблю тебя! — говорю не для того, чтобы признаться, она и так это знает, а скорее от избытка переполняющих меня чувств.

— И я тебя люблю, мой Давид! — она всегда так говорит, и мне хочется, чтобы она сейчас погладила меня по щеке, зарываясь пальцами в уже прилично отросшую бороду. Ася любит так делать. — Постой! — вдруг настораживается моя жена. — А ты где сейчас?

Ася заглядывает в экран, а я приподнимаюсь на ноги, чтобы показать в камеру больничный двор.

— Ты знаешь, где ты сейчас сидишь? — спрашивает любимая каким-то загадочным голосом. Я недоуменно жду пояснений. — Ты сейчас на «нашем» месте...

— Ты ничего не пугаешь? — оглядываюсь по сторонам, чтобы увидеть хоть что-то, связанное с Асьей, но не могу — мы с ней тут точно не были вдвоём. — Я впервые под этим кленом. Иначе бы наверняка его запомнил.

— Посмотри на здание впереди тебя, — медленно проговаривает жена. — Видишь на первом этаже седьмое окно справа?

Мне немного смешно. Это похоже на какой-то квест. Не понимаю, зачем мне это, но я начинаю считать.

— ... пятое, шестое, седьмое, — киваю в экран.

— Это та палата в отделении терапии, где ты лежал. А я стояла тут и смотрела на это окно...

В памяти всплывает день, когда я прогнал от себя Асю. Разрывался тогда на части от желания её вернуть... А сейчас представляю, как больно было моей маленькой хрупкой девочке, когда она стояла здесь совсем одна в ту ужасную промозглую осень.

«Прости» — проговариваю мысленно. Сказать вслух не успеваю, да и не для того Ася показывает мне на это окно.

— А теперь посмотри на первый этаж, — продолжает жена. — Там реанимация... Окна сюда не выходят...

— Прости меня, Асенька... — шепчу в трубку, понимая, какие тяжелые воспоминания всплывают сейчас в её голове.

— Нет, ты что!?! — Ася обрывает меня. — Это ты меня прости!

— Ася, ты уже много раз просила прощения за эту аварию, неужели ты до сих пор винишь себя?

— Виню... — немного подумав, отвечает Ася. — Но не в том, что отвлекла тебя от дороги.

— А в чём же тогда? — я не понимаю, что она имеет в виду.

— Знаешь, Давид, я много думала потом о тебе, о нас, о своей жизни... — Ася приложила телефон поближе к уху и на экране я вижу теперь только больничный потолок, поэтому весь погружаюсь в слух, стараясь не пропустить ни единого слова. — Если бы ты не попал тогда в аварию, я бы не пришла к Богу. Ну... или это был бы долгий и трудный путь сомнений и преодолений. А когда я поняла, что тебе может помочь только чудо и высшие силы, отправилась в церковь. Вот за это я и прошу прощения, что тебе пришлось пострадать, чтобы я смогла открыть свои глаза. И своё сердце...

— Да, Асенька, ты права, всё происходит так, как должно. Слава Богу за всё!

— Слава Богу за всё! — повторяет моя жена, и экран телефона показывает мне лицо самой красивой женщины в мире, которая с огромной нежностью целует маленький сморщенный комочек самого большого на свете счастья.

Ася

Ура! Сегодня наша выписка с Катюшкой! Эти пять дней, которые я провела в роддоме, были самыми тяжелыми за весь последний год.

Наша свадьба тоже была в сентябре и собрала огромное количество гостей. Армянская свадьба! Никогда бы не подумала, что буду на ней НЕВЕСТОЙ! Когда-нибудь я, наверное, перестану удивляться, насколько непредсказуема жизнь, как много уроков она нам преподносит, со сколькими амбициями и стереотипами заставляет расстаться... Наверное...

Конечно, я сильно переживала о том, как сложатся наши отношения с семьёй Давида. Поначалу было непросто. На свадьбе Мариам улыбалась и выглядела вполне счастливой, и лишь к середине вечера я поняла, что она усиленно играет роль правильной армянской свекрови. В конце свадьбы её прорвало и она разрыдалась. Это был момент снятия фаты. Моя мама сняла с моей головы тонкую вуаль, а свекрови полагалось покрыть голову платком, который символизировал переход от невинной девушки к женщине.

Трогательный момент, но не до истерики. А у неё началась именно она. Нервы сдали,

как говорят. Каринэ и Лали увели её из зала, а ведущая сказала, что это всё слёзы счастья.

После свадьбы я боялась прийти к ним в дом, но, как оказалось, совсем напрасно. Не знаю, что случилось у них — может, папа Ашот поговорил с Мариам, или тот нервный срыв на свадьбе пошёл на пользу — однако, мама Давида изменила ко мне своё отношение. Я увидела, что она очень старается. И не просто быть вежливой, а действительно хочет полюбить меня, как бы странно это не звучало. И я помогла ей. При встрече всегда нежно и искренне её обнимала, целовала в щеку. Во время разговоров всегда поддерживала. И знаете, это возымело эффект. Если поначалу отношения еще оставались натянутыми, то с каждым разом они всё более теплели, и стандартные объятия уже были не самопринуждением, а стали настоящей потребностью.

Когда Мариам узнала, что я беременна, у нас состоялся откровенный разговор наедине, и она впервые призналась, почему была против наших отношений и попросила прощения. Сильная женщина. После этого я её если и не полюбила в полной мере, то уж точно стала очень уважать, и это стало отправной точкой в нашем пути друг к другу.

Но с Каринэ всё сложно. Если поначалу она меня не переносила открыто, то с какого-то момента её прямые выпады в мой адрес прекратились, но ненависть, похоже, только усилилась. Давид рассказал мне как-то, что у неё с мамой произошла серьезная ссора из-за меня. Мама Мариам стала на мою сторону, а Каринэ, видимо, теперь никак не может ей этого простить. Мне жаль её. И не потому, что из-за меня она лишилась единственного человека, который её понимал, а потому что она сама придумала себе эти сложности, какие-то дурацкие принципы, которые поставила выше всего в жизни. Она принесла в жертву своей гордости не только свою семью, но и личную жизнь. Даже не могу представить, какой парень смог бы полюбить её высокомерие и смириться с тем, чтобы каждый день видеть это строгое и вечно недовольное лицо.

Медсестра ловкими движениями «наряжает» Катеньку для выписки, а я не могу избавиться от волнения вперемешку с нетерпением. Я так соскучилась по своему мужу! За год мы не разлучались так надолго, а здесь, в роддоме, у меня возникла острейшая потребность в нём.

Смотрю на себя в зеркало, подводя глаза черным карандашом. Как я мечтаю об объятиях Давида! Внутри всё трепещет в ожидании, даже руки дрожат и коварная стрелка так и не рисуется ровно. Беру спонж и стираю их совсем. Может, тушь хоть немного исправит ситуацию... Волосы уложить тоже не получилось. Они устало свисают по плечам, что придаёт моему виду только БОльшую унылость.

Ну почему я такая страшная!? Бледная кожа, мешки под глазами, «спасательный круг» там, где раньше была тонкая талия... А вдруг Давид меня разлюбит?!

Эта мысль приходит так неожиданно, что меня «накрывает»: я начинаю всхлипывать.

— Так, мамаша, а ну заканчивай нюни распускать, — строго гаркает на меня медсестра. — Дочку лучше успокой!

Я замечаю, что Катюшка и правда закуксилась и собралась составить мне конкуренцию по слезам. Быстро прикладываю её к груди, и кажется, сама тоже немного успокаиваюсь. Вообще, удивительное дело — какие-то эмоциональные качели у меня после родов: то счастье захлёстывает с головой, то вдруг такая грусть накатывает, что слёзы ручьём...

— Карапетян, на выход, ваше время, — стараюсь не заикливаться на этой фразе, которая почему-то напомнила мне фильмы про эков, и настраиваюсь увидеть моего Давида.

Дверь из выписной открывается, и я вижу огромную толпу наших родственников с шарами и букетами цветов. Медсестра с Катюшкой на руках выходит первой, чтобы передать ребенка отцу, мне же не терпится его увидеть! Я тоже хочу на ручки!!!

Выглядываю из-за широкой спины женщины в голубом халате, пытаюсь найти родное бородатое лицо. Как же я мечтаю прикоснуться уже к его бороде, почувствовать любимый запах — запах моего мужа.

Но уже спустя несколько секунд наступает разочарование — сияющее армянское лицо приковано не ко мне! Черные глаза неотрывно вглядываются в розовый сверток с большим ярким бантом.

Эй, я тоже, вообще-то здесь! Я так ждала этой встречи! Так мечтала снова ощутить на себе влюбленный взгляд самого главного мужчины в моей жизни, а он...

Так, стоп! Не реветь!

Машу руками у лица, чтобы отогнать накотившее желание снова расплакаться, и тут оказываюсь прижатой к широкой груди моего мужчины. Не знаю, когда он успел передать Катюшку моей бабуле, но сейчас он обнимает и целует меня у всех на глазах.

А мне даже ни капельки не стыдно!

Наконец-то! Наконец-то я дождалась этот миг!

— Любимая... — шепчет мне в самое ухо, — самая красивая... — словно прочитав мои мысли, как важно было услышать эти слова, — моя жена... Ася...

Остальные слова я не смогу вам процитировать. Они только для меня. Это только между нами двумя. Не обижайтесь, ведь должны же у нас быть свои секретки...

Конец

БОНУС (история Анаит)

Анаит стояла с огромным гелеевым шаром в виде розовой детской коляски. Она улыбалась, ведь была счастлива за Давида и Асю, которые несколько дней назад стали родителями. Но вместе с тем, чувство радости внутри портили неприятные воспоминания, связанные с этим местом.

Нет, двор больницы не ассоциировался у девушки с тяжелым состоянием её племянника после аварии, в этом дворе произошла её личная драма.

После знакомства с доктором Богатыревым Анаит впервые после долгих лет несчастливого брака почувствовала себя женщиной. Максим Сергеевич ей сразу понравился, но признаться себе в этом она посмела только тогда, когда Максим стал проявлять интерес и ухаживать.

Сначала это были предложения просто подвезти до дома из больницы. Постепенно такие поездки стали традиционными и заканчивались не сразу по приезде к дому. Первый поцелуй тоже произошёл в машине. А потом Максим пригласил в кафе, в театр, на концерт, в филармонию...

Они встречались, как влюбленные подростки, но ни разу не обсуждали свои отношения, не пытались определить их статус и дальнейшее развитие. И вот Максим пригласил на ужин в ресторан.

Красивая подача блюд, дорогое вино, шикарный букет красных роз, романтическая музыка и свечи... Глаза Анаит светились счастьем, однако где-то в глубине души подтачивал упрямый червячок сомнения. Похожее с ней уже было. Бывший муж тоже красиво ухаживал, не экономил и пускал пыль в глаза. Вознёс на вершину, а потом собственноручно и сбросил оттуда в пропасть.

Анаит отгоняла эти мысли, уговаривала себя отпустить прошлые страхи и довериться Максиму.

Вечер подходил к концу. После чудесного десерта, который хотя и был потрясающе вкусным, но который всё же осилить его Анаит так и не удалось, они направились к машине. Максим, выпив вина, заранее вызвал такси, и теперь они вместе садились на заднее сиденье.

Назвав водителю адрес дома Анаит, Максим полностью переключился на свою спутницу. Одна его рука легла на плечо девушки, нежно его поглаживая, а вторая неожиданно очутилась на коленке Анаит.

Последнее её не порадовало, но убирать её она не стала, решив, что они уже давно знакомы и, наверное, он уже может себе позволить такую вольность. Но всё равно напряжение не покидало.

— Ань, ты сегодня невероятно красивая, — хрипло произнёс мужчина, наклоняясь ближе к губам Анаит, и девушку покорило от неприятного запаха алкоголя.

— Спасибо, Максим, — искренне поблагодарила она, — этот вечер был прекрасен, — она всё же немного отодвинулась, намекая на то, что целоваться на заднем сиденье такси вовсе не входило в её планы.

Максим разочарованно выдохнул и на секунду замер, а потом вдруг снова наклонился к Анаит и шепотом сказал ей фразу, которой она боялась и мысленно умоляла его не произносить этого сейчас.

— Поехали ко мне?

...

Анаит на некоторое время впала в ступор. Она боялась услышать эти слова настолько, что даже ответ на них не придумала.

— Прости... — только и смогла выдавить она.

Анаит надеялась, что он всё поймёт, но оказалось, что нет.

— Почему? — громче, чем следовало, произнёс Максим. — Что не так? — нотки раздражения всюду сквозили в его словах.

— Я думаю, это не место выяснять отношения, — сдавленно ответила, намекая на невольного свидетеля их разговора — таксиста.

Он задумался лишь на короткий миг, а потом еще более раздраженно произнёс:

— А где будет место для этого разговора, Ань? Возле твоего дома? Или, может, надо было поговорить об этом в ресторане? Сколько можно меня динамить? Я живой человек!

— Пожалуйста, остановите машину, — поняв, что откровенного разговора не избежать, Анаит решила сделать это хотя бы без свидетелей.

— Ты так и будешь молчать? Для чего тогда мы здесь вышли? — Максим шёл за ней, продолжая обиженно ворчать.

Вообще, он сейчас был совсем не похож на того Максима, в которого Анаит почти позволила себе влюбиться.

— Максим, прости, — сказала, наконец, девушка, остановившись и смело посмотрев прямо в зеленые глаза напротив. — Я должна была сразу тебе сказать. Я не буду с тобой спать.

— Почему? — непонимающе выдал первое, что пришло на ум, но тут же спохватился и переформулировал свой вопрос. — Я тебе не нравлюсь?

— Нравишься, — без доли сомнения ответила Анаит.

— Тогда в чем проблема? — Максим развёл руки в стороны, показывая своё полное недоумение.

— В моей семье так не принято. Отношения до брака исключены. И еще это мои личные убеждения тоже, — последнее она решила добавить, чтобы у Максима точно не возникло вопросов и окончательно развеять иллюзии на её счет.

— Ты и правда могла бы раньше сказать... — задумчиво произнёс Максим, глядя куда-то внутрь себя, будто думая при этом о чём-то своём.

— Извини, я оплачу тебе сегодняшней ужин, — вдруг выдала Анаит. Её зацепили его слова и в целом такая реакция. — И за билеты в театр и концерт тоже верну тебе.

Она развернулась на каблучках и быстро пошла в сторону того же такси, на котором они сюда приехали. Водитель почему-то не уехал, припарковавшись дальше по улице.

С этого дня Анаит больше не видела Максима. Он просто исчез. Без объяснений. Без прощальных сообщений. Деньги Анаит, правда, так и не смогла вернуть. Давид заблокировал свой номер телефона, по которому девушка собиралась сделать ему перевод.

И вот теперь она находится там, где всё напоминало ей о нём. Анаит знала, где запасной выход из его отделения, видела его машину на стоянке у больницы, даже встретила двух медсестер из отделения Макса, которые видели их вместе с ним год назад. Девушки шли переговариваясь, но, когда увидели Анаит, то синхронно замолчали, одарив её очень странным взглядом. Анаит решила, что они просто удивлены встрече, и соблюдая правила хорошего тона, кивнула с легкой улыбкой.

Девушки ушли дальше по больничным тропинкам, а девушка вдруг задумалась. Что если

они скажут Максиму, что видели меня? Как он воспримет эту информацию? Вспомнит ли он их недоотношения, которые закончились так и не начавшись, почти год назад?..

За этими мыслями Анаит и не заметила, как кто-то коснулся её плеча. Это мог быть кто угодно, ведь у входа стояли многочисленные родственники, но внутренним чутьём она почувствовала чужого человека.

У неё за спиной стояла медсестра. Одна из тех двоих, которые только что прошли мимо.

— Простите, вы — Анаит? — без приветствия и даже не дождавшись ответа, девушка продолжила: — Могу я с вами поговорить? Это очень важно.

Анаит растерялась от такого напора и, не зная, как реагировать, просто кивнула.

— Я буду ждать вас в беседке возле лор-отделения, — девушка проговорила так, словно куда-то очень торопилась, и практически сразу исчезла из вида.

Анаит стояла среди веселой толпы, даже не понимая сначала, что пропустила момент, когда Ася вышла из отделения. Люди вокруг поздравляли друг друга, фотографировались, а в голове у Анаит набатом била одна и та же мысль — о чём таком важном хотела поговорить с ней практически незнакомая девушка?

Быстро поздравив племянника и всунув, наконец, кому-то из родственников летающую розовую коляску, Анаит поспешила в сторону здания, за которым скрылась медсестра.

Нужную беседку она нашла не сразу. Оказалось, что лор-отделение находится в самой глубине двора, и добравшись до него, Анаит заволновалась еще больше — незнакомка явно выбрала это место неслучайно — его не видно ни из одного здания больничного двора, — а значит, разговор будет секретным.

Девушка в синем брючном медицинском костюме, с накинутой поверх шерстяной кофтой крупной вязки, стояла спиной. От неё шёл дым — девушка курила.

— Кх-кх, — дала знать о своём приходе Анаит.

Медсестра повернувшись, быстро потушила сигарету и, словно возвращаясь мыслями откуда-то издалека, некоторое время просто смотрела в лицо девушки.

— Вы же не замужем, верно? — совершенно неожиданный вопрос просто ошарашил. Странная всё-таки эта девушка — зря, наверное, Анаит так спешила сюда...

— Я вас не понимаю, — попыталась она сформулировать свои мысли. — Вы за этим меня сюда позвали?

— Да, — уверенно подтвердила медсестра, однако тут же поспешила пояснить. — Это ведь ваш брат женился год назад, верно?

— Не брат, а племянник, — решила внести ясность Анаит, — ну, допустим. Если вы хотели узнать только это, то я не намерена больше продолжать беседу. Мне это неинтересно.

— Я не за этим вас позвала. Я хотела поговорить о Максе... — девушка осеклась, — о Максиме Сергеевиче.

Сердце Анаит забилось быстрее. Конечно, ей хотелось узнать хоть что-то о нём, но внутренний страх подсказывал, что информация, которую она получит от этой девушки, совсем ей не понравится.

— Почему вы решили, что я хочу говорить с вами о Максиме Сергеевиче? Я вас даже не знаю...

— Меня зовут Настя, — не дала закончить мысль медсестра. — Я подруга Максима.

Это «подруга» неприятно кольнуло слух Анаит. Что означает в интерпретации этой Насти данное слово?

— Я по-прежнему не улавливаю цели вашего приглашения меня сюда и заданного мне

вопроса.

— Какая же вы колючая, Анаит, — вместо ответа Настя только ухмыльнулась и, достав новую сигарету, быстро прикурила.

Этот жест вызвал в Анаит волну раздражения и обиды. Ей вдруг стало совершенно ясно, что девушка над ней просто насмехается, и очевидно теперь, какая она «подруга».

— Всего хорошего, — строго произнесла Анаит и, не обращая внимания на оклики медсестры, покинула беседку.

Она шла по знакомым дорожкам почти на автопилоте — внутри всё клокотало от злости и... ревности? Анаит не могла признаться себе в этом чувстве, так как раньше никогда подобного не испытывала. Но сейчас перед глазами стояла четкая картинка того, как Максим обнимает смеющуюся Настю, целует её губы, которые только что держали сигарету.

Фу... Анаит покорило от брезгливости и затошнило от обиды. Максим, похоже, изначально не искал серьезных отношений, и его вполне устраивает роман с медсестрой. А что — удобно: далеко ходить не надо, все удовольствия под рукой.

И тут, вывернув из-за угла на приличной скорости, которую уже успела набрать, пытаясь обуздать разбушевавшуюся злость, Анаит наткнулась на того, кому хотела бы сейчас высказать всё, что думает. У машины, копясь в багажнике, стоял Макс.

Убегать и прятаться не имело смысла — мужчина, привлеченный шумным появлением Анаит, оторвался от своего занятия и посмотрел в её сторону.

Несколько секунд они стояли и просто смотрели друг на друга. Видимо, каждый пытался понять, реально ли то, что он видит.

Первой пришла в себя Анаит.

— Здравствуйте, — громче, чем следовало, сказала девушка, не успев подобрать в голове более удачного варианта приветствия.

— Привет, — задумчиво и, напротив, тихо произнёс мужчина.

— Сегодня у Аси выписка, я поэтому здесь, — словно оправдываясь, произнесла Анаит, при этом, однако, всячески стараясь держаться независимо и гордо.

— У Аси? — удивленно переспросил Максим. — Они поженились с Давидом?

— Да, год назад, — произнесла и осеклась, вспомнив, что уже отвечала на похожий вопрос. — Я уже рассказала об этом твоей...

Закончить Анаит не смогла. Назвать Настю его девушкой было бы слишком больно, а подругой — слишком глупо.

— Кому? — словно не понимая, о ком речь, снова удивился Максим.

— Насте, — выплюнула это имя Анаит.

— Насте? Вы говорили?

— Да. Только я не понимаю, к чему был этот разговор, если и так всё понятно! — Анаит говорила резко. Желание высказать Максиму, как она негодует, было так велико, что сдерживать злость совсем не получалось.

— Прости... — зачем-то произнёс мужчина и с горечью посмотрел будто в самую душу.

Ком подкатил к горлу Анаит, и, чтобы не показать, как ей плохо и обидно это слышать, девушка, резко развернулась и зашагала в сторону выхода, даже не попрощавшись.

Однако далеко она уйти не смогла. Каблук на очередном шаге попал в ямку, и едва не упав, Анаит вскрикнула и поймала хрупкое равновесие.

В следующий миг Максим был рядом и поддерживал её за локоть.

— Спасибо, — прошептала девушка и попыталась сделать шаг от него. Не вышло, ногу в ступне словно простреливало от малейшего движения.

— Не шевелись, — скомандовал доктор Богатырёв и тут же подхватил её на руки.

— Что ты делаешь? Не нужно, — Анаит было неловко, гордость вопила: «сопротивляйся и не позволяй ему к себе даже прикасаться», лодыжка стояла на своём: «ни шагу не смогу сделать самостоятельно», а слёзы всё-таки вырвались наружу, но теперь они были скорее от боли, чем от обиды.

— Аня, я просто тебя донесу до травмпункта, — как маленькому ребёнку растолковывал Максим. — У тебя, скорее всего, растяжение связок. Нельзя напрягать ногу в таких случаях.

— Спасибо, Максим, — искренне поблагодарила Анаит, когда он посадил её на кушетку в приемном покое. Девушка была уверена, что на этом их короткая встреча закончится, и хотелось расстаться на хорошей ноте, ибо неизвестно, встретятся ли они когда-нибудь еще раз.

— Пожалуйста, — буркнул мужчина и быстро удалился. Анаит почувствовала укол обиды. Даже не попрощался...

Она собралась позвонить папе, чтобы он помог отвезти её домой, но не успела этого сделать, так как через минуту дверь снова открылась, и в неё вошёл сначала Максим, а за ним какой-то доктор примерно его возраста.

— Здравствуйте. Что у вас случилось? — не представляясь, сразу перешёл к делу мужчина в зеленом костюме.

— Скорее всего, растяжение, — ответил за девушку Максим. — Серый, давай на рентгене глянешь?

Максим снова поднял Анаит на руки, но теперь уже для того, чтобы пересадить в инвалидное кресло, и повёз по коридорам больницы. Новый доктор, видимо, травматолог, то и дело как-то странно поглядывал на пациентку, что не осталось для последней не замеченным. Анаит даже уловила, когда он тихо спросил у Макса: «Твоя знакомая?», на что Богатырёв лишь кивнул. Ну, что ж... она ведь и правда только знакомая...

Анаит привезли в темный кабинет, где находилась большая рентгеновская установка. Она помнила это место, так как была здесь раньше, когда делала снимок для стоматолога, и теперь примерно представляла процедуру.

— Беременности нет? — неожиданно задал вопрос новый доктор.

От неожиданности или от удивления Анаит подняла глаза и тут же встретила с испуганным взглядом Макса. Он смотрел так, будто боялся услышать положительный ответ.

«С чего бы ему бояться или переживать по этому поводу, — одернула себя мысленно девушка, — просто хочет поскорее закончить возиться со мной, и вернуться к Насте. Или, может, еще к кому-нибудь».

— Нет, — раздраженно ответила, стараясь не смотреть больше на Максима. Он молча вышел.

Когда ногу Анаит «сфотографировали», Максим вновь вернулся и забрал её из лаборатории, чтобы дождаться результата снаружи.

Они сидели в пустом больничном коридоре, едва освещенном тусклыми энергосберегающими лампами, которые горели через одну. Сначала молчание казалось обычным делом. Они думали об одном и том же — почему врач задал тот вопрос Анаит?

Постепенно просто молчать стало невыносимо, и первой не выдержал Максим.

— Мне отвезти тебя домой или муж приедет? — в его голосе звучали стальные нотки

при упоминании «мужа», но Анаит поразила не интонация, а само содержание фразы.

— Ты шутишь так? — язвительно парировала она. — Глупо и не смешно.

— Почему же шучу? По-моему, это вполне нормально — заботиться о своей жене и быть рядом, когда ей плохо, — Макс говорил серьезно, но в словах слышался упрёк.

— О каком муже ты говоришь, Максим? — раздраженно выкрикнула Анаит. — Ты прекрасно знаешь, что мы давно в разводе и не общаемся. Зачем эти глупые вопросы?

— Я не о бывшем муже говорю, а о нынешнем, — как-то уже не так уверенно ответил Макс. — Почему он не приехал в больницу?

— Максим, ты переработал сегодня? — скептически глядя на мужчину, спросила Анаит. — Какой еще нынешний муж? Я не замужем!!!

— Что? — будто не веря своим ушам спрашивает Максим, подвигаясь ближе и вглядываясь в глаза девушки. — Но ведь я сам видел тебя в свадебном платье! Ты выходила из машины с каким-то армянином под руку.

— В свадебном платье и с армянином под ручку я была только однажды — 12 лет назад. Вряд и ты мог меня тогда видеть...

— А как же сентябрь прошлого года? — Максим не усидел на стуле, а встал и стал произвольно ходить вокруг Анаит из стороны в сторону. — Я приехал к тебе домой и попал на свадьбу. Возле дома стояло машин двадцать, не меньше. И ты подъехала на белом внедорожнике с каким-то парнем. Аня, я не мог тебя не узнать! Это точно была ты!

Анаит, слушая его, вдруг грустно рассмеялась и закрыла лицо ладонями.

— Будешь продолжать отрицать, что вышла замуж спустя меньше чем через месяц после нашей ссоры?

— Во-первых, — Анаит перестала смеяться и стала зло чеканить слова, — если бы ты немного подумал, то спросил бы себя: почему невеста приезжает на собственную свадьбу на внедорожнике? Во-вторых, не показалось ли тебе странным, что её никто не встречает? В-третьих, я была не в платье, а в белом брючном костюме! В-четвертых, почему я должна вообще оправдываться тут перед тобой?! Ты мне никто! Ты сам ушёл, и теперь пусть Настя перед тобой отчитывается!

— Какая Настя? — словно не слыша всей предыдущей тирады спросил Максим.

— Настя, которая твоя медсестра и любовница! — Анаит «понесло». — Ой, прости, это у вас называется «подруга». Так вот от неё и требуй теперь ответы на свои «почему»!

— Не понял!? — вдруг прогремел над головой девушки голос рентгенолога, или травматолога (этого она так и не поняла). — Это она сейчас про мою жену говорила что ли???

В следующую секунду, не дав участникам диалога опомниться, огромный кулак, сжимавший мгновение назад рентгеновский снимок, встретился с лицом ничего не понимающего доктора Богатырёва.

— Ай!

— Ай! — передразнивает Анаит. — Что ты как маленький, тут всего лишь стёрт кусочек щеки...

— Это вообще-то моя щека, — обиженно бурчит Максим, подставляя своё лицо для обработки зелёной.

— Я могу не мазать, — отклоняется Анаит, — у тебя тут отделение недалеко — там и намажут и зашьют по-быстрому, может даже под наркозом, если захочешь.

— Ну уж нет, — прерывает её Макс и хватая за запястье, подносит руку Анаит к своей

щеке. — Ты виновата, ты и мажь.

Этот невинный жест неожиданно для обоих воспринялся как-то слишком интимно. Рука Анаит запылала от этого прикосновения, а Макс чересчур долго задержал свою ладонь на женском запястье. Ему совершенно неконтролируемо захотелось поводить пальцами по руке выше — до локтя, где начинался закатанный девушкой рукав блузки.

— В чём это я виновата? — хотела возмутиться Анаит, но получилось не очень убедительно. Всему виной побежавшие по телу мурашки от прикосновения рук Макса.

Она хотела оттолкнуть его ладонь, когда та, встретив преграду на руке, переместилась на талию. Сначала несмело, едва касаясь ткани женской рубашки, но не встретив явного отпора её хозяйки, вдруг уверенно обхватила спину и потянула девушку к себе.

— Что ты делаешь? — шепотом прозвучал совершенно глупый вопрос Анаит, когда она оказалась в считанных сантиметрах от Максима, а её обнимали уже две сильные руки.

— То, что давно должен был сделать, — хрипло ответил мужчина и потянулся к её губам.

«Нет, я не смогу его сейчас остановить», — признавалась Анаит в своих мыслях, отбрасывая куда-то в сторону ватную палочку, испачканную в зелёнке, и обхватывая шею Максима.

Поцелуй длился несколько минут. Он вызвал в обоих чувства, каких никто из них до этого не испытывал. Он, словно ливень, который разогнал с улицы всех людей, и теперь наконец видны цветы на клумбах, полил все деревья и их листва вновь зазеленела. Этот поцелуй поселил в души яркий луч надежды, что теперь всё изменится, закончилась тьма, и как бы не ослепляло с непривычки, нужно привыкать к новым реалиям.

Однако даже ощутив такой эмоциональный подъём, Анаит всё же не только не решилась делать первый шаг, но и не стала помогать его сделать Максиму.

— Ну, всё, Максим, — стараясь придать голосу непринужденный тон, заговорила девушка и отстранилась первой. — Мне пора ехать домой. Надеюсь, у тебя всё будет в порядке. Рада, что вы разобрались с Настей и её супругом. Извини за это недоразумение.

— Ты что, правда, вот так уйдёшь? — Макс смотрел ошарашенно, совершенно не понимая, как сопоставить этот поцелуй и последующие слова девушки. — Аня, мы же только что поцеловались!

— С каких пор ты стал таким сентиментальным, Максим? — по-актёрски изобразила иронию, но мужчина, похоже, совсем её не уловил. — Ну поцеловались, и что теперь? Жениться на мне ты не обязан, — слова давались с трудом. Анаит говорила вовсе не то, что было у неё на сердце, но обида от поступка Макса не давала ей сил довериться ему так просто во второй раз. Тем более, он еще и не сказал, чего хочет.

— Аня, ты что, правда, так и не поняла?! — он вскакивает со скамейки за лор-отделением, где они обрабатывали последствия разборок ревнивца-рентгенолога (или травматолога, кто его знает вообще, речь не о нём) и начинает расхаживать взад и вперед, как делал это совсем недавно около кабинета. — Ты думаешь, я хорошо жил этот год?! — он останавливается и, словно ожидая ответа на свой риторический вопрос, всматривается в глаза Анаит. Она молчит, понимая, что Макс сейчас сам собирается рассказать то, о чём она хотела знать всё это время, но не могла позволить себе в этом признаться. — Так вот — я не жил! Я перестал дышать, когда увидел тебя в роли невесты, как я тогда подумал. И только минуту назад я сделал полноценный вдох! Аня, ну не могла ты не почувствовать того же! Ты же тоже меня целовала! Я... Ты издеваешься, да?

Максим остановился, заметив, наконец, на лице Анаит плохо скрываемую улыбку.

— Нет, — и Анаит вдруг расхохоталась.

Она целый год держала себя в себе. Но, запрещая слёзы и грустные мысли, даже сама не заметила, как почти исключила и положительные эмоции. И вот теперь она снова «открылась», словно спали какие-то невидимые оковы, державшие её внутреннюю стабильность.

Максим сначала стоял потрясённый такой реакцией: девушка смеялась очень заливисто, но при этом, он никак не мог понять, что её так рассмешило. Когда же смех всё не прекращался, мужчина понял, что что-то не так.

— Аня, Анечка моя! Прости меня! — он упал перед ней на колени и обхватил руками лицо. — Я дурак! Я полный кретин! Я всё исправлю! Пожалуйста, только не плачь!

Действительно, к этому моменту смех уже превратился в истерику. Максим быстро вернулся на скамейку к Анаит, и перетянул плачущую девушку к себе на колени, крепко прижав к своей груди.

— Тише, тише, девочка моя, — он гладил её по спине, успокаивая, и целовал в макушку. — Всё будет хорошо...

В тот день Максим отвёз Анаит домой на своей машине. По дороге она заснула под действием успокоительного, которое ей пришлось вколоть вызванной Максимом Настей. Она была зла на Анаит, когда та невольно скомпрометировала её в глазах супруга, но, увидев, в каком девушка состоянии, сменила гнев на милость и простила ей поспешные выводы.

Оказалось, Настя действительно была давней подругой доктора Богатырёва, и, увидев девушку, из-за которой давно мучается Максим, захотела помочь. Зная историю со свадьбой, которую якобы увидел её друг, она еще тогда, год назад, подозревала, что всё не так просто в этой истории, но у неё не было доказательств. Теперь же она своими глазами увидела, как Анаит встречает из роддома свою родственницу, при этом стоит в одиночестве и очень грустная. Разговор в беседке всё подтвердил. Вот только рассказать о нём другу Настя не успела.

Подъехав к дому Карапетянов, Максим решительно позвонил в звонок на воротах, и когда ему открыли, внёс Анаит во двор на руках, как самую ценную ношу.

Положив крепко спящую девушку на кровать в её комнате, Максим остался на семейный ужин. Он представился парнем Анаит, даже боясь представить, как она отреагирует на это, когда проснётся. Но, кто не рискует, тот... не пьёт армянский коньяк в компании старшего брата любимой девушки.

Было ли ему неловко? Да, поначалу так точно. Хотел ли он поскорее уйти? Естественно. Почему же тогда остался?

Всё потому, что еще по дороге сюда, глядя на сопящую рядом на пассажирском сиденье девушку, твердо решил для себя, что на этот раз он её не упустит. Впервые осознал, что потеряв Анаит, навсегда потеряет самого себя. Она нужна ему. Он её любит.

Утро Анаит встретила с тяжелой головой, которую помимо принятых накануне лекарств терзали еще и воспоминания о Максе. Вчера он чуть не признался ей в любви. Ну, Анаит, по крайней мере, так показалось.

Изменится ли что-то в их отношениях после вчерашнего вечера? Девушке хотелось верить, что да, но она по-прежнему не собиралась делать шаг к воссоединению первой.

Телефон пиликнул входящим сообщением.

Сердце совершило кульбит, когда Анаит увидела имя абонента, пишущего в столь ранний час.

Доброе утро! Я сегодня заеду за тобой после смены. Пожалуйста, не нужно придумывать причин, чтобы не пойти. Я всё равно приеду. С твоими родственниками вчера познакомился, поэтому, если не поедешь со мной, то разговор будет у тебя дома. Хватит нам уже бегать друг от друга. Пора расставить все точки над і. Пожалуйста, просто будь готова к семи.

«Ничего себе утренний привет! — вслух возмутилась Анаит, прочитав сообщение от Макса. — Да за кого он меня принимает?! Думает, что я истеричка какая-то, что сразу начну в панике от него убегать? Вот ещё!»

Анаит: Хорошо. Позвони, когда подъедешь.

Вот так. Коротко и лаконично. Ни одного лишнего слова.

«Ой, а поздороваться? — Анаит щелкнула по сообщению, чтобы его удалить и написать новое, но прямо в эту секунду под ним появились две синие галочки, означающие, что абонент только что его прочитал. — Теперь уже нет смысла», — девушка разочарованно вздохнула и отложила телефон. Но он тут же подал новый сигнал.

Максим: До встречи!

И целующий смайлик.

Это было так непохоже на строгого Богатырёва, что Анаит несколько раз открыла и закрыла чат, не веря своим глазам. В те два месяца, когда их отношения только завязывались, Макс себе такого не позволял. Да он вообще смайликами не пользовался.

Максим: Кстати, я заказал столик в ресторане. Это чтобы ты потом не говорила, что я не предупредил тебя заранее. Всё. До вечера. Уже скучаю.

«Да что ж такое-то!?? Это он вообще пишет? Может, телефонные мошенники развлекаются и вместо стандартного выклянчивания денег решили заняться глупыми розыгрышами?»

Анаит даже не смогла придумать хоть какой-нибудь ответ. Смелость, с которой Максим обращался к ней в сообщениях, обезоруживала и, как ни странно, нравилась девушке.

Вечером Анаит была готова уже к шести. Оставался еще час, и целая толпа мыслей, неожиданно забегающих в голову и так же неожиданно её покидающих. Чтобы прекратить эти тараканы бега в своей голове, Анаит решила занять себя чем-то полезным.

На глаза попала старая кофта, которую давно пора было выбросить, но Анаит не решалась этого сделать, так как она была напоминанием о бабушке, которую видела всего несколько раз и то — в самом раннем детстве. Анаит, конечно, её не помнила, но, когда та умерла, её вещи раздали родственникам. Внучке досталась эта вязаная кофта на пуговицах с очень необычным узором. Анаит любила носить её дома, тёплая, мягкая вещь согревала и дарила уют. И вот, спустя почти двадцать лет непрерывного ношения, смотреть на неё было грустно, поэтому девушка придумала, как продлить ей жизнь, и вместе с тем сохранить память о бабушке — сшить из неё наволочку на диванную подушку.

Для осуществления задуманного плана требовалась швейная машинка. Рукодельниц в их семье не водилось, но всё от той же бабушки осталась в наследство старая ручная трудяжка, которую за громоздкостью и отсутствием желания применять по назначению, определили на ПМЖ на чердак.

Анаит полезла по шаткой лестнице к своей цели. Чувства настолько будоражили, что ноги, попадая на неудобные ступеньки, так и норовили сорваться. Еще и руки дрожали...

Каким-то чудом девушке удалось-таки забраться в темную мансарду и отыскать там среди тюков и коробок нужный деревянный чемоданчик.

— Ого! Тяжёлый какой! — вслух вырвалось у Анаит. — Как же я его потащу по этой лестнице?

Но азарт уже всю овладел ею. Кряхтя и спотыкаясь, но не оставляя идеи спустить машинку вниз, Анаит поползла по лестнице...

Шаг вниз. Лестница скрипнула и девушке показалось, что она прогнулась. Нога нащупала еще одну ступеньку. Осторожный перенос тела удался, а вот спуск тяжеленного чемодана...

— Аня, брось его! — послышался знакомый голос снизу. — Давай же, не то упадёшь! — Богатырёв говорил строго, и хотелось машинально сделать то, что он говорит, но Анаит уже давно приняла для себя решение — никогда больше не выполнять приказы без предварительного их обдумывания. И вот она висела на ступеньке, отчаянно хватаясь одной рукой за лестницу, а другой изо всех сил пытаясь не выронить громоздкую вещь, которой не получалось найти дополнительную точку опоры.

— Я не брошу, она разобьётся, — пропищала девушка, однако совершенно не отдавая себе отчёт в том, как сможет протянуть в таком положении еще хотя бы минуту.

— Бросай, я поймаю! — крикнул Максим, и в следующую секунду машинка с грохотом обрушилась на пол.

Фанерный чемоданчик раскололся, из него вылетело несколько мелких деталей (а может, это были щепки от самого футляра), а Анаит несколько секунд с содроганием смотрела вниз, вцепившись обеими теперь уже руками в лестницу.

Всего на пару секунд в доме воцарилась тишина, быстро превратившаяся в топот многочисленных ног, становившийся всё громче. Однако, вбежавшие на шум домочадцы, увидев Макса и убедившись, что все живы, быстро ретировались из прихожей, оставив молодых людей наедине.

— Ты же сказал, чтоймаешь её! — Анаит начала слезать с лестницы, попутно укоряя Макса.

— Нет, Аня, — твёрдо заявил Максим, — я не собирался ловить тяжеленный чемодан с непонятным содержимым, подвергая себя опасности и рискуя здоровьем. Из вас двоих поймать я хотел более дорогой мне груз.

— Я что же, груз для тебя? — Анаит оттолкнула протянутую ей руку Макса и приготовилась спрыгнуть с последней ступеньки.

— Да, — спокойно согласился мужчина, который проигнорировал возражения и, обхватив Анаит за талию, потянул на себя, — ты моё сокровище! — словно громом поразило девушку. — И этот груз готов нести всю оставшуюся жизнь!

Сказав эти слова, Максим воспользовался слегка приоткрытым от удивления ртом девушки в своих коварных целях. Поцелуй был долгим и сладким. Когда он закончился, Анаит обнаружила, что её руки обвились шею Максима, и она почти висит на нём, едва касаясь ногами пола. Глаза её сияли, дополняя блаженную улыбку, растянувшуюся, как показалось самой девушке, от уха до уха.

— Максим, ты же помнишь, что я тебе говорила? Ничего не изменилось... Дальше поцелуев у нас не зайдёт.

Она вроде бы предупредила, но по глазам Макса прекрасно понимала, что на этот раз, эта информация его совсем не испугает. Так и вышло.

— Конечно, я всё помню, — как-то слишком иронично улыбаясь проговорил мужчина. — Но тогда и ты запомни кое-что... — он загадочно замолчал, а Анаит напряглась, ожидая, что он скажет. — Я люблю тебя. Запомнила? — ошарашенная девушка даже кивнуть не смогла, очевидно, не понимая, чего от неё ждали. — Так вот, — продолжил Максим, — я готов ждать тебя столько, сколько ты скажешь. Отныне я не отпущу тебя, даже не думай сопротивляться.

Они снова поцеловались. Анаит казалось, что счастливее, чем сейчас, ей стать уже не получится. Однако Макс вдруг прервал поцелуй.

— Как насчёт января? Я узнавал, можно сразу после Рождества. Но будет холодно... Может тогда лучше всё-таки до поста — в октябре или ноябре? Времени на подготовку достаточно.

— Максим, подожди, я ничего не поняла, — Анаит решила, что она упустила нить разговора, и сейчас лихорадочно пыталась вспомнить, на какую тему они говорили до поцелуя. — О чём ты говоришь?

— Как о чём? О нашей свадьбе, — словно само собой разумеющееся выдает мужчина. — Так вот, моё мнение — лучше пораньше...

— Макс, — оборвала его Анаит. — Ты... ты что — мне предложение делаешь? — спросила она почти шепотом, потому что девушке совсем не верилось в то, что это на самом деле так.

— Вообще-то я собирался сделать его в ресторане, но не смог дождаться, — Макс посмотрел в карие глаза так проникновенно, что Анаит поняла — это не шутка и не розыгрыш. — Ты выйдешь за меня замуж?

Максим, словно фокусник, вытащил откуда-то бархатную коробочку глубокого синего цвета и, открыв её, протянул Ане.

Анаит смотрела на красивое кольцо из белого золота с внушительным камнем, а на глаза наворачивались слёзы. Она кивнула и тут же её прижали к большой горячей груди.

— Ты ничего не хочешь сказать? — шутливо спросил Макс спустя несколько минут.

Анаит всего на мгновение оторвала лицо от рубашки, головокружительно пахнущей парфюмом Макса и им самим, и вернулась обратно, сказала всего одно слово.

— Октябрь...

Больше книг на сайте - Knigoed.net